

Традиции семейных отношений и положение женщины в России

Значение дома и семьи в русской жизни

Семья всегда играла очень большую роль как в экономической, так и в духовной жизни России, составляла хозяйственную и нравственную основу жизни людей. Свидетельств тому великое множество в самых разных источниках.

Начнем со сказок — источника традиционного, древнего и универсального. Конечно, любовь и брак составляют основу большинства сказок народов мира, но на русской почве они имеют свои ярко выраженные особенности. Начать с того, что в западноевропейских сказках слава и богатство чаще всего являются главной наградой героя, а прекрасная принцесса лишь дополнительным бонусом. В русской сказке именно хорошая жена и создание семьи становятся итогом походов героя, если же к этому прилагается еще и полцарства, то слава Богу, хотя герои часто обходятся без этого, порой даже отказываясь от предложенного богатства.

В отдельной главе, посвященной русским народным сказкам, много говорилось о том, как семейная жизнь преображает героя. Именно брак делает Ивана-дурака Иваном-царевичем, мудрая жена превращает Ивана Бессчастливого в решительного и уверенного в себе мужчину, даже лягушка приносит своему суженому удачу. В свою очередь семья и брак возвращают заколдованным лягушкам, уточкам и змеям женское обличье, героини делаются сильными, мудрыми, решительными, потому что они борются не просто за свою жизнь (так можно уточкой или лебедем просуществовать), а за свою семью. Согласно сказкам именно семья является высшей наградой человеку за его поступки и деяния.

Подтверждений этому в русских сказках великое множество. Вот, например, еще не упоминавшаяся сказка об Иване Бесталанном и Елене Премудрой (в пересказе А. Платонова). На первый взгляд, история, как это нередко бывает в русских сказках, совершенно нелогичная. Но через ее наивность и сказочность проступает то огромное значение, которое придавал семейной жизни народ, сочинивший ее. Живет Иван с матерью-вдовой, все у него из рук валится, за что ни возьмется, ничего не получается. Мать его, как водится, пилит, все женить хочет: «У разумной жены, гляди-ко, и

неудельный муж в хозяйстве работник и даром хлеба не ест». Заходит к ним как-то старик, просит накормить, а еды-то и нет никакой. Но Иван ему баньку истопил, попарил, одежду постирал, уважил старика. А тот оказался волшебником и богачом, да еще отцом красавицы и умницы.

Голодал Иван с матерью и решил оправиться за помощью к старику. Тот его накормил и спрашивает, почему такой здоровый мужик не может найти себе и матери пропитания. Иван ему честно отвечает, что он бесталанный, ничего у него не получается. А дальше вопреки обычной логике старик ему и говорит: «А отдам-ка я свою дочь тебе в замужество. Она у меня разумница, ее ума-то вам на двоих достанет». Девушка оказалась не только разумница, но и красавица, каких свет не видывал. «Старый отец посмотрел на дочь со строгостью и сказал ей: “Вот тебе муж, а ты ему жена”. Прекрасная дочь только взор потупила: “Воля ваша, батюшка”. Вот поженились они и стали жить — поживать. Живут они сыто, богато...»

А вот для сравнения известная немецкая сказка про храброго портняжку. Там герой совершил три подвига, за которые ему были обещаны королевна и полцарства. Причем настоящих подвига, хотя победил не силой, а хитростью двух великанов, страшного единорога и дикого кабана. Но и в этой ситуации король не хотел выполнять обещание и лишь вынужденно отдал дочь за него замуж. А молодая королева совсем даже не была счастлива, стеснялась своего мужа и только все думала, как бы его убить. И лишь хитростью и страхом портняжка заставил ее жить с ним.

Уму Елены Премудрой противопоставляется доброта и любовь Ивана. Он любит свою жену и тогда, когда она, околдованная, возгордилась и решила испытать его. Интересно, что Иван так и не смог обмануть свою жену — спрятаться так, чтобы она его не нашла, хотя и ловкость проявил, и помогали ему все те, кого он пожалел и кому помог в трудную минуту. И все-таки не смогла Елена казнить его, все оттягивала: «Казнить всегда успеется, а они с Иваном не чужие друг другу, одним семейством жили». Да и Иван ее не боялся: «Жена мужу не страшна. Мне бы только успеть уму-разуму ее научить». А закончилось все совсем просто, ничего Иван не сделал, а конец у сказки счастливый: «Заплакала тут Елена Премудрая, поцеловала Ивана, мужа своего, и попросила у него прощения. С тех пор стали жить они славно — и Елена с Иваном, и родители их — и до сей поры живут». Так вот семейная жизнь и любовь к жене раскрыли в Иване скрытые таланты, показали его доброе сердце, а Елене Премудрой семья и чувство долга помогли победить гордыню и обрести счастье.

Большое значение, которое семейная жизнь имела для русского человека, нашло отражение и в письменных памятниках Древней Руси. Даниил Заточник, загадочный автор XII или XIII вв., обращаясь к князю с советами, настойчиво рекомендует ему быть крайне осторожным в выборе жены, ибо от этого зависит все его будущее. Он рекомендует избегать как жены «безобразной», так и слишком красивой, богатой и льстивой, но самое главное — «злой». «Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому, — восклицает древнерусский автор. — Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает»¹. Тон повествования, в остальных местах скорее ироничный и местами даже саркастический, становится необычайно страстным, когда речь заходит о выборе жены. Может быть, сам автор не понаслышке знал о тех бедах, которые бывают в случае ошибки, и его печальная участь, на которую он не устает жаловаться, не в последнюю очередь обусловлена неудачным браком? Как бы там ни было, но сам факт, что среди важнейших поучений, адресованных князю, первейшее место занимает семейная тема, достаточно показателен.

Знаменитый прекрасный памятник литературы XII в. «Повесть о полку Игореве» посвящен событиям сугубо военным: неудачному походу князя Игоря Святославича против половцев в 1185 г. Войско князя было разбито, а сам он попал в позорный плен. И вдруг прекрасной поэтической нотой врывается в суровое повествование плач Ярославны, жены князя Игоря. И сразу общеисторический контекст отступает, на первый план выходит простая семейная трагедия: «На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. “Полечу, — говорит, — кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле”»². Она хочет быть рядом не только в радости, но и в горести, в минуту поражения и бесславия.

Это не античная героиня пафосными речами вспоминает своего героя, а просто жена тоскует по мужу. Для Ярославны не имеет значения ни поражение в битве, ни пленение и позор, она ждет мужа домой, только с ним у нее веселье, которое теперь «развеяно по ковылю». Она обращается к ветру, к Днепру, к «светлому» солнцу, прося их вернуть «моего ладу ко мне, чтобы не слала я рано к нему слез на море». Тоска и сила ее чувства столь велики, что, как бы отзываясь на ее мольбы, «Игорю-князю Бог путь указывает из земли Половецкой» и он бежит из плена, возвращаясь на Русь, домой, к жене.

Реальный князь Игорь женился на своей второй жене Евфросинии Ярославовне за год до битвы. Ярославна была знатного рода — дочь Галицкого князя Ярослава Осмомысла и внучка (по матери) князя Юрия Долгорукого. Брак ее родителей,

заклученный из политических соображений, не был счастливым: отец открыто жил с любовницей и даже выгнал законную жену из дома. Правда, в какой-то момент возмущенные беззаконием бояре решили навести порядок: сожгли любовницу Настасью, а князя обязали жить с законной супругой. Может быть, это и восстановило порядок в княжестве, но счастья в семейную жизнь, конечно, не принесло. Нашла ли дочь Ярослава счастье в браке или это только поэтический вымысел, неизвестно. Жизнь во все времена была сложна, разнообразна и далека от идеалов, но создание образа верной любящей Ярославны, своеобразной награды князю Игорю за его страдания, света, выводящего его из тьмы плена, характерно. Оно подчеркивает то важнейшее место, которое семья занимала в жизни древнерусского человека.

Наконец, еще один интересный литературный памятник подтверждает вышесказанное. Речь идет о «Повести о Петре и Февронии», полусказочном повествовании, записанном в середине XVI в., в период канонизации его героев, хотя оно и не признается официально церковью как житие святых. Несмотря на это, повесть, бытовавшая в устной форме задолго до записи, получила широкое распространение в русском обществе благодаря идеям, отвечавшим народным чаяниям и идеалам. Интересна эта повесть еще и тем, что исследователи нередко находят параллели (или истоки) мотивов в западноевропейском эпосе, что дает прекрасную возможность для сравнения.

В повести рассказывается о том, что к жене муромского князя Павла повадился прилетать змей. Никто не мог с ним справиться, кроме младшего брата князя, Петра, известного своей храбростью и благочестием, который сразился со змеем и убил его. Ядовитая кровь умирающего змея попала на Петра, и все его тело покрылось струпьями и язвами. Никто не мог исцелить героя, кроме деревенской девушки из рязанской земли Февронии. А она поставила необычное условие: исцеление возможно только в том случае, если князь женится на ней. Князь посопровтивлялся, уж больно неравным был брак, но страдания и желание выздороветь пересилили. Так возник один из самых знаменитых семейных союзов в России. В Февронии много от сказочных мудрых дев: она говорит загадками, которые только она может объяснить, обладает даром предвидения, всегда твердо знает, в отличие от князя, что надо делать.

Тема змия, с которым сражается герой, и мудрой девы, говорящей загадками, привела исследователей к выводу о связи русской повести с средневековым европейским эпосом. Чаще всего называют «Старшую Эдду», исландские саги и «Легенду о Тристане и Изольде». Подобное сравнение с еще большей отчетливостью выявляет разницу идеалов и

лишний раз подчеркивает то несомненное значение, которое придавалось на Руси семейным отношениям.

Герой «Старшей Эдды» Сигурд убивает змея и пробуждает ото сна мудрую деву валькирию. Валькирия, обладающая удивительной силой, дает ему советы, учит его жизни. Герои влюбляются друг в друга, но Сигурд забывает любимую и женится на Гудрун. Далее история продолжается с некоторыми уточнениями: валькирия теперь носит имя Брюнхильды, ее сватает (с помощью Сигурда) Гуннар. Таким образом, возникает любовный четырехугольник, где обе женщины любят Сигурда, он любит жену, а Гуннара, похоже, никто не любит. Ревность и напряженность в отношениях достигают апогея и разрешаются убийством Сигурда, которое подстраивает по просьбе раздираемой страстями Брюнхильды ее муж. Сигурда оплакивают жена, друзья и недруги, а Брюнхильда публично кончает жизнь самоубийством, уходя вслед за любимым.

Персонаж исландских саг конунг Рагнар Лодброк (Кожаные Штаны) убивает змея, который жил у красавицы Торы в качестве домашнего питомца. Ее отец, подаривший дочери маленького змееныша, который превратился в гигантского злобного змея, поклялся отдать дочь тому, кто убьет змею. Рагнар, надев кожаные штаны, защитившие его от яда, справился с задачей, женился на Торе и родил с ней сыновей. Но красавица жила недолго и умерла молодой. Рагнар очень грустил, но однажды в глухом норвежском селении встретил невиданной красоты крестьянскую девушку Краку, наделенную мудростью и прозорливостью. Она позже оказалась не Кракой («вороной»), а Аслауг, девицей знатного происхождения (ее родителями, согласно исландским сагам, были Сигурд и Брюнхильда), и Рагнар женился второй раз. Он счастливо прожил жизнь, убивая врагов, наказывая неверных сыновей, и мужественно умер в яме со змеями, куда его посадил враг. К сожалению, он никогда не слушал советов своей мудрой жены, из-за чего все время попадал впросак, и даже волшебное одеяние, которое она ему дала, не спасло его от гибели.

Наконец, Тристан, герой, наверное, самого популярного европейского рыцарского романа, находясь на службе у короля Марка, убивает великана Морольта (или Морхульт) и тяжело заболевает, отравленный его оружием, находит исцеление в далекой Ирландии, где живет красавица Изольда, сражается там с драконом и побеждает его, сватает Изольду за своего повелителя и везет ее к королевскому двору, где ее ждет жених. Но по дороге оба по ошибке выпивают любовный напиток, и страсть овладевает ими. Изольда выходит замуж за Марка, но любовники встречаются, только их разоблачение прекращает встречи. Марк благородно прощает Изольду и отправляет Тристана, который, женившись, живет в

Бретани, но по-прежнему любит свою красавицу Изольду. Служение даме сердца становится смыслом его жизни. Умирают они в один день, и их хоронят рядом, а за одну ночь на могилах вырастает прекрасное растение, ветвями соединившее могилы, — и смерть не может разлучить их.

Конечно, это лишь самый общий пересказ великих произведений европейской литературы, причем касающийся лишь семейных отношений. Все эти легенды много веков бытовали в устной форме (как «Повесть о Петре и Февронии»), отсюда и бесчисленное количество вариантов. Семейная тема занимает в них важное место, но интерпретируется в соответствии с идеалами и предпочтениями народов, которые их рассказывали и записывали. Внешне сюжеты похожи: убийство героем змия или дракона, нахождение мудрой девы, которая говорит загадками и может сотворить чудо (исцеление воина с помощью чудесного напитка (Тристан), знатный воин женится на крестьянке (Рагнар), смерть в один день (Тристан)). Заметим, кстати, что все эти темы близки античной мифологии и более древним сказаниям. Но говорить в данном случае о заимствовании по крайней мере странно, настолько эти мотивы распространены в различных европейских и восточных культурах.

К тому же в чем-то схожие по форме, они сильно отличаются по наполнению. Начать со змия: Сигурд убивает его, чтобы завладеть сокровищами, Рагнар — ради прихоти и чтобы блеснуть храбростью, а Петр совершает благородный поступок — спасает жену брата от бесчестия (и сохраняет их семейную жизнь). Он единственный из персонажей действительно женится на бедной крестьянке (жена Рагнара благородного происхождения). Все три европейские девы обладают исключительной, невиданной красотой, которая влечет к ним возлюбленных. О внешности Февронии нигде нет ни слова, здесь причина брака — судьба и верность.

Две мудрые девы, Брюнхильда и Аслауг (Изольда только обладает волшебными дарами матери, особенным умом она не отличается), не приносят счастья своим любимым. Норвежская вещунья Аслауг постоянно дает советы мужу, но он никогда их не слушает и поступает по-своему, хотя она каждый раз оказывается права. Он мужчина, воин, для него самое важное — победа в бою, сохранение и завоевание земель, такому человеку не пристало слушаться советов красавицы жены. Иное дело Петр. Понимая и принимая разумность советов супруги, он беспрекословно им следует. Это не унижает его мужское достоинство, не противоречит его положению князя (он змия убил, правит мудро и справедливо, все подданные им довольны). Когда же перед Петром встает выбор — жена или власть, он без колебаний выбирает жену. И не потому, что страстно любит ее,

как Тристан Изольду, а потому, что семья это святое, а власть — вещь суетная (в повести говорится, что, взвесив все, он «власть свою за ничто посчитал»). Конечно, уйдя из родного города, он стал волноваться, как содержать свою семью в новых условиях, но жена его успокоила: «Не горюй, князь, милостивый Бог, Творец и Промыслитель, не оставит нас в нищете!»³ И действительно, на следующий день пришли одумавшиеся бояре и позвали их назад в Муром править.

В «Старшей Эдде» в истории про Сигурда и Брюнхильду на первом плане страсть и ревность (в варианте той же истории в «Песне о Нибелунгах» на первый план выходит месть). Тристан и Изольда одурманены тайной и греховной любовью, для героя в ней главное — рыцарское служение даме сердца, даже женившись на другой, он и не живет с ней как муж с женой (парадокс в том, что он не может изменить любовнице с законной женой!). Изольда, правда, спит со своим мужем Марком, но ревниво следит за всеми женщинами в жизни Тристана. Наконец, для Рагнара эпизод с женитьбой не более чем необходимость: мужчина, воин должен иметь женщину, жену, а герой и повелитель — самую красивую и загадочную из всех. То, что она прозорлива, ему совершенно не интересно, но и не мешает, пусть себе развлекает загадками его воинов, сам он в ее советах не нуждается, ее дело — смотреть за хозяйством и растить сыновей, пока муж странствует и совершает подвиги.

Совершенно иная ситуация в «Повести о Петре и Февронии»: здесь семейная жизнь имеет совершенно особое значение и представлена в идеальном виде, такой, о какой люди мечтали. Начать с того, что свой главный подвиг Петр совершает ради спасения семьи своего брата, убивает змея, который «творил насилие» над его невесткой. Далее, крайне символично, что исцеление для Петра возможно только через создание семьи: именно такое условие ставит крестьянская девушка Феврония. Как и в русских сказках, в ее требовании, на первый взгляд, нет логики — это не корысть, т. к. ей предлагают несметные богатства, от которых она отказывается, это не страсть, она никогда не видела Петра, это прозорливость сердца, которое подсказывает ей, что это ее судьба. Брак в русском мире всегда тесно связан с понятием судьбы, сужености, о чем речь пойдет ниже.

Она мудра, он мужественен и справедлив. Он проходит испытание властью, она — унижением (боярские жены не признают в ней княгиню и всячески пытаются унижить). Согласно идеальному представлению рассказчиков о браке, Петр и Феврония всю жизнь идут рука об руку, вместе работая, вместе творя добрые дела, все и всегда вместе: «И державствовали в городе том, живя по всем заповедям Божиим без порока, пребывая в непрестанных молитвах, и были они милостивыми ко всем людям, под их властью

находящимся, словно чадолюбивые отец и мать. Всех они одинаково любили, не терпели ни гордости, ни притеснений и богатств тленных не берегли, но от Бога богатели. Были они городу своему истинными пастырями, а не наемниками. Правили городом своим истиной и кротостью, а не яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли». За благие дела и праведную жизнь они были причислены к лику святых. В их европейских прототипах нет ни капли святости.

Трогательна кончина героев. К старости они оба приняли постриг и жили каждый в своем монастыре. Но умереть решили, как и жили, вместе. Почувствовал Петр свою смерть, послал предупредить Февронию, а она в это время вышивала ризу для храма и попросила его подождать, то же и во второй раз. На третий раз прислал Петр посланника с вестью, что не может он больше ждать: «Хочу уже умереть и более не жду тебя», — передал он. Воткнула Феврония иголку в вышивку, так и не успев вышить ризы последнего святого, послала к Петру весть, и оба они одновременно преставились. Еще при жизни они изготовили общий гроб на двоих, но люди посчитали неуместным хоронить монахов вместе. Дважды клали их в разные гробы, а наутро находили в общем. На третий раз не решились их разлучать, так и похоронили вместе.

Есть еще один важный для русской культуры фактор — моральный. Брюнхильда желает чужого мужа, он, в свою очередь, по просьбе друга, будучи женатым на другой, лишает ее невинности (правда, в некоторых версиях он лишь преодолевает препятствия, а на время сна кладет между ними меч). Его жена знает об этом и гордится этим. Тристан спит с женой своего покровителя и благодетеля. Правда, рассказчики пытаются оправдать это действием любовного напитка, но факт остается фактом, всю свою жизнь он мечтает о чужой жене. Телесное, страстное, земное (и в общем-то всем понятное) чуждо идеалам русской семьи. О том, что эта проблема понятна и близка русскому человеку, свидетельствует эпизод, описанный в повести: во время плавания один из сопровождающих княжескую семью, женатый человек, посмотрел на Февронию с вожделением. Феврония и в этот раз проявила мудрость. Вот как об этом рассказывает повесть: «Она же, разгадав злой помысел его, быстро обличила его и сказала: “Зачерпни воды из реки с этой стороны судна”. Он почерпнул. И велела ему она выпить. Он выпил. И снова сказала ему: “Зачерпни воды с другой стороны судна”. Он почерпнул. И велела ему снова выпить. Он выпил. Она же спросила: “Одинакова ли вода или одна слаще другой?” Он же ответил. “Одинакова, госпожа, вода”. Тогда она ему сказала так: “И женское естество одинаково. Зачем же ты, свою жену оставив, думаешь о другой!” Понял

тот человек, что есть у нее прозрения дар, и более не смел того помышлять». Чем не ответ Тристану, отказывавшемуся спать со своей женой ради возлюбленной?

Кстати, как уже отмечалось, легенда о Тристане и Изольде, получившая широчайшее распространение в Европе, проникла и в Россию. Но большой популярностью не пользовалась: не семейный ли вопрос смущал русских сказителей? В России всегда была важна мораль произведения, какой-то идеал, к которому хочется стремиться. А какая же мораль в аморальной истории про любовь к чужой жене и забвение своей? «Жили вместе и умерли в один день» — это понятно и хорошо.

История сохранила своеобразный памятник, излагающий основы русской семейной жизни, — «Домострой». Судьба его не менее интересна и показательна, чем его содержание. Письменная версия «Домостроя» появляется в середине XVI в. Как и большинство произведений того времени, он известен в различных редакциях, анонимен и, видимо, существовал задолго до письменного оформления. Подобного рода поучения были известны на Руси давно, достаточно вспомнить известное «Поучение Владимира Мономаха» начала XII в. и разного рода сборники, собравшие переводные и отечественные тексты назидательного характера (например, «Изборник 1076 г.», «Измарагд» и др.). Широкое распространение разного рода домострой получили и в Западной Европе, особенно начиная с XIII в. Корнями они уходят в античную и византийскую литературно-философскую традицию, имеются и восточные, особенно древнеиндийские, аналоги. Итальяно-немецкий домострой был даже напечатан в 1542 г. и разошелся значительным для своего времени тиражом.

Все это не умаляет значения «Домостроя» как важного материала по истории семейных отношений в России. Более того, он практически единственный из источников того времени дает возможность взглянуть на эти отношения изнутри. Большинство исследователей судят о русской семье XVI–XVII вв. по запискам иностранцев. Именно в них сохранилось наиболее подробное описание брачных обрядов, взаимоотношений в семье, отношения к женщине, детям. Отечественные письменные источники того периода практически не интересовались такого рода вопросами: есть описания сражений, биографии героев, жития святых, законодательные документы. По ним тоже, конечно, можно судить о русской семье, но лишь опосредованно. А иностранные путешественники живо интересовались бытом и нравами диковинной (а для некоторых и дикой) страны и щедро делились с читателем своими «впечатлениям». Другое дело, что пользовались они в основном слухами и готовыми стереотипами, да и оценивали большинство непонятных им

явлений не слишком доброжелательно. «Домострой» же позволяет увидеть идеальную семью глазами русского человека.

Нередко приходится слышать, что «Домострой» лишь собрал европейские поучения и преподнес их отечественному читателю. С этим трудно согласиться. Не отрицая влияния европейских образцов (все они, в той или иной мере, взаимодействовали между собой, да и схожий характер эпохи определил схожесть многих позиций), необходимо подчеркнуть, что «Домострой» по своему содержанию отражает национальные взгляды и представления об идеальной семье. По мнению исследователей, проводивших сравнительный анализ различных домостроев, «эти сличения остаются бесплодными, ибо преемственности явно нет» (Пыпин А. Н., 1898), «Домострой не зависит от иноземных образцов» (Петухов Е. В., 1911)⁴. А современный исследователь «Домостроя» В. В. Колесов отмечает, что «не рабское копирование переводных произведений, а постоянная переработка текстов в соответствии с собственными нуждами сопровождала развитие древнерусской литературы»⁵.

Авторство «Домостроя» до сих пор окончательно не установлено, но большинство исследователей считают, что он написан, а точнее, составлен из разного рода источников Сильвестром (начало XVI в. — до 1577 г.), священником кремлевского Благовещенского собора. О жизни Сильвестра известно крайне мало, что удивительно, т. к. он играл заметную политическую роль в правление юного Ивана Грозного.

Происходил Сильвестр из новгородской купеческой среды, был сторонником сильной государственной власти. Постепенно он впал в немилость грозного царя и был пострижен в монахи Кирилло-Белозерского монастыря (Иван Грозный настаивал, что постриг был добровольным), где он, видимо, и умер.

Противоречивые оценки политической роли Сильвестра в жизни страны встречаем еще в современную ему эпоху. Так, сам Иван IV в первом послании к «изменнику» князю Андрею Курбскому писал, что, будучи совсем молодым правителем, «для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу». Но Сильвестр, считал Грозный, обманул его ожидания и воспользовался доверием для достижения власти. У оппозиционно настроенного Курбского оценка деятельности Сильвестра совсем иная: «Случилось то, что душу великого князя он исцелил было и очистил от ран проказы, а развращенный нрав поправил, наставляя то так, то этак на верный путь»⁶. Подобные противоречия характерны при оценке государственной деятельности Сильвестра.

Помимо политики Сильвестр занимался и литературным ремеслом. Так, достоверно известно, что он был автором жития св. княгини Ольги, нескольких посланий царю Ивану Васильевичу. Авторство или составительство «Домостроя» не столь бесспорно, но очевидно, что руку к его написанию он приложил. Заключительный раздел «Послание и наставление от отца к сыну», в котором подводятся итоги, совершенно точно написан самим Сильвестром. Он обращается к своему сыну Анфиму, недавно женившемуся и поступившему на царскую службу, т. е. начавшему самостоятельную жизнь.

Трогательно и нежно обращается отец к сыну: «сынок», «чадо мое любимое», «чадо мое единственное и любимое», «милое мое чадо дорогое» и т. д. В тоне послания чувствуется искренняя любовь и забота. Он призывает сына следовать простым и вечным заповедям: верить в Бога, творить добрые дела, остерегаться несправедливого богатства, верно служить государю и отечеству. Особое место в послании занимает семейная тема: отец просит сына беречь семью как великую ценность, заботиться о ней, содержать в любви и достатке, дает советы, как обращаться с женой и детьми.

Пуще всего предостерегает он сына от двух бед семейной жизни — пьянства и измены: «Законный же брак со всей осторожностью соблюдай до конца своей жизни, чистоту телесную сохрани, кроме жены своей не знай никого, а также и пьянственного недуга берегись — в тех двух причинах все зло заводится вплоть до преисподнего ада...» При этом он ссылается на свой личный положительный опыт: «Не познал я другой жены, кроме матери твоей; как дал ей слово, так и исполнил». Через послание к сыну личность реального, живого Сильвестра, мужа и отца, а не политика и священника, пожалуй, раскрывается наиболее полно и ярко.

«Домострой» отразил господствовавшие в России нравы и представления о семейной жизни. Он не являлся законом, как его часто понимают, но и не был просто личным внутрисемейным сборником. Он собрал и отразил народные представления, причем характерные не только для городской среды, в которой он возник.

Неожиданное «второе рождение» «Домостроя» относится к середине XIX в. В 1841 г. он был впервые опубликован. Прошло немного времени, и «Домострой» оказался «вовлеченным» в идеологическую борьбу и революционную пропаганду. Он стал синонимом косности и отсталости, жестокости и бесправия старой эпохи, под которой подразумевали отнюдь не XVI в., а вполне современные явления русской жизни. Он стал

олицетворением того нравственного застоя, борьба с которым представлялась столь важной народникам, интеллигентам, демократам и революционерам.

Слово «домостроевщина» стало ругательством. Вот одно из ярких высказываний (1885): «Домострой царил у нас повсюду, во всех понятиях, во всех слоях общества, начиная с деревенской избы и кончая помещичьим домом. Везде ходил домостроевский «жезл», везде в том или другом виде сокрушались ребра или вежливо стегали жен и детей плеткой (советы домостроя), — везде, с первых же шагов жизни, человек чувствовал, как его во всем нагнетали и принуждали, как его личному чувству не давали ни простора, ни выхода и как какое-нибудь масло выжимали в старые протившие формы»⁷.

Не намного улучшилась ситуация и в советское время. Острота эмоций, конечно, ушла. В многотомной истории русской литературы, вышедшей в 1940-х гг., отмечалось: «В наше время странно было бы относиться к этому памятнику средневековья как к действительному: его миропонимание и практика отошли в вечность, и нет угла, где бы домостроевские нормы остались в быту. Но в половине XIX в., когда был опубликован текст «Домостроя», они еще жили, и не только у попов или в среде старообрядцев, но и в городском купечестве и в зажиточном, кулацком слое крестьянства. Вот почему интеллигенция так страстно реагировала на домостроевский быт, борясь со всяким проявлением этой свирепой системы с елейной внешностью»⁸. Но наряду с радостью, что все это ушло в прошлое, негативная окраска понятий «домострой», «домостроевщина» осталась и в советское время.

Вышедший чуть ранее толковый словарь под редакцией Ушакова (вторая половина 1930-х) дает следующее определение: «ДОМОСТРОЕВСКИЙ, домостроевская, домостроевское (книжн.). Патриархально-суровый, косный и грубый (о семейном быте)». Его почти дословно повторяет и словарь 1960-х Ожегова: «патриархально-суровый и косный семейный быт [по названию старинного русского свода житейских правил]».

Современная эпоха возродила интерес к «Домострою», он вновь стал использоваться в идеологических целях. Теперь, наряду с сохраняющейся негативной оценкой, особенно при рассмотрении проблем, связанных с положением женщины в России, появилась и некоторая идеализация этого памятника. Его воспринимают как символ русской традиции, носителя национальных ценностей, руководство, по которому можно возродить в России свойственные ее культуре нравы, уклад и обычаи. Столь долгой и активной оказалась политическая и идеологическая жизнь «Домостроя».

Для исследователей русского мира «Домострой» прежде всего представляет интерес как исторический источник, дающий редкий материал по истории быта и нравов XVI в., предоставляющий возможность взглянуть на повседневную жизнь того времени, раскрывающий то огромное значение, которое придавали семейным ценностям в России.

Структура и содержание «Домостроя» просты, соответствуют эпохе и поучительному жанру. Он распадается на три смысловые части, выделенные в предисловии. Во-первых, «духовное строение», содержащее религиозные наставления, рассказывающее о том, как молиться, ходить в церковь, почитать священников, а также уважать власть и царя. Во-вторых, «мирское строение», посвященное общественным отношениям и устройству семейной жизни. Наконец, третья часть, «домовное строение», относится к решению внутренних проблем дома, семьи, хозяйства.

Вопреки распространенным стереотипам «Домострой» настойчиво повторяет мысль о совместных обязанностях мужа и жены, о необходимости сообща решать проблемы: «Каждый день и каждый вечер, исправив духовные обязанности, и утром, по колокольному звону встав, и после молитвы мужу с женою советоваться о домашнем хозяйстве, а на ком какая обязанность и кому какое дело велено вести...» Он наделяет хозяйку дома, «государыню» практически такой же полнотой домашней власти, как и хозяина. И запреты для всех — господина, жены и детей, их домочадцев, т. е. слуг — одинаковые, вечные: «не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним — дружелюбным, к младшим и убогим — приветливым и милостивым».

Главное различие положения хозяина дома от всех остальных членов семьи, в том числе и жены, заключается в двух взаимосвязанных моментах, именно они определили последующее критическое отношение к «Домострою». Во-первых, это та огромная ответственность, которая возлагалась на главу семьи не только за свою жизнь, но и за жизнь и, что еще важнее, души домочадцев: «Если муж сам того не делает, что в этой книге писано, и жены не учит, и слуг своих, и дом свой не по-божьи ведет, и о своей душе не радеет, и людей своих правилам этим не учит, — и сам он погиб в этом веке и будущем, и дом свой, и всех остальных увлек с собою».

Второе заключается в том методе «учения», который предлагается, — наказание жены, детей и домочадцев. Надо отметить, что в первую очередь «Домострой» предлагает

«воспитывать жен своих с любовью и примерным наставлением». И только если это не помогает, «сурово ее накажи, страхом спасая, но не гневайся на жену, а жена — на тебя. Поучай наедине, да поучив, успокой и пожалей, и приласкай ее; также и детей, и домочадцев своих учи страху Божию и всяким добрым делам, ибо тебе ведь ответ за них дать в день Страшного Суда». Отнюдь не оправдывая физического наказания, хотелось бы обратить внимание на то, что подобная идея — изнуряя тело, спасешь душу — вполне соответствовала религиозным нормам. Совет наказывать жену наедине свидетельствует, как это ни парадоксально, о ее важной роли в семейном и домашнем укладе: тайное наказание не роняет авторитет жены в глазах детей и домочадцев, остается некоей тайной между мужем и женой.

Для того чтобы понять подобное отношение к наказанию, надо помнить о том, что, несмотря на вечные и всегда актуальные ценности и проблемы, которые освещает «Домострой», он был создан в конкретную историческую эпоху, когда наказание было общепринятым, общеевропейским методом воспитания. Беда «Домостроя» в том, что он во многом был очень современен в самые разные эпохи, а историческое несоответствие вида наказания сбивало с толку и рождало негатив. Если же абстрагироваться от исторических реалий, мы получим важные итоги. Согласно «Домострою», основой праведного существования человека (соответственно трехчастному делению книги) были вера в Бога, верность семье и труд во имя Бога и на благо семьи. Все эти факторы являлись определяющими в духовной жизни русского человека.

Место и роль семейных отношений в системе национальных ценностей нашли отражение и в этнографическом материале. В крестьянской среде неженатый мужчина и незамужняя женщина были чем-то вроде довеска в семье, бесправными рабочими руками без перспектив и возможностей. Сами крестьяне говорили об этом так: «Неженатый не считается у нас настоящим крестьянином. На него смотрят отчасти с сожалением, как на нечто нецельное, отчасти с презрением»⁹. Женщина, как правило, жила в доме родителей, а после их смерти у братьев или, при их отсутствии, у сестер. Для одинокого мужчины главной возможностью самостоятельной жизни был уход в город на заработки, в крестьянской среде он мог оставаться только работником в доме.

Весь уклад деревенской жизни одновременно отражал важность семейных отношений и как бы подталкивал к созданию семьи. Только женатые крестьяне, замужние или овдовевшие крестьянки могли участвовать в сельских сходах, самостоятельно завести

хозяйство, получить отдельный земельный надел. Для крестьян, по замечанию современного исследователя, брак был «не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе (общине), но это был еще и моральный долг»¹⁰.

В русском языке отразилось отношение народа к одиноким людям. Так, слово «бобыль» изначально применялось к крестьянам, не владеющим землей и не несшим тягла. У бобыля могли быть бобылиха, бобылята (зафиксировано в словаре Даля), т. е. его положение не предполагало неперемного одиночества. Постепенно бобыли все больше приравнивались в податном отношении к остальным крестьянам, а после введения подушной подати в 1724 г. окончательно слились с ними. Но в языке слово сохранилось и по-прежнему содержало в себе значение ущербности, обездоленности. Так, в середине XIX в. в словаре В. И. Даля оно означает крестьянина, «не владеющего землею, не потому чтобы занимался промыслами или торговлей, а по бедности, калечеству, одиночеству, небрежению», иногда применительно к крестьянину, у которого нет сына, а только дочери. К XX в. осталось только просторечное значение одинокий, бессемейный человек (см. словарь С. И. Ожегова). А фраза «живет бобыль бобылем» до сегодняшнего дня донесла жалостно-бесприютный смысл этого слова из глубины веков, когда бобыли были действительно ущемленной в правовом отношении группой населения.

О том, насколько хорошая жена важнее любого богатства, говорят старинные народные обрядовые свадебные песни. На свадьбах, согласно этнографическим данным, существовал обычай «вьюнства», жениха называли «вьюнец», невесту — «вьюница» молодая¹¹. Этимология этих терминов не совсем ясна. Бытописатель XIX в. А. В. Терещенко полагал, что это от испорченного слова «юный», «молодой», а «вьюнствовать» значит чествовать молодых. Он же писал о том, что «вьюн» в некоторых северных районах России — это круг, хоровод, во время которого поются песни¹².

В одной из песен «вьюн» — растение, видимо, старинный обычай связывали с известным цветком. В этой песне¹³ жениху предлагают разные богатства, но он все их отвергает, т. к. нет ничего ценнее любимой жены:

Вьюн над водой,

Да вьюн над водой,

Ой, да вьюн над водой расстилается.

Жених у ворот,

Ой, да жених у ворот,

Да жених у ворот дожидается.

Вынесли ему,

Да вынесли ему,

Ой, да вынесли

Сундуки полны добра.

— Это не мое,

Да это не мое,

Ой, да это не мое,

Это деверя маво.

Вьюн над водой,

Да вьюн над водой,

Ой, да вьюн над водой расстиляется.

Жених у ворот,

Да жених у ворот,

Ой, да жених у ворот дожидается.

Вывели ему,

Ой, да вывели ему,

Да вывели ему вороного коня.

— Это не мое,

Да это не мое,

Ой, да это не мое,

Это шурина маво.

Вьюн над водой,
Да вьюн над водой,
Ой, да вьюн над водой расстиляется.
Жених у ворот,
Да жених у ворот,
Ой, да жених у ворот дожидается.
Вывели ему,
Да вывели ему,
Ой, да вывели ему
Свет Настасьюшку.
— Это вот мое,
Да это вот мое,
Ой, да это вот мое,
Богом даденное.
Вьюн над водой,
Да вьюн над водой,
Ой, да вьюн над водой расстиляется.
Жених у ворот,
Да жених у ворот,
Ой, да жених у ворот дожидается.

Сохранился замечательный пласт «семейных» пословиц и поговорок. Многие из них живы и по сей день. Серьезные и шуточные, они говорят об одном — только семья со всеми ее горестями и радостями является нормой существования человека. Приведем лишь некоторые: «Семейная каша погуще кипит»; «В семье и каша гуще»; «На что мягко

стлать, коли не с кем спать»; «Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи»; «Холостой — что бешеный»; «Холостой — полчеловека»; «Одному спать — и одеяльце не тепло»; «И в раю жить тошно одному»; «Живешь — не с кем покалякать; Помрешь — некому поплакать»; «Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможет»¹⁴.

Хотя тут же справедливости ради: «Одинокому — хоть утопиться, женатому — хоть удавиться». Семейная жизнь была, как всегда и везде, разной — счастливой, несчастливой, но единственно правильным и праведным путем для человека, ибо «одному и топиться идти скучно».

В полной мере «мысль семейная» (Л. Н. Толстой) нашла свое выражение в русской литературе. Семейная тема нередко оказывалась в центре внимания писателей, причем незыблемость семейных устоев оставалась залогом жизненного счастья. Адюльтер, страсть, даже любовь уступали законному браку. Татьяна Ларина хранит верность мужу-генералу, откровенно признаваясь в любви Онегину. Путь Изольды — обманывать мужа пусть даже ради большой, настоящей, искренней любви — для нее невозможен. Анна Каренина изменяет мужу ради любви (почти не скрывая, обман претит ее честной натуре) и гибнет, иного пути нет. Лиза из «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева всю жизнь отмаливает грех влюбленности в женатого мужчину: даже если было одно свидание в саду, а его семейная жизнь — сплошное страдание.

Почти в одно время создаются «Госпожа Бовари» Г. Флобера и «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. И это не случайно. Проблема женской свободы, изменившееся отношение общества к семейным устоям, феминистические идеи, революционно-демократические доктрины равенства полов и т. д. — все это было одинаково актуально для России и Франции второй половины XIX в. И в том, и в другом романе в центре внимания измена жены мужу, обе героини, вкусив запретной любви, погибают по своей воле в конце произведения.

Сюжет схож, но развивается по-разному. Мадам Бовари начинает томиться и страдать сразу после свадьбы, ее тяготит муж, не радуется ребенок, она ждет любви, причем любви чувственной. Она завлекает и соблазняет, пусть и наивно, неопытно. «Веление плоти, жажда денег, томление страсти — все слилось у нее в одно мучительное чувство», — пишет Флобер о своей героине. Изменив мужу, она становится более внимательной к нему (в отличие от Анны Карениной Эмму муж раздражает до измены). Подобно средневековой Изольде, она направляет все силы женского ума на обман. И преуспевает в этом, муж до самой смерти героини не догадывается о ее любовниках. Эмма

тщеславна, мечтает о богатстве и роскоши и в конце концов пускает семью по миру, что становится причиной ее решения уйти из жизни. Французская героиня любит двоих мужчин, почти одновременно. Это прежде всего страсть, чувство физиологическое, ее тянет к мужчинам, она страдает от томления и физической неудовлетворенности. Оба мужчины предают ее, бросая на произвол судьбы. Только муж хранит Эмме трогательную верность, даже после ее смерти, узнав об ее изменах, и умирает, не вынеся разлуки.

Другое дело — Анна Каренина. Она выходит замуж, рождает сына, не представляет и не хочет другой жизни. За рамками повествования остаются причины и условия ее брака с немолодым Карениным, но до встречи с Вронским ее семейная жизнь спокойна и обыденна. Любовь все меняет. Она не может обманывать своего мужа, постоянно выдавая себя, жизнь с ним становится для нее невыносима. Изменив супружескому долгу, она не может продолжать супружеские отношения. Физическая сторона ее любви к Вронскому не имеет для нее большого значения. Для счастья ей нужно объединиться с любимым, жить вместе с ним, создать новую семью. Но это невозможно. Она страдает из-за разлуки с сыном, обиды Каренина, неуверенности в том, что Вронский может любить такую испорченную, падшую женщину. И уходит из жизни. Муж и любовник на протяжении всего романа не только любят героиню, но постоянно соревнуются в благородстве, в том числе и после ее гибели.

Флобер показывает, что за ханжескими семейными устоями скрываются человеческие страсти, желания, чувства, он разоблачает лицемерие, пустоту, обыденность жизни французской провинции. Толстой подтверждает правоту Татьяны Лариной: нет счастья вне семейных уз, только они являются спасением от суевы и мелочности света, от ничтожества повседневной жизни.

Еще более определенно, хотя, может быть, и не так наглядно, эта мысль раскрывается в романе Толстого «Война и мир». В русских народных сказках сюжет очень часто «опоясывается» семейным мотивом: с семьи начинается развитие истории, потом герой покидает дом, проходит через испытания, чтобы в конце вновь создать семью. Таков же путь главных героев великого романа Толстого. Их искания, духовные и нравственные странствия, интеллектуальные сомнения и жизненные перипетии имеют только одну цель — построение семьи. Именно благодаря семье приходит к ним успокоение, понимание смысла жизни, обретение душевного покоя. Если же такой выход по законам развития сюжета и характера героя невозможен, герой, подобно князю Болконскому, обречен на смерть.

Вот как чувствовал это Пьер Безухов, прошедший через сомнения, неверие, разочарование, войну, разврат, испытание бедностью и богатством. Он мнителен, у него низкая самооценка, порой сменяющаяся чувством превосходства, он неуравновешен, постоянно во всем сомневается. На протяжении всего романа он ищет самого себя — в масонстве, гулянках, сражениях, беседах с князем Андреем, а находит только в семейной жизни: «После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел себя отраженным в своей жене. В себе он чувствовал все хорошее и дурное смешанным и затемнявшим одно другое. Но на жене его отражалось только то, что было истинно хорошо: все не совсем хорошее было откинута. И отражение это произошло не путем логической мысли, а другим — таинственным, непосредственным отражением».

Многие критики и читатели романа сразу после его выхода в свет пеняли Толстому на то, что так банально и неромантически завершилась история Наташи Ростовской, наверное, самой любимой героини писателя. Сравним Наташу в начале романа и в его эпилоге.

Юная Наташа, какой ее увидел князь Болконский, «...черноволосая, очень тоненькая, странно-тоненькая, черноглазая девушка в желтом ситцевом платье, подвязанная белым носовым платком, из-под которого выбивались пряди расчесавшихся волос...» Она сидит ночью у открытого окна, готовая обхватить себя руками и полететь от переполняющего ее счастья при виде чудесной ночи, она обращается к подруге: «Ну, как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Ах, какая прелесть!.. Ведь эдакой прелестной ночи никогда, никогда не бывало...» Наконец, Наташа окончательно завоевывает сердце князя своей внутренней, душевной чистотой: «...замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой».

Зрелая Наташа «пополнила и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка». Она изменилась не только внешне, но и внутренне: «Она, то что называют, опустилась. Наташа не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о том, чтобы показываться мужу в самых выгодных позах, ни о своем туалете, ни о том, чтобы не стеснять мужа своей требовательностью».

Контраст разителен. Толстой подчеркнуто не жалеет красок для описания преображения своей очаровательной героини. Сами же критики оправдывали писателя тем, что он увлекся внутренней полемикой с набиравшим силу феминистическим движением в России и утрировал «падение» своей героини. На самом деле такая концовка представляется логичной, вытекающей из всего развития судеб толстовских героев и вообще русской традиции. Не приземленность и пошлость Наташи хотел показать Толстой, а воплощение идеала жены и матери, для которой все юношеские романтические порывы, глупые влюбленности и страдания — всего лишь подготовка к главному, великому и единственному предназначению. Даже для своего времени в этом уже наблюдались некоторая узость и консерватизм взглядов, но в том-то и заключался гений великого художника, что он отражал особенности своей национальной культуры, ценности и идеалы, даже порой вопреки собственным убеждениям.

Литература в России всегда играла большую роль в общественной жизни. Она скрупулезно отражала современные реалии (пусть даже, как говорят некоторые, через «кривое зеркало»), формировала характер и вкусы людей.

Многое о важности семейных отношений в России, традициях и повседневной жизни русской семьи можно узнать из такого важного и живого источника, как дневники, мемуары, переписка, словом, различные документы частного характера. Большая их часть составлялась не для публикации, а для себя и своих близких, в силу прекрасной традиции, культивировавшейся в XIX в. Конечно, это не избавляло авторов от субъективности, предвзятости, некоего кокетства с воображаемым читателем, особенно когда речь идет о женских дневниках. Вместе с тем эти материалы дают уникальную возможность прикоснуться к реальной жизни реальных людей, проследить их судьбы, услышать их голоса.

Революция 1917 г. представляет особый интерес для тех, кто изучает традиции русской культуры. С точки зрения жизненного уклада, быта, нравов и идеалов это можно рассматривать как своего рода эксперимент, величественный по своей грандиозности, хотя и жестокий в силу того, что проводился он над живыми людьми. Все традиционные ценности были поставлены под сомнение, перевернуты, извращены или уничтожены. То, что уцелело в горниле этого пожара, обрело новые формы, во многих случаях наполнив их старым содержанием, подлинным и настоящим, присущим русскому миру в целом.

Одной из таких непреходящих ценностей оказалась семья. Сразу после революции брак был подвергнут суровой критике как институт устаревший, присущий старому режиму. Статьи в журналах 1920-х гг. были безжалостны: «Пролетариат должен немедленно приступить к уничтожению семьи... Я трактую семью как чисто товарищеский, физиологически необходимый, исторически неизбежный союз рабочего-мужчины и работницы-женщины... Ребенок после рождения принимается на коллективное иждивение и передается в ясли... Дошкольник, школьники и комсомольцы живут трудовыми коллективами... Старость пользуется коллективным призором»¹⁵. «Половая жизнь — для создания здорового боевого использования всего энергетического богатства человека, для революционно целесообразной организации его радостей, для боевого формирования внутриклассовых отношений — вот подход пролетариата к половому вопросу... Класс, в интересах революционной целесообразности, имеет право вмешаться в половую жизнь своих сочленов»¹⁶.

Стремление к подрыву семейных ценностей в первое послереволюционное десятилетиешний раз подчеркивает ту огромную роль, которую традиционная семья играла в общественной и даже политической жизни страны. Ее как носительницу национальной традиции, оплот консерватизма, хранительницу общественных устоев и порядка необходимо уничтожить наряду с самодержавием, общиной, православием. Только тогда можно будет строить совершенно новый мир, когда эти российские твердыни падут или хотя бы будет подорвано доверие к ним.

На этом этапе открыто пропагандируется свободная любовь (в свободной стране все должно быть свободным!). Создаются коммуны, где нет «единоличных» мужей и жен, а есть свободные граждане, которые ведут сообща, по графику, хозяйство, воспитывают вместе детей, где нет места проявлениям собственности, такого, например, как ревность. Каждый волен сходить и расходиться, руководствуясь исключительно взаимным согласием. Надо ли говорить, что такого рода опыты были недолговечны. Чувство собственности, «пережитки прошлого» в виде любви и ревности довольно быстро положили им конец.

Новая власть всеми способами старалась коренным образом изменить основы семейной жизни, положение женщины, способы и методы воспитания детей. Уже в декабре 1917 г. отменяется церковный брак и вводится гражданская регистрация. Одновременно с этим принимается декрет «О расторжении брака», процедура развода становится светской, простой и общедоступной. Легализовывались и самые разные формы семейных союзов — гражданские, гомосексуальные, тройственные, семьи-коммуны и т. д.

Наконец, в 1920 г. было принято постановление, разрешавшее аборт, первое такого рода в европейской практике. Как следствие резко возросло число незарегистрированных браков, разводов. Число аборт, которые, кстати, делались бесплатно, становится столь велико, что медицинские учреждения не справляются с ними.

Об отношении власти и революции к семейным ценностям определенно написал один из основателей и идеологов Советского государства Л. Д. Троцкий в работе «Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет?». Книга написана в 1936 г., в эмиграции, представляет собой своеобразное подведение итогов деятельности советской власти и разбита как бы на два периода — до отстранения Троцкого от государственной деятельности и после. Надо ли подчеркивать, что все, что произошло «после», характеризуется как измена революционному делу.

Относительно семейной политики первых лет строительства нового советского государства Троцкий пишет: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый “семейный очаг”, т. е. то архаическое, затхлое и косное учреждение, в котором женщина трудящихся классов отбывает каторжные работы с детских лет и до смерти. Место семьи <...> должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания <...>. Доколе эта задача задач не разрешена, 40 миллионов советских семей остаются, в подавляющем большинстве своем, гнездами средневековья, женской кабалы и истерии, повседневных детских унижений, женских и детских суеверий». Однако, признается Троцкий, «взять старую семью штурмом не удалось»¹⁷. Рабочие начали постепенно возвращаться к домашнему столу, домашней стирке, домашнему уходу за детьми. Причина, по мнению революционного идеолога, в плохом качестве общественного сервиса. Итог — возвращение старого семейного рабства. Это выражается, считает Троцкий, в возвращении домашних очагов, восстановлении авторитета родителей, в поддержке идеи необходимости семейного воспитания детей.

Ситуация в корне меняется где-то в 1930-е гг., когда возрождение идеала большой, крепкой и дружной семьи становится не только потребностью общества, но и частью государственной политики. И это не случайно. Дело не только в демографическом факторе, хотя, конечно, гражданская война, разруха, голод, репрессии неизбежно привели к значительному сокращению численности населения. Правительство понимает, что семья как важнейшее явление общественной жизни России имеет огромное значение для укрепления государства. Поддержание, развитие и укрепление этой традиционной твердыни русского общества (пусть даже и под маркой «новой советской семьи») совершенно необходимо для нормального функционирования всего общественного

механизма. То же можно сказать и о других основах русской жизни — религии, общинности, но с ними дело обстоит сложнее, они в корне противоречат новому режиму. С семьей проще, она вполне вписывается в рамки социалистической идеологии. В этот период происходит активное разрушение экономической, социальной и религиозной основы старой семьи, но она сохраняется и прославляется в идеальном виде как некая традиционная форма без присущего ей содержания.

Пропаганда семейных ценностей принимает различные формы. Очень ярко она прослеживается в новом, но очень массовом, а значит мощном по своему воздействию на людей виде искусства — кино. Известна фраза вождя мирового пролетариата В. И. Ленина: «Важнейшим из всех искусств для нас является кино». Когда-то она украшала залы почти всех кинотеатров Советского Союза, от Москвы до самых до окраин, и трудящиеся не уставали удивляться ее некоторой загадочности. Советские люди в послевоенные годы воспитывались на жестких установках: высокое искусство — это литература, классическая живопись, музыка, скульптура и т. д. Затем шли драматический театр, опера, балет. Кино считалось несерьезным, развлекательным видом искусства. А тут вдруг «важнейшее».

XX в. подтвердил правоту слов классика марксизма-ленинизма. Кино оказалось самым важным видом искусства с точки зрения идеологического воздействия на массы. Ничто так не служит целям пропаганды, не тиражирует стереотипы, не навязывает готовые идеи, мысли, образы, как кино.

В 1927 г. еще были возможны съемка и прокат такого фильма, как «Третья Мещанская» (другое название «Любовь втроем»). Герой фильма приезжает из провинции в Москву к своему боевому товарищу и поселяется вместе с ним и его женой в московском подвале. Развязка фильма наступает в тот момент, когда героиня обнаруживает, что беременна, и не знает от кого. Более того, оба мужчины уговаривают ее сделать аборт, и она в конце концов уходит от обоих. Сценарист В. Б. Шкловский утверждал, что почерпнул эту историю на страницах «Комсомольской правды», которая рассказала о том, как в роддом за молодой матерью пришли сразу двое мужчин, предполагаемых отца ребенка. Молодые люди были честными советскими гражданами — комсомольцами, студентами, а традиционную семью они называли пережитком прошлого, считая ревность недопустимым чувством для комсомольцев. Такие случаи в то время не были редкостью, сюжет никого не удивил (некоторые увидели в нем намек на личную жизнь великого советского поэта В. В. Маяковского, проживавшего в то время в семье своей любовницы Л. Брик).

Начиная с 1930-х гг. советский кинематограф твердо переориентируется на героические картины и комедии, кстати, тоже чаще всего заканчивающиеся счастливым браком. Семейная тема как самостоятельная проблема возникает к началу войны и сохраняет свои позиции почти до самого развала Советского Союза. На протяжении всего этого периода она решается однозначно — в пользу большой, крепкой и дружной семьи как основы процветания и счастья человека (наравне с социалистическим трудом и строительством коммунизма, конечно).

В фильме «Моя любовь» (1940) героиня усыновляет сына умершей сестры. Но все решают, что это ее собственный внебрачный ребенок, и осуждают девушку. Даже любимый отказывается от нее. Хорошо, что режиссер точно знает, что она невинна, это спасает героиню от того, чтобы быть уничтоженной окончательно и бесповоротно.

Свадьбой заканчиваются даже легкие комедии «Веселые ребята» (1934), «Свинарка и пастух» (1941), прославляющая межэтнические браки, «Небесный тихоход» (1945) — жен себе находят все три героя, поклявшиеся в начале фильма никогда не жениться, «Кубанские казаки» (1949), где уже немолодые герои все-таки обретают семейное счастье. Тема супружеской верности становится особенно острой в военные годы: самый знаменитый фильм — «Жди меня» (1943) по пьесе К. М. Симонова. Хранить верность надо даже погибшему, даже не мужу, а жениху, как в прекрасном фильме «Летят журавли» (1957)

Тема семейная развивается и в послевоенные годы. В фильме «Высота» (1957) героиня И. Макаровой, которая в начале фильма пьет, курит, гуляет с парнями и нарушает трудовую дисциплину, находит спасение в любви и семейной жизни, которая преображает ее, превращая чуть ли не в ангела земного. В кинофильме «Дело было в Пенькове» (1957) выбор между любовью и семьей однозначно решается в пользу семьи: разрушив ее, счастья не построишь. В «Медовом месяце» (1956) легкомысленная героиня Л. Касаткиной выходит замуж «по расчету», чтобы остаться в Москве, а оказывается на далекой сибирской стройке. Но то, что начиналось почти как шутка, серьезно — семья есть семья, разрушить ее уже нельзя. Большие семьи с их трудностями и радостями, сильные благодаря единству в любых ситуациях, основа и опора общества, прославляются в чудесных фильмах «Большая семья» (1954), «Дом, в котором я живу» (1957), «Шумный день» (1960) и др.

Даже в скептические 1970-е все-таки прорывается в самых неожиданных местах почет и уважение к семейному статусу. Комедия Э. Рязанова «Гараж» (1979) совсем на

другую тему. Герой В. Невинного обзывает юную аспирантку «любовницей» пожилого профессора (коей она, кстати говоря, и является). Профессор осаживает нахала: «Наташа не любовница мне, а жена». Оскорбитель уничтожен, он униженно извиняется: «Я же не знал, что вы жена». Что, собственно, изменилось? Ситуация прежняя: аспирантка пристает к своему руководителю, уважаемому и явно состоятельному человеку (две машины на одну семью в то время были показателем большого материального благополучия), пожилому профессору, будучи ровесницей его дочери. Но важен статус — она жена, поэтому обвинения и насмешки сняты. Да и другие цитаты из фильма передают общественное мнение той эпохи, например, ставшая расхожей фраза «если женщина с такими внешними данными борется за правду, значит, она наверняка не замужем».

Безусловно, государственная политика не ограничивалась только пропагандой. В 1936 г. был введен запрет на аборт. Часто в литературе встречается мнение, что это практически не уменьшило их число. С этим трудно согласиться. Хорошо известно, что полное запрещение аборт увеличивает число нелегальных операций, это характерно для мировой практики. И все-таки запрет не может не пугать, особенно если мы вспомним, что речь идет о 1930-х гг., когда нарушение правительственного постановления могло повлечь за собой серьезные наказания.

Декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова С. Г. Тер-Минасова шокирует иностранцев фразой «своею жизнью я обязана И. В. Сталину». Потрясенные слушатели начинают вглядываться в лицо в поисках сходства, но с облегчением узнают правду. Мама Светланы Григорьевны не собиралась больше иметь детей, и только правительственное постановление заставило ее, жену государственного служащего, сохранить ребенка и дать жизнь будущему декану. История эта далеко не единичная: многие из тех, кто родился перед войной, могли бы повторить эту фразу.

Принимаются и иные меры: увеличивается материальная помощь роженицам и многодетным гражданам, усиливается уголовное наказание за неуплату алиментов, расширяется сеть родильных домов, детских яслей, детских садов. В военные годы вводится почетное звание «Мать-героиня», учреждается орден «Материнской славы» и медаль «Материнство», мера, призванная поднять престиж материнства в общественном сознании. Указ 1944 г. придавал правовое значение только зарегистрированным бракам (более того, всем, кто в предшествующую свободную эпоху брак не оформил, предписывалось сделать это в кратчайшие сроки), ужесточалась процедура развода (только через суд). Меры были действительно жесткие, порой жестокие и

бескомпромиссные. Так, указ 1944 г. также запрещал установление отцовства детей, рожденных вне брака: они не могли носить фамилию отца, даже если он признавал отцовство, в свидетельстве о рождении в графе «отец» ставился прочерк, т. е. ребенок фактически объявлялся «незаконнорожденным», понятие, ушедшее в прошлое после 1917 г.

Несмотря на послабления последующих эпох (например, запрет на аборт был отменен в 1955 г.), идеал семьи как основы общества продолжал сохранять свою силу. Аморальные истории (т. е. попросту случаи семейной измены) рассматривались трудовым коллективом как угроза общественному порядку. В характеристики было введено понятие «моральная устойчивость», которая определялась очень просто — есть семья, значит, устойчив, а нет — тогда жди чего хочешь от человека. Путешествующие мужчина и женщина, чтобы поселиться в гостинице в одном номере, еще до недавнего времени (особенно в провинции) должны были показать паспорт со штампом, доказывающим, что они муж и жена. Регистраторши всегда особенно внимательно следили за соблюдением этого правила, «чтоб разврату никакого не было». Сохранялось и подозрительное отношение к холостякам (незамужних женщин скорее жалели, чем осуждали): о серьезной дипломатической или государственной карьере неженатый человек не мог и мечтать.

Надо отметить, что и сегодня, в эпоху коренных изменений в общественной и социальной жизни России, когда число разводов, кажется, превысило число браков, смертность — рождаемость, а среднестатистическая семья сократилась до минимума, идея семьи по-прежнему играет большую роль в русской жизни. Как и когда-то, одинокая женщина в России воспринимается с сочувствием, а одинокий мужчина — с подозрением. Самая состоявшаяся и успешная в плане карьеры дама неохотно идет на встречу однокурсников, зная, что главный вопрос будет: «Как? Ты до сих пор не замужем?» И все ее карьерные достижения померкнут перед семейными успехами, которыми будут хвастаться другие. Отсутствие полноценной семьи, как и прежде, является признаком несостоятельности.

Интервью, проведенное среди деловых женщин Екатеринбурга и размещенное в Интернете, это наглядно демонстрирует. Все женщины в один голос говорили о том, что карьера это, конечно, хорошо, но семья важнее. Промолчала только одна, незамужняя, она этот вопрос обошла вообще, т. е. не стала убеждать, что ей и так хорошо, знала, что не поверят. Даже если ей и правда хорошо одной, почему бы и нет? Но этого в нашем обществе по-прежнему принято стесняться. Ниже приводятся выдержки из высказываний: «Муж меня очень сильно поддерживает. На самом деле, есть два мужчины в моей жизни,

которые помогают мне развиваться, развивать бизнес. Это мой муж и мой брат. Благодаря им, их присутствию в моей жизни я чувствую сильные плечи, на которые можно опереться. Для любой женщины немаловажно, чтобы был с ней рядом сильный мужчина» (О. Климентьева, руководитель кадрового центра «Геософт»).

«Стимул — это и семья: супруг и дети, которые помогают, позволяют мне реализоваться, принимают меня такой. Если бы дома было все плохо, я уверена, что не смогла бы самозабвенно отдаваться бизнесу» (Н. В. Софронова, руководитель аптечной сети «Лекарства Урала»).

«<...> Если бы не было такой семьи, как у меня, если бы не было тыла, который важен и мужчине и женщине, не было бы успеха. Меня очень поддерживает моя семья, особенно муж» (Н. Г. Беленкова, менеджер по персоналу «Дома книги») ¹⁸.

А журнал «Финансы» начинает статью, посвященную деловым женщинам и приуроченную к празднику 8 Марта, с извинения в своем роде: «Что считать успехом? Когда дело касается мужчин, все понятно: успех измеряют деньгами и властью. С женщинами сложнее: для них однозначно приоритетнее хорошая семья и здоровые дети. И, пожалуй, успех мужа. Тем не менее от хорошей карьеры отказываться глупо» ¹⁹. Вот вам и новая жизнь в новой России.

В опубликованном отчете по результатам социологического исследования «Московская семья-2006», проведенного Государственным научно-исследовательским институтом семьи и воспитания РАО и Минздравсоцразвития РФ, статистические данные говорят о том, что преобладающее число опрошенных респондентов придерживаются вполне традиционных представлений о семейной жизни. Подавляющее большинство опрошиваемых считает, что брак должен быть зарегистрирован, не согласно с тезисом, что сейчас не время рожать детей, и отрицает необходимость жить сначала в свое удовольствие, а только потом обзаводиться настоящей семьей ²⁰.

И совершенно не случайно правительство России в начале XXI в., стремясь к укреплению государства и стабильности, обратилось к проблемам семьи. В ежегодном послании 2006 г. президент России В. В. Путин назвал семью и армию двумя столпами отечества. Далее он подчеркнул, что «Мы должны восстановить старинные бережные отношения к семье и родному очагу». Таким образом, вновь был взят курс на восстановление традиционных семейных ценностей.

Итак, очевидно, что исторически семья всегда играла важную роль в системе ценностей русского человека. Она органично вписывалась в общую иерархическую систему: государство — общинные отношения — семья. Три уровня взаимосвязаны и в какой-то мере следуют общей схеме. Государство в идеальном виде представлялось русскому человеку как своего рода большая семья во главе с «царем-батюшкой». Община, следующий уровень общественных отношений, также скреплялась своеобразной семейственностью — круговой порукой, общими решениями, где во главе стояло выполнявшееся беспрекословно мнение большинства. Наконец, базовый уровень этой структуры — семья, «ячейка общества», как ее называли в советское время. Почему-то это выражение сегодня воспринимается критически: демократы говорят о том, что это проявление тоталитарной системы, деятели церкви видят в «ячейке» давление государства на личность, светскость и отрицание духовного начала в браке. Представляется, что ничего обидного в этом выражении нет — это просто отражение реальной ситуации. Семья — действительно базовая единица общественного устройства России, ее стабильность составляет основу нормального функционирования государства.

Традиции семейной жизни вчера и сегодня

В России сформировались традиции построения и функционирования семьи, обусловленные историческими и культурными особенностями развития страны. Видоизменяясь в течение времени, они вместе с тем сохраняли некую основу, воплощавшуюся в народном идеале. Реальная жизнь всегда сложнее и многообразнее отвлеченной схемы, однако и здесь можно выделить некоторые отличительные черты, дающие представление о традициях семейной жизни в России.

Долгое время понятия «дом» и «семья» в русском языке были тождественны. Так, в «Домострое», историческом памятнике, целиком посвященном устройству семейной жизни, мы не встретим термина «семья». Слово «Домострой» исследователи нередко считают калькой с греческого. Греческий термин «экономика», введенный Аристотелем, также состоит из двух частей: «ойкос» — дом, хозяйство и «номос» — закон. Однако возможно и самостоятельное появление слова «домострой», во всяком случае смысл в него вкладывается иной. Если греческое слово в первую очередь связано с законами

развития хозяйства (в случае, описанном Аристотелем, анализировалось натуральное рабовладельческое домохозяйство), то русское — с построением семьи.

В словаре В. И. Даля второе значение слова «дом» — «семейство, семья, хозяева с домочадцами», а также «род, поколение, говоря о владетельных или высоких особах» (ср. Дом Романовых, например). Сохраняется это значение и в словаре С. И. Ожегова. В этнографии понятие «большая семья» обозначается терминами «дом», «двор», «дворище», «печище», «изба»²¹. Исторически понятие «дом-семья» включало не только кровных и прямых родственников. Отзвуки этой традиции сохранялись в русской культуре до тех пор, пока позволяли экономические условия. Известно, что в XIX в. даже не в самых богатых домах жили приживалки, воспитанницы, дальние родственники, включаясь в семейные отношения и быт. Так, для разорившейся семьи Ростовых совершенно невозможно расстаться с Соней, прожившей всю жизнь в их доме. Хорошо известны случаи, когда уже после отмены крепостного права старые и немощные няньки доживали свой век в семьях своих подопечных, хотя ничем, кроме лишнего рта, они уже не являлись и по закону все взаимные обязательства были прекращены.

В воспоминаниях крепостной крестьянки Авдотьи Григорьевны Хрущовой (1786–1872), записанных с ее слов воспитанницей, рассказывается простая житейская история. Когда Авдотье было 10 лет, барин проиграл ее в карты — трагическая участь, показавшая маленькой девочке ее место в житейской иерархии. Она вспоминала: «Судьба сразу дала мне понять, что я не батюшкина и не матушкина, но барская и что наш барин, живя от нас за сотни верст, помнит всех своих крепостных, не исключая и ребятишек». Разлучаясь с дочерью, ее мать наказала: «Не плачь, мое дитятко, молись Господу Богу и Царице Небесной. Люби своих господ и служи им верой и правдой. Строго соблюдай целомудрие; не выходи замуж, если будет возможно, ради того, чтобы и тебе не пришлось разлучаться с детьми». Дочь свято исполнила волю матери.

Она не вышла замуж, но прожила долгую и очень деятельную жизнь в семье новых хозяев. Она стала незаменимой в доме, растила детей, следила за хозяйством, была няней, ключницей, фактически домоправительницей. Характерно, что за долгую жизнь в доме, имея доступ ко всем запасам, ничего не скопила, похоронили ее хозяева за свой счет. Всю свою жизнь она хранила преданность своим хозяевам. Ее первая хозяйка, «добрая, безупречная и незабвенная барышня», умерла молодой. Ее смерть была трагедией для верной служанки: «А вот ее коса, которую я берегу на память об ней. Когда же я сама умру, то прикажите эту косу положить со мной в гроб», — приговаривала она.

Ее новый барин, муж воспитанной ею барышни, сестры умершей, предложил ей вольную, от которой крепостная служанка «со слезами» отказалась. Она умоляла оставить ее при детях. Характерно, что муж считал, что нянька подговаривает его жену против него, мешает его личной жизни, так велика была ее роль в семье. Естественно, сама Авдотья это категорически отрицала. Ослепнув, перестав приносить какую-либо пользу семье, она продолжала жить, окруженная заботой и вниманием. После ее смерти новая молодая хозяйка сделала приписку: «...сам глава дома, отец мой, относился к ней с полным почтением. Мать моя искренно ее любила и уважала. Мы же, дети помещицы, ей, крепостной, иногда целовали руки и смотрели на нее почти так, как если б она была нам родной бабушкой. Против последнего названия старушка постоянно протестовала, говоря: «Что это? Ведь я девушка; как же у меня могут быть внучата?»²² Это отнюдь не единичный случай. Семьи пополнялись самыми разными членами, сосредотачивавшими свою любовь и внимание вокруг общего, объединяющего центра.

Даже в советское время, пока сохранялись хоть какие-то жилищные возможности, поддерживалась традиция сохранения большого дома-семьи. В фильме «Антон Иванович сердится» (1941) в доме профессора консерватории живет некто Керосинов — бедный талант, сочиняющий симфонию, а по сути проходимец и дармоед. В доме оперного певца из фильма «Обыкновенный человек» (1957), роль которого прекрасно исполняет В. В. Меркурьев, помимо домработницы, проживают племянник, его невеста, мама невесты. В то время профессор или певец еще относились к привилегированным, в том числе и в материальном смысле, категориям. Позже советская эпоха, стремясь к равенству возможностей, привела их к общему знаменателю с другими малообеспеченными категориями граждан. Жить большой семьей в маленьком доме (хрущевке, например) стало уже невозможно.

Таким образом, понятие «дом» в русском языке очень широкое, здесь нет разницы между местом проживания, семьей и зданием (ср. home и house в английском). Все это объединено одним всеобъемлющим словом. Где семья, там и дом, а без семьи нет дома.

Более того, само здание было не столь важно. Конечно, как и везде, в России гордятся «семейными гнездами». Только немногие сегодня могут сказать: «Этот дом построил еще мой прадед». И дело не только в катаклизмах XX в., когда сначала революция, потом Гражданская и Вторая мировая войны в буквальном смысле стерли с лица земли многие дома, а иногда деревни и поселки.

Есть еще одна особенность русского быта. Традиционное русское жилище испокон веков было деревянным. Причем не только в деревне, но и в городе. Дерево было самым доступным, дешевым, удобным материалом для утопающей в лесах России. К тому же оно считалось наиболее полезным для здоровья. Деревянный дом «дышит» и дает дышать тем, кто в нем живет. А камень — материал холодный, чуждый, не пропускающий воздуха. Интересно, что, когда в XIX в. каменные дома вошли в моду, стали символом престижа и благосостояния, состоятельные люди предпочитали строить дома с каменным низом (для хозяйственных нужд) и деревянным верхом (для жизни). Некоторые пошли еще дальше: строили традиционную деревянную усадьбу и расписывали ее под каменное здание так умело, что издали было невозможно отличить. Такие дома и по сей день украшают провинциальные русские городки.

Удобное и практичное дерево имеет очень важную особенность: оно хорошо горит. Поэтому неудивительно, что пожары на протяжении многих веков были главным бедствием русских городов и деревень. Нередко целый район, а то и небольшая деревушка полностью сгорали за одну ночь. Но жизнь продолжалась. И русские люди научились очень быстро отстраиваться заново. Все вместе, сообща, помогая друг другу, строили новые дома. В средневековой Москве даже существовал рынок домов: купленный там дом возводился подобно детскому конструктору «Лего», все детали были уже готовы и подогнаны друг под друга. В России особенно любим один сказочный персонаж — загадочная птица Феникс. Время от времени она сгорает, чтобы затем, обновленная и еще более прекрасная, возродиться из пепла. Подобно сказочной птице Феникс, русские деревни и города возрождались после пожаров. Так шел процесс постоянного обновления жизни.

Все это привело к тому, что у русского человека не сложилось глубокой привязанности к имуществу и дому как к зданию. Он знал, что все это могло быть уничтожено в считанные минуты. Сюжеты английских романов, когда герой или героиня сражаются за фамильный дом, чужды русской душе — дом можно построить и новый, не это важно.

Гораздо более важным для русского человека была земля, на которой жили и трудились его предки, об этом подробно говорится в одной из предшествующих глав. Все менялось, а земля оставалась мерилom вечных ценностей.

Кроме того, в русском сознании понятия «семья» и «дом» тесно связаны с понятием «родина». «Родина» в русском языке имеет тот же корень, что и «рождение», то

есть это место, где прежде всего родился, вырос, а раньше — чаще всего и прожил всю жизнь. Персонаж уже упоминавшегося советского фильма «Гараж» говорит на общем собрании: «Я за машину родину продал!» Все смотрят на него с нескрываемым ужасом, представляя себе шпионские страсти, а он сообщает, что речь идет о доме, в котором он родился.

Итак, понятие семьи для русского человека очень широкое: это и коллектив родственников и всех тех, кто вместе с ними проживает, и дом, в котором они все живут, и земля, которая его окружает, и все это синонимично понятию «родина».

Русская литература, как и всегда, прекрасно демонстрирует единство всех этих понятий, а заодно подчеркивает лишний раз их значение в русском мире. Даже нигилист Базаров из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», все высмеивающий и отрицающий, все-таки умирать приезжает на свою родину, к родителям. Они же его хоронят и оплакивают, как должно.

Герой романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» Григорий Мелихов оказывается в самом эпицентре Гражданской войны, охватившей его родные места. Сначала примкнув, как и большинство казачества, к белым, он позже переходит к красным, а потом и вообще оказывается сам по себе. Пройдя через страдания, кровь, метания из одного политического лагеря в другой и любовные страсти, гибель близких людей, герой оказывается казалось бы в безвыходной ситуации. И ему остается только одно — вернуться домой, в свою уцелевшую семью, на свою землю, так как только там успокоение и истина. (Умудренные знанием истории читатели подозревают, что с подобной биографией Мелихову вряд ли дадут наслаждаться покоем в своем доме в последующую эпоху, но для общей идеи это уже неважно.)

Мелихов все потерял, во всем разуверился и жил уже по инерции. Единственное, что тянуло к себе, был отчий дом, место, где он вырос, где жили его дети, где уцелели остатки его семьи. И вот последние, заключительные строки романа: «Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Выражение «семья — ячейка общества» не просто пустая фраза. Это действительно своего рода базовая единица, формирующая основу некоего единого целого, называемого обществом, которое в свою очередь составляет основу государства. Семья всегда и везде имеет важное значение как носитель национальной традиции и одновременно передатчик

опыта, знаний, взглядов и ценностей, принятых в обществе. Она является хранителем морально-нравственных устоев общества, поддерживает уровень духовности в государстве. Распад и разложение семейного начала в стране приводит как следствие к падению морали, духовности, веры.

Помимо этого очевидного воспитательного и нравственного значения, семья в России долгое время играла важную роль в экономике государства, что сформировало определенные важные особенности ее бытования и структуры. Как уже не раз отмечалось, Россия на протяжении многих веков была страной аграрной, крестьянский труд составлял экономическую основу страны. Это, а также особенности и традиции ведения хозяйства в стране обусловили длительное сохранение в русской деревне больших семей. Традиционная крестьянская большая семья состояла из нескольких поколений и представляла собой своеобразную хозяйственную единицу, своего рода семейный подряд. Во главе такой семьи стоял хозяин, в деревнях его нередко называли большаком. Как правило, это был старший мужчина в доме, хотя возможны и другие варианты. Его могли сместить по старости, по неспособности «управлять» семьей, за пьянство, за нерадивость. Чаще всего такие вопросы решались внутри семьи, но по необходимости могли прибегнуть к помощи общины. В случае смерти мужа его место во главе семьи могла занять жена, хотя чаще всего власть переходила к старшему сыну. Глава семьи занимался ведением хозяйства, распределением обязанностей среди членов, на нем лежала вся экономическая и нравственная ответственность за дела семьи. Он принимал все ответственные решения, он же распоряжался финансами. Даже взрослые сыновья, сами уже мужья и отцы, не имели доступа к деньгам и должны были обращаться к отцу. Наблюдатели из Этнографического бюро князя Тенишева в конце XIX в. отмечали: «Звание большака наследуется. Права его велики: распределение работ, ведение торговых и денежных дел, суд в пределах семьи; большак несет ответственность перед властями... Все отдают свои заработки главе семьи»²³.

Власть хозяина была велика, его указаниям следовали беспрекословно, а провинившиеся и непослушные наказывались. Вместе с тем именно он отвечал за все то, что происходило в его семье. Власть и ответственность были неразделимы. Все члены семьи знали, что в случае каких-либо проблем, даже таких личных, как измена жене одного из сыновей или опозорившая себя незамужняя дочь, отвечать перед обществом придется главе семьи.

Вторым человеком в семье была женщина, как правило, жена хозяина дома (ее соответственно часто называли большухой). На ее плечи ложилась ответственность за

домашнее хозяйство, распределение работ внутри дома и на огороде. Она устанавливала порядок приготовления пищи, вела учет продуктам, следила за чистотой в доме, за скотиной, за пополнением запасов питания и т. д. Все неудачи в этой сфере — плохо испеченный хлеб, болезнь коровы, грязь в доме — считались ее недосмотром и виной.

Хозяйственные обязанности в большой семье распределялись по полу и возрасту: мужчины пахали и сеяли, замужние женщины занимались огородом и домом, девушки ткали, подростки ухаживали за скотиной, собирали грибы, ягоды, дети носили еду в поле. На жатву и сенокос все объединялись.

Подобная структура была оправдана хозяйственными целями. Она поддерживалась общинными отношениями, освящалась церковью. В какой-то мере она повторяла, отражала, копировала государственную систему. Для крестьянина в ней был залог благосостояния (наблюдатели отмечали, что, «пока сохраняется крестьянский род, крестьяне живут зажиточно»)²⁴. Земледелие, как отмечалось в главе о крестьянстве, составляло основу русской жизни и имело своего рода сакральное значение в русской культуре. Все это — хозяйство, семья, община, государство — составляло единую, взаимосвязанную систему.

Конечно, подобная строгая и жесткая система подчинения имела очевидные минусы. Жизнь в большой семье не могла быть идиллией — были и обиды, и ссоры, и желание самостоятельности. Иногда конфликт достигал такого предела, что семьи по обоюдному согласию делились и начинали вести раздельное хозяйство. Отмена крепостного права, свобода, которую получили крестьяне, привели к широкомасштабному распаду больших семей. Дело не только в личной независимости, далеко не все крестьяне были крепостными, в это время идея свободы проникает в общественное сознание, доходит даже до консервативной деревни. Для многих эта свобода выразилась в уходе от родителей. Это, безусловно, свидетельствует о том, что существование больших семей часто было обусловлено именно необходимостью, а не доброй волей. При первой же возможности начался их развал.

Распад больших семей наглядно показал, что это действительно была оптимальная для данного времени и места форма хозяйствования. В малой семье было невозможно разделение обязанностей. Все — земледельческий труд, дом, уход за детьми, готовка, огород, скотина — падало на плечи двух взрослых членов семьи. Конечно, производительность такого хозяйства была гораздо ниже, речь скорее шла о сведении концов с концами и элементарном выживании. Да и с воспитательной точки зрения малая

семья заметно проигрывала большой, где детям передавали опыт и знания старшие, где дедушки и бабушки рассказывали малышам сказки. Измученные работой родители почти не имели времени и сил заниматься своим потомством. Только те семьи, которые сохранились неразделенными, а такого рода сельскохозяйственные миниколлективы сохранялись до середины XX в., имели возможность богатеть и процветать.

О преимуществах и трудностях таких семей еще до недавнего времени помнили и рассказывали. Так, крестьянка села Покровское (Смоленская губерния) И. И. Фатющенкова (1900–1996) вспоминала первые годы своего замужества. Ее выдали замуж в 18 лет за вдовца с маленьким ребенком, и она попала в большую и богатую семью. Глава семьи, дед Никита, как она его величала, был крепким и строгим хозяином. Семья была по тем временам состоятельной, рассказчица явно гордилась тем, что приобщилась к такому крепкому и уважаемому семейству. Но и обиды были живы более полувека спустя. Своих многочисленных невесток глава семьи всегда занимал делом, никому не давая покоя. Идея простая — праздность рождает ненужные мысли и желания. Вид молодых девушек, болтающих во дворе, приводил его в негодование. Если никакой работы не было, он заставлял их переносить поленницу дров с места на место, полагая, что даже бессмысленный труд лучше ничегонеделания.

К тому же место младшей невестки было последним в семейной иерархии. Юная девушка делала то, что не хотел делать никто другой. В конце концов они с мужем и детьми уехали на Украину на заработки, получив, таким образом, свободу. Жизнь там была тоже не сладкой, к тому же в деревню отправлялась часть заработанных денег (когда-то это было обязанностью, в XX в. уже данью традиции и добровольным сыновним долгом), но все-таки это была независимость, дававшая возможность жить только своей маленькой семьей. Но почтение к отцу семейства сохранялось, и в семейных преданиях дед Никита остался символом силы, рачительности, строгим, но справедливым хозяином, обеспечивавшим своей семье достаток и защищенность. Умер он, правда, нелепо — доел суп за больным внуком: не пропадать же добру. Внук выздоровел, а дед умер.

Русская литература сохранила живые семейные истории. Быт и уклад казачества удивительно, почти этнографически точно передан в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Семья Мелиховых в начале романа — отец, глава семейства, его жена, два взрослых сына, дочь, сноха. Власть отца полная, он наказывает, учит, на работы отправляет, сватает, когда срок приходит. Известие о том, что младший сын его Григорий

открыто живет с замужней соседкой, воспринимает близко к сердцу как позор семьи, как личное оскорбление, недоглядел, значит. Расправа не заставляет себя ждать: «Гришку он нашел в горнице. Не говоря ни слова, достал его костылем вдоль спины. Григорий, изогнувшись, повис на отцовской руке.

— За что, батя?

— За дело, су-у-у-кин сын!..

— За что?

— Не пакости соседу! Не срами отца! Не таскайся, кобелина! — хрипел Пантелей Прокофьевич, тягая по горнице Григория, силясь вырвать костыль.

— Драться не дам! — глухо сапнул Григорий и, стиснув челюсти, рванул костыль. На колено его и — хряп!..

Пантелей Прокофьевич — сына по шее тугим кулаком.

— На сходе запорю!.. Ах ты чертово семя, прокляя-а-а-тый сын! — Он сучил ногами, намереваясь еще раз ударить. — На Марфушке-дурочке женю!.. Я те выхолощу!.. Ишь ты!..

На шум прибежала мать.

— Прокофьич, Прокофьич!.. Охолонь трошки!.. Погоди!..

Но старик разошелся не на шутку: поднес раз жене, опрокинул столик со швейной машиной и, навоевавшись, вылетел на баз. Не успел Григорий скинуть рубаху с разорванным в драке рукавом, как дверь крепко хлястнула и на пороге вновь тучей буревой укрепился Пантелей Прокофьевич.

— Женить сукиного сына!.. — Он по-лошадиному стукнул ногой, уперся взглядом в мускулистую спину Григория. — Женю!.. Завтра же поеду сватать! Дожил, что сыном в глаза смеются!

— Дай рубаху-то надеть, посла женишь.

— Женю! На дурочке женю!.. — Хлопнул дверью, по крыльцу протарахтели шаги и стихли».

Наказание следует незамедлительно, проступки наказываются. Глава семьи, уже старик, остро ощущает ответственность за своих взрослых сыновей. Услышав от соседки о драке между братьями, бросается в поле, чтобы наказать обоих. Сыновья, а тем более все остальные члены семьи, не спорят, признают справедливость поступков отца:

— Пе-ре-по-рю-ю-у-у... сукины сыны!.. — завопил он еще издали и размотал над головой ременный арапник.

<...>

— Хоронись за косилку! Истинный <ог, стебанет кнутом. Покель разберемся, а он выпорот... — посмеиваясь, сказал Григорий и на всякий случай зашел на ту сторону косилки.

Но отцовская власть не безгранична. Григорий продолжает встречаться с Аксиньей, хотя и женится на другой, покоровшись отцовской воле. Да и остальные члены семьи, подчиняясь авторитету старшего мужчины в доме, живут по-своему. В личной жизни каждый выбирает дорогу сам. Так что, несмотря на все вышесказанное о роли главы семьи, не следует ее абсолютизировать и представлять всеобъемлющей.

Надо также помнить, что семья — это живой организм, а не отвлеченная схема. Несмотря на общие традиции и закономерности ее строения и бытования, реальная повседневная жизнь вносила свои коррективы, каждая семья имела свою неповторимую судьбу. Строгий старик Мелихов полюбил внимательную и работающую младшую невестку, оберегал ее от работы, разрешал поспать подольше. А старшую, ленивую и разбитну, строжил и заставлял работать. Не уберег он ни другую, это тоже реальная жизнь, не вписывающаяся в схему «идеальной традиционной русской семьи».

Система строгой иерархии и подчинения, четкое разделение обязанностей в семье нашли отражение в различных исторических источниках, например в «Домострое». В то время и позже, практически до конца XVIII в., традиционный тип семьи был характерен для различных слоев общества. По «Домострою» глава семьи строго следит за порядком и поведением своего семейства. Вместе с женой он ведет хозяйство, сообща они решают проблемы, касающиеся повседневной жизни, поддержания порядка, воспитания детей. Именно к ведению дома сводятся их хозяйственные обязанности, т. к. речь идет о городских жителях.

К началу XX в. подобная иерархическая семейная структура и традиция сохранялись местами в крестьянской среде, а также в среде русского купечества, где

дело также требовало жесткой системы иерархии. В остальных слоях общества было скорее традиционное распределение ролей: жена — второй человек в доме после мужа, на ее ответственности лежит полностью дом, дети «рядовые» в этой команде. При отсутствии экономической основы оставалась форма, отголоски этого дошли до наших дней.

Есть различия в языке. Мужчина «женится», т. е. берет жену под свою опеку, в свой дом и хозяйство. Женщина «выходит замуж», т. е. уходит из своего дома, становится на шаг позади мужа, прячется за ним, как за каменной стеной, следует за ним, наконец, занимает второе место за мужем в семейной иерархии.

Еще в середине XX в. традиционные роли в семье были нормой. Возьмем уже упоминавшийся фильм «Медовый месяц» (1956). Героиня ведет себя не очень-то красиво: сначала выходит замуж по расчету, потом, когда расчет не оправдывается, начинает изводить и мучить мужа, отказываясь с ним жить и вообще иметь дело. Он, проявляя благородство, уходит в общежитие. Но тут в дело вмешивается общественность (в лучших традициях общинной жизни) в лице секретаря комсомольской организации, румяной простоватой девушки. Она обвиняет мужа в разладе. И хотя на нем вины нет, он сам жертва, отвечать приходится ему, он и не пытается оправдаться. Ведь он муж, на нем ответственность за семью.

Или фильм «Большая семья» (1957), в котором взрослый сын устраивает пьянку для друзей с первой полочки. Его отец снимает ремень и «учит» сына уму-разуму.

Сегодня отголоски традиционных представлений о патриархальной семье сохранились в виде абстрактных идей. Конечно, в условиях, когда женщины нередко зарабатывают больше, чем мужчины, делают более успешную карьеру, трудно говорить об иерархии и подчинении. Да и дети теперь рано освобождаются от родительской опеки и становятся совершенно самостоятельными. И все-таки большинство женщин мечтает о сильном мужчине, чтобы за ним как за каменной стеной. И многие бы предпочли не работать, если бы имели возможность, или работать в свое удовольствие. Как и прежде, для женщины приоритетны семья, дом, она скорее откажется от карьеры ради мужа, чем наоборот. В России женщины, как ни парадоксально, мечтают о неравенстве, чтобы почувствовать мужскую силу и власть (которых уже в большинстве случаев нет). А мужчины так любят фразу: «Я сказал!»

Журнал «Моя Москва» в 2006 г. в рубрике «Деловая женщина: все грани ее жизни» рассказал о судьбах женщин, вовлеченных в самые разные сферы деятельности. Очень

разные, очень занятые, очень активные, они все сошлись в том, что семья — это важно, семья — опора, тыл, стена, в ней можно почувствовать себя слабой и защищенной. Актриса Екатерина Стриженова: «Мое главное хобби — мой муж... Для меня в мужчине самое главное — надежность. Саша — не «жилетка». Он — стена! Когда он рядом, у меня ощущение, что с нами ничего не может случиться. Я им восхищаюсь!» Префект Северо-Восточного административного округа столицы И. Я. Рабер: «Уверена, что семья, напротив, помогает женщине реализовать себя полностью. Конечно, если это нормальная, хорошая семья... Тогда это колоссальное отдохновение, поддержка и помощь. Когда я переступаю порог собственного дома, я полностью отдыхаю. Даже если занимаюсь домашней работой. Главное — иметь атмосферу тепла, доброты, уважения и любви. Думаю, только семейной женщине удастся сделать настоящую карьеру!» Заместитель генерального директора «Межрегионального СМИ-клуба», исполнительный директор национальной премии ТПП РФ в области предпринимательской деятельности «Золотой Меркурий», исполнительный директор всероссийского конкурса «Экономическое возрождение России» Н. Е. Бабенко: «Необходим крепкий тыл — это когда дети не огорчают, семья является поддержкой и опорой, есть желание и возможность сходить в парикмахерскую и тренажерный зал... У меня, слава Богу, все это есть...» Руководитель управления Федеральной налоговой службы по городу Москве с 2004 г. Н. В. Синикова: «...хочется больше проводить времени с мужем, семьей дочери. <...> Женщина должна оставаться Женщиной с большой буквы — красивой, очаровательной, женственной»²⁵.

Стремление русской женщины к сильному мужчине отнюдь не означает ее пассивности. Наоборот, сейчас в России редко можно встретить женщину-домохозяйку, только среди определенной части населения, например военных, вынужденных часто и внезапно менять место проживания, или «новых» русских, для которых жена дома — это определенный социальный знак, показатель их благосостояния. Подавляющее большинство женщин работают полный рабочий день и не только из экономической необходимости, но и по велению души, из стремления приложить свои силы и способности к какому-нибудь нужному и важному делу.

Пусть в теории, но главой семьи по-прежнему считается муж. Деловая женщина, вернувшись домой с работы, мечтает почувствовать себя слабой и окруженной вниманием.

Да и дети в большей степени связаны с родителями, чем в западных странах. Даже при финансовой независимости остается моральное воздействие. Замужняя дочь звонит по каждому поводу матери, нередко усложняя этим свою семейную жизнь. Родители

всегда считают своим долгом поучить даже взрослых детей. Результат, может, и невелик (Григорий Мелихов при внешней покорности тоже не больно слушался отца), но свое суровое мнение родители всегда выскажут.

Существует несколько расхожих исторических мифов, касающихся истории семейных отношений в России. Как и большинство стереотипов, они содержат в себе долю истины, однако чаще всего преувеличенную и доведенную до крайности. Вот некоторые из них: браки в России заключались из практических соображений, молодые часто даже не знали друг друга и знакомились на свадьбе, родительское всевластие в этом вопросе было безграничным.

Безусловно, браки в деревне нередко заключали, исходя из практических и хозяйственных соображений. Семейный трудовой коллектив постоянно нуждался в пополнении рабочей силы. Поэтому здоровая, работающая невестка была подарком для всей семьи, на нее можно было переложить часть забот. Роль родителей была велика: они не только давали согласие, но часто сами подбирали невесту своему сыну. В материалах Этнографического бюро князя Тенишева есть указание на крестьянские представления о красоте (тоже во многом отражающие предпочтения физического здоровья и крепости): «Девушки ценят в парнях силу, ловкость, умение красноречиво говорить и играть на гармонии... Эталон красоты парня: гордая поступь, смелый вид, высокий рост, кудрявые волосы. Эталон красоты девушки: плавная походка, скромный взгляд, высокий рост, густые волосы, “полнота, круглота и румянец лица”»²⁶.

В деревнях нередко были ранние браки. Все хорошо помнят разговор Татьяны Лариной с няней о семейной жизни. Рассказ старушки удивляет читателя: «Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет». Такие браки совершались из чисто практических соображений: девушка, часто сирота, в совсем юном возрасте входила в новую семью, росла в ней, привыкала к ее укладу, к ритму работы. Настоящие семейные отношения, интимная близость, безусловно, начинались позже, когда оба молодых «супруга» вступали в подходящий возраст. До этого такая «жена» была просто еще одним подростком и работником в доме.

Церковь и государство старались регламентировать время вступления в брак. Стоглавый собор (1551) принял следующее решение: «А обручение бы и венчание было по Божественному уставу все сполна во всем священническом чину. И венчали бы после обедни, а ночи бы не венчали. А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилам. А меньши бы отрока пятнадцати лет не

венчали»²⁷. Он же устанавливал допустимое количество браков — не больше трех. Петр I увеличил возраст брачующихся — юноши с 20 лет, девушки с 17. Екатерина I вновь уменьшила до 15 и 13 соответственно, а в XIX в. брачный возраст — 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин. Однако в деревнях продолжали жить своей жизнью. Даже если молодых отказывались венчать по молодости лет, их могли поженить по народным обычаям, совершив определенный обряд, а церковное бракосочетание отложить до поры до времени.

Высшие сословия также нередко имели свой расчет: богатым, но безродным брак давал возможность упрочить положение в обществе, бедным, но родовитым обзавестись денежными средствами. Так же, как и в крестьянской среде, его нередко использовали в практических целях. Бывали случаи, когда согласие невесты не имело значения, главное — воля родителей или других близких родственников.

Трагически сложилась семейная жизнь Анны Петровны Керн (1800–1879) в юные годы. Семнадцати лет была она отдана замуж за пожилого (52 года) генерала, ее отец мечтал видеть дочь генеральшей. Вот как описывает Анна Петровна встречу с будущим мужем и их помолвку. Недалеко от поместья ее родителей стоял егерский полк, все офицеры были поклонниками юной красавицы, все стремились пригласить ее на танец во время бала, если же она соглашалась танцевать с кем-нибудь дважды, отец сурово наказывал дочь, это считалось неприличным, почти обещанием. Совсем по-другому были встречены ухаживания дивизионного командира Керна, героическая биография которого восхищала отца Анны. У нее ухажер, «безобразный старый генерал», вызывал иные чувства: «Этот доблестный генерал так мне был противен, что я не могла говорить с ним»²⁸. Однако девушка «в угождение отцу и матери» согласилась стать его женой. Так начались ее мытарства и страдания. Справедливости ради надо заметить, что и генералу этот брак счастья и покоя не принес.

Порывистая, чувствительная, погруженная английские, французские в романы до такой степени, что иногда при чтении ее дневника появляется чувство, что она все время строила свою жизнь в соответствии с поведением и чувствами романтических героев любимых произведений, Анна Петровна не могла смириться с казарменным бытом мужа-военного. Частые переезды, армейское окружение, особый уклад жизни жен кадровых военных — все это претило ей и совершенно не соответствовало ее представлениям о прекрасном. Она постоянно ощущала себя несчастной, бедной мученицей, которую жестоко обманула судьба и предали родные. Ее дневник полон жалоб, более того, судя по переписке и мемуарам современников, в письмах и при личном общении она неустанно

твердила о своей несчастной судьбе и жестокости мужа. «Какая тоска! Это ужасно! Просто не знаю, куда деваться. Представьте себе мое положение — ни одной души, с кем я могла бы поговорить, от чтения голова уже кружится, кончу книгу — и опять одна на белом свете, муж либо спит, либо на учениях, либо курит. О Боже, сжался надо мной!»²⁹

Вместе с тем надо отметить, что никаких прямых свидетельств недостойного обращения мужа Керн привести не может. Просто они, видимо, оказались очень разными людьми, а при отсутствии какого бы то ни было желания со стороны жены хоть как-то наладить отношения, брак был обречен на неудачу. В конце концов супруги разъехались и продолжали жить порознь до самой смерти генерала. У них родились две дочери, которые в юном возрасте были отданы в Смольный институт на воспитание и, судя по всему, довольно мало интересовали мать.

Подлинной стихией А. П. Керн было общение с людьми светскими, она особенно увлекалась представителями художественной культуры, предпочитала жить в столице. Среди ее друзей были А. А. Дельвиг, М. И. Глинка, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, вся семья Пушкиных и, конечно, сам великий поэт. Расставшись с мужем, Керн, по ее собственной версии и мнению целомудренных советских критиков, оберегавших все, что связано с именем Пушкина, боролась за выживание, одинокая, всеми брошенная, без средств к существованию. С точки зрения ее мужа, которую разделяли многие в обществе, она пустилась во все тяжкие, увлекалась, влюблялась, заводила романы, словом, жила той самой жизнью, которая моделировалась столь любимыми ею романами.

До сих пор исследователи не сошлись на том, была ли Керн красива. А. С. Пушкин обессмертил ее своим стихотворением: «Я помню чудное мгновенье, / Передо мной явилась ты, / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты». Но многие отмечали, что внешность была у нее совсем банальной и ничего особенного из себя Анна Петровна не представляла. Однако совершенно очевидно, что женским обаянием природа наделила ее сполна, в нее влюблялись многие. Эпизоды, которыми наполнены мемуары и частная переписка того времени, наводят на мысль о том, что ее «старому, грозному» мужу можно было посочувствовать.

Вот отрывки из дневника А. В. Никитенко (1804–1877), журналиста, историка литературы, цензора, чиновника Министерства народного просвещения, профессора Петербургского университета. В описываемый период ему 23 года и его прославленная карьера только начинается.

Вот хроника его увлечения Анной Петровной. Впервые он весьма прозаически встретился с ней на именинах своей благодетельницы и квартирной хозяйки.

23 мая 1827 года. «Когда я вечером спустился в гостиную, оно мгновенно приковало к себе мое внимание. То было лицо молодой женщины поразительной красоты. Но меня всего больше привлекала в ней трогательная томность в выражении глаз, улыбки, в звуках голоса».

«Сегодня я целый вечер провел с ней у г-жи Штерич. Мы говорили о литературе, о чувствах, о жизни, о свете. Мы на несколько минут остались одни, и она просила меня посещать ее.

— Я не могу оставаться в неопределенных отношениях с людьми, с которыми меня сталкивает судьба, — сказала она при этом. — Я или совершенно холодна к ним, или привязываюсь к ним всеми силами сердца и на всю жизнь.

Значение этих слов еще усиливалось тоном, каким они были произнесены, и взглядом, который их сопровождал.

Я вернулся к себе в комнату отуманенный и как бы в состоянии легкого опьянения».

24 мая 1827 года. «Вот самый короткий роман, следовательно, и лучший. Вечером я зашел в гостиную Серафимы Ивановны, зная, что застаю там г-жу Керн... Вхожу. На меня смотрят очень холодно. Вчерашнего как будто и не бывало. Анна Петровна находилась в упоении радости от приезда поэта А. С. Пушкина, с которым она давно в дружеской связи... Даю себе слово больше не думать о красавице».

Это оказалось не так-то просто, и через день состоялась новая встреча.

26 мая 1827 года. «...Часа три быстро пролетели в оживленной беседе. Сначала я был сдержан, но она скоро меня расшевелила и опять внушила к себе доверие. Нельзя же в самом деле говорить так трогательно, нежно, с таким выражением в глазах — и ничего не чувствовать. Я совсем забыл о Пушкине в это время...»

То приближаясь, то отдаляясь, сопротивляясь, понимая всю тщетность этого увлечения, Никитенко все-таки не может не общаться с Керн.

8 июня 1827 года. «...Г-жа Керн переехала отсюда на другую квартиру. Я порешил не быть у нее, пока случай не сведет нас опять. Но сегодня уже я получил от нее записку с

приглашением сопровождать ее в Павловск. Я пошел к ней: о Павловске больше и речи не было. Я просидел у ней до десяти часов вечера. Когда я уже прощался с ней, пришел поэт Пушкин. Это человек небольшого роста, на первый взгляд не представляющий из себя ничего особенного. Если смотреть на его лицо, начиная с подбородка, то тщетно будешь искать в нем до самых глаз выражения поэтического дара. Но глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи — прекрасные, как букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства. Об обращении его и разговоре не могу сказать, потому что я скоро ушел».

Однако раздражение нарастает, и в конце концов отъезд Керн кладет конец этому так и не состоявшемуся роману.

23 июня 1827 года. «...Не знаю, долго ли я уживусь в дружбе с этой женщиной. Она удивительно неровна в обращении, и, кроме того, малейшее противоречие, которое она встречает в чувствах других со своими, мгновенно отталкивает ее от них. Это уж слишком переутонченно».

24 июня 1827 года. «...Женщина эта очень тщеславна и своенравна. Первое есть плод лести, которую, она сама признавалась, беспрестанно расточали ее красоте, ее чему-то божественному, чему-то неизъяснимо в ней прекрасному, — а второе есть плод первого, соединенного с небрежным воспитанием и беспорядочным чтением»³⁰.

Наконец, самый знаменитый поклонник А. П. Керн А. С. Пушкин, помимо чудесных стихов, оставил и письма (которые Керн много позже в трудную минуту была вынуждена продать по 5 руб. штука). Они гораздо более пылкие, чем излияния юного цензора и далеко не такие платонические. Интересны слова, посвященные генералу Керну. Пушкин по-своему жалеет его и уж точно хочет поддержать авторитет главы семьи, пусть даже и в шуточной форме. Кстати, восторги Пушкина были также неоднозначны, как и отношение к ней Никитенко и многих других. В письме к другу он называет ее «вавилонской блудницей», а через несколько лет в письме к жене и вовсе «дурой». Однако за шуточной формой сквозит истинное увлечение, ревность, надежда на продолжение отношений.

«Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: <милая! прелесть божественная!..> а потом: <ах, мерзкая!..> — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее».

«Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен — разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное — это глаза, зубы, ручки и ножки — (я прибавил бы еще — сердце, — но ваша кухня очень уж затаскала это слово)».

«Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уж не ревнует ли он, часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы не прав; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна... быть вольной. Боже мой, я не собираюсь читать вам нравоучения, но все же следует уважать мужа, — иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете».

«Простите, божественная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю; это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, Бога ради, отказов, отказов и отказов) — и он будет у ваших ног, — место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь?»

«Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен»³¹.

Судьба в конце концов оказалась благосклонна к Керн. Она не только подарила ей поэтическое восхищение великого поэта, обессмертившего ее, но и счастье в любви. В 42 года, через год после смерти мужа, Керн вторично выходит замуж. На этот раз муж беден, гораздо моложе ее, но они счастливы. Их любовь продолжалась почти 40 лет, до 1879 г. и закончилась смертью мужа. Вот письмо А. В. Маркова-Виноградского к жене: «Мне хочется обнять тебя, моя душечка родная, разогреть тебя нежностью своей любви! Тебя, моя любовь. Я все мое бытие на тебе сосредоточил. От тебя мне тепло, при тебе мне светло. Ты все для меня, и без тебя тоска!»³² и т. д. в том же духе. А вот ее послание подруге: «Муж сегодня поехал по своей должности на неделю, а может быть, и дольше. Ты не можешь себе представить, как я тоскую, когда он уезжает!» К этому моменту брак их длился уже более 10 лет. Марков-Виноградский умер раньше своей жены. Их единственный сын писал своему другу о потрясении, которое пережила его мать, «для

которой утрата отца незаменима»³³. Судьба и тут пожалела Керн, она умерла через четыре месяца после любимого мужа.

Яркое художественное воплощение идеи «неравного брака» дал художник В. В. Пукирев в картине с таким же названием. Юная девушка с заплаканными глазами стоит перед алтарем с очень старым и довольно неприятным на вид мужчиной, государственным чиновником, судя по его виду. Все в этой картине направлено на то, чтобы вызвать жалость к несчастному юному созданию, к ее будущей жизни. Эта картина стала для многих символом трагического положения женщины в России в тот период, именно на нее чаще всего ссылаются, говоря о бесправии девушек, об их беспомощности и жестокости родителей.

Надо только напомнить, что произведение Пукирева появилось в 1862 г. как образец новой живописи, поставленной на службу обществу. Живопись, как литература, критика и публицистика той эпохи, нещадно клеймила, разоблачала, вскрывала язвы общества. Характерно, что судьба прототипов героев картины «Неравный брак» была не столь неприглядной: разница в возрасте — 13 лет, что не так уж много, жених — состоятельный предприниматель, образованный и воспитанный. Другое дело, что девушка до свадьбы увлекалась совсем другим человеком — моложе и беднее жениха. Но это с девушками случалось во все времена и отнюдь не означало несчастной семейной жизни.

Безжалостный А. П. Чехов показал и обратную сторону неравных браков. Его «Анна на шее», выйдя за старого и богатого, недолго жила в положении несчастной жертвы. Быстро приспособившись, она увлеченно бросилась в омут светских развлечений, разоряя и дискредитируя мужа. И дело отнюдь не во влиянии среды и обстоятельств, развративших невинную овечку, как это чаще всего представляла советская критика. Хищное женское начало заложено в Анне природой и родителями, кокетство, флирт, романы, ощущение женской власти над мужчинами естественны для нее. Жертвой подобных браков далеко не всегда была юная жена, но нередко старый муж.

Неравные браки действительно не были чем-то из ряда вон выходящим. И далеко не всегда они делали супругов несчастными, чаще всего — наоборот. Уступая слезам матери, выходит замуж за немолодого генерала Татьяна Ларина. Судя по немногочисленным сведениям, человек он серьезный, приличный, и со временем, преодолев юную влюбленность в Онегина, Татьяна вполне может быть с ним счастлива. Анна Облонская соединяет судьбу с Карениным, человеком, который старше ее на 20 лет: любви нет, но есть совместная жизнь, уважение, ребенок, общий семейный уклад. Не

случайно, возвращаясь домой после смутившей ее покой встречи с Вронским, она с удовольствием думает о доме, о том, что она возвращается к своей жизни, «хорошей и привычной, по-старому». В этом случае, правда, спокойной жизни не получилось, но Толстой всячески подчеркивает, что охватившая Анну страсть — исключение, причем неразумное, безысходное, ненужное.

Благополучное развитие семейных отношений представлено старшим поколением и в том, и в другом романе. Мать Татьяны Лариной пережила в молодости любовное приключение, но родители выбрали ей мужа по своему усмотрению. Далее ее судьба повторяет судьбы большинства девушек ее круга, ее история более обыкновенна и типична, чем А. П. Керн или Анна Карениной. После свадьбы муж увез молодую жену в деревню, в свое имение. Там она «Рвалась и плакала сначала, / С супругом чуть не развелась; \ Потом хозяйством занялась, Привыкла и довольна стала». Отъезд за границу или в деревню сразу после свадьбы был мерой разумной — оказавшись в новой обстановке, оторванными от родных и друзей, было легче привыкнуть друг к другу и порвать с былыми привязанностями. Пушкин не случайно намекает на то, что некая «княжна Алина», «ее московская кузина», разжигала в молодой девушке ненужные чувства и страсти. Брак четы Лариных оказался удачным: «муж любил ее сердечно», а «верная жена», забросив свои девичьи фантазии, вела хозяйство, растила дочерей, угощала соседей. Оказалось, что у супругов много общего: «привычки милой старины», барский образ жизни, вкусы и интересы. Вряд ли брак «по любви», о котором Ларина Старшая мечтала в молодости, с «славным франтом, игроком и гвардии сержантом» принес бы ей больше счастья в жизни.

Толстой в романе «Анна Каренина» прекрасно передает сомнения по поводу того, какой должна быть степень свободы при выборе партнера для брака. Княгиня Щербацкая мучается, думая о судьбе своей младшей дочери Кити: «Нынче уж так не выдают замуж, как прежде», — думали и говорили все эти молодые девушки и все даже старые люди. Но как же нынче выдают замуж, княгиня ни от кого не могла узнать. Французский обычай — родителям решать судьбу детей — был не принят, осуждался. Английский обычай — совершенной свободы девушки — был тоже не принят и невозможен в русском обществе. Русский обычай сватовства считался чем-то безобразным, над ним смеялись, все и сама княгиня. Но как надо выходить и выдавать замуж, никто не знал. Все, с кем княгине случалось толковать об этом, говорили ей одно: «Помилуйте, в наше время уж пора оставить эту старину. Ведь молодым людям в брак вступать, а не родителям; стало быть, и надо оставить молодых людей устраиваться, как они знают». Но хорошо было говорить

так тем, у кого не было дочерей; а княгиня понимала, что при сближении дочь могла влюбиться, и влюбиться в того, кто не захочет жениться, или в того, кто не годится в мужа. И сколько бы ни внушали княгине, что в наше время молодые люди сами должны устраивать свою судьбу, она не могла верить этому, как не могла бы верить тому, что в какое бы то ни было время для пятилетних детей самыми лучшими игрушками должны быть заряженные пистолеты». Вопрос этот так и не был решен в романе.

Сама княгиня Щербацкая вышла замуж «по старинке», за человека старше ее, почти незнакомого, виделись они до свадьбы один раз, сосватала их сваха, согласие дали родители, а жизнь вместе они прожили долгую и дружную, дочерей выдали замуж, внуков дождались.

Кстати, институт свех, сохранявшийся в России длительное время, был не столь абсурден, как его иногда изображали А. Н. Островский в своих пьесах и особенно советский кинематограф, воспроизводивший XIX в. Более того, совершенно не предполагалось, как это часто показывают что сводились чужие и чуждые друг другу люди, которым было все равно, за кого идти замуж или на ком жениться. Скорее наоборот. Сваха подбирала невесту или жениха, соответствовавших тем требованиям, которые выдвигала заинтересованная сторона. Она наводила справки о потенциальных муже или жене, собирала разную полезную информацию, следила за тем, чтобы социальный статус и финансовое положение будущих супругов подходили друг другу, или деликатно выявляла, что на что будут менять: деньги на положение в обществе, карточные долги на засидевшуюся в девках невесту или еще что-нибудь. Это было удобно, решало много проблем.

XIX в. (точнее, его вторая половина и начало XX в) со свойственным ему отрицанием устоев высмеял эту практику как устаревшую, изжившую себя, отвергнутую европейской цивилизацией давным-давно, а значит, немодную. Советская эпоха считала сватовство делом прошлым, только иногда, в комическом виде, хотя и незлобно, показывала подобные ситуации как исключение, проявление гуманности советского человека, например в фильме, «Одиноким предоставляется общежитие» (1983), героиня которого подыскивает женихов заводским подругам, не оставляя времени на личную жизнь. Или фильмы «Самая обаятельная и привлекательная» (1985), «Одинокая женщина желает познакомиться» (1986), в которых на примере героинь раскрываются трудности создания семьи в не очень молодом возрасте. И все-таки итог прост, никакая сваха человеку помочь не может, даже если это подруга-психолог. Все тот же присущий

русской культуре вывод о том, что «браки свершаются на небесах» и «суженого на коне не объедешь», был распространен и в советское материалистическое время.

Интересно, что современное общество вернулось к своего рода свахам, только теперь виртуальным. Никто сегодня, особенно молодежь, не считает зазорным знакомиться через Интернет. Как и когда-то, задаются параметры поиска, потом происходит отбор, кого-то отвергают, кого-то нет, после этого — знакомство, а там и свадьба.

Подробно описал свое сватовство русский публицист, агроном, государственный и общественный деятель А. Т. Болотов (1738–1833). В его пространных мемуарах рассказывается о том, как он в начале 1760-х гг. оставил службу, поселился в деревне и занялся сельским хозяйством (об этом уже говорилось в главе, посвященной русскому крестьянину). Его деревенская идиллия (Болотов очень увлекался садоводством и огородничеством) омрачалась только одним — отсутствием человека, с которым можно было «разделять все свои чувствования». Он вскоре осознал, что его одиночество проще всего могло бы быть преодолено женитьбой. Но как найти жену, которая была бы «довольна умна», могла быть «товарищем», «хотя не красавица, но по крайней мере такова, чтоб мог я ее, а она меня любить», «не совсем была бедна».

Задача была непростой, тем более что жил Болотов замкнуто в своем имении. Это, кстати, еще одна причина, почему свахи на Руси были так долго распространены: страна большая, имения разбросаны и разобщены. Ближайшие соседи-помещики могут жить совсем не близко, где уж тут найти невесту для себя или жениха для дочерей. Именно для этого в зимний период, между Рождеством и началом Великого поста, во время которого запрещались всякие увеселения, в Москве устраивалась так называемая ярмарка невест. Балы, маскарады, поездки в театр — все это давало возможность себя показать, людей посмотреть и женихом или невестой обзавестись. И получалось. Именно так Татьяна Ларина нашла своего генерала, а Наташа Ростова — Болконского. Подобного рода «ярмарки» устраивали и в уездных городах, но, конечно, с меньшим размахом. И жениха можно было найти уровнем ниже, чем в Москве.

Вернемся к Болотову. Надолго оторваться от хозяйства он не мог, круг знакомств его был невелик. Те девушки, в дома которых он был вхож, ему не подходили. Одни были слишком богаты, другие — молоды, третьи — слишком модные и светские, а некоторые, наоборот, — слишком простые и не имевшие порядочного воспитания. Судя по мемуарам, угодить Болотову было нелегко, скорее всего, ему просто ни одна из них не нравилась. За

дело взяли родственники — дядя, дедушка, сестра дедушки, но предложенные ими кандидатуры не нравились разборчивому жениху. Сразу после знакомства с очередной невестой он сообщал, что она ему не подходит, и поиски начинались сначала.

Наконец, одна из «заводских немок, называемая Ивановною», подобрала ему подходящую партию. Но и здесь возникла проблема — девушке только минуло 12 лет, а значит, сватать ее было еще рано. Но именно молодость и привлекала Болотова: он надеялся, что сможет вылепить ее характер в соответствии со своими представлениями об идеальной жене. Так что он решил рискнуть и отправил Ивановну разузнать, отдадут ли за него такую молодую девушку, хотя никогда ее не видел и знал о ней только от своей советчицы. В первый раз ему фактически отказали, сославшись на молодость предполагаемой невесты. Но через некоторое время, собрав о женихе благоприятную информацию, согласились, сговорились, а потом назначили свадьбу.

Молодость невесты и отсутствие влюбленности привели к тому, что Болотов мало встречался с невестой до свадьбы: «... она как-то ко мне нимало не ласкалась, но все от меня властно как дичилась», поэтому он «не имел охоты и побуждения к тому, чтоб ездить часто». Подробно, шаг за шагом описывает Болотов день своей свадьбы, «наиважнейший в жизни» день, «в который сделался я уже женатым мужем». Переживания его были велики, страх совершить ошибку сильно мучил его, но все шло заведенным порядком и отступить было некуда. Обилие традиций и обрядов нервировало и порой раздражало жениха, который был ученым, философом, образованным человеком, однако отвлекало от раздумий и волнений. Особенное неудовольствие вызвал у него обряд, согласно которому все гости не ложились спать и ждали, когда молодые станут фактическими мужем и женой. Их отвели в спальню и остались в больших комнатах ждать результата. «Глупое и досадное сие обыкновение, — сетует Болотов, — почиталось так свято, что и помыслить было не можно о преступлении оногo, как много ни желал я того». Однако и эта традиция была полностью соблюдена, и для помещика началась новая жизнь: «Я сделался мужем женатым, вступил со многими, до того совсем незнакомыми, людьми в новое родство и знакомство и перешел совсем в иной и от прежнего отменный образ жизни. Моя прежняя одинокая и уединенная жизнь кончилась, и я нажил себе уже семейство, которое было хотя и не велико, но все уже был я не один, как прежде».

Итог семейной жизни Болотова был следующий. Жена его оказалась человеком очень спокойным, даже равнодушным, женщиной холодной и неласковой. Болотов, «сколько ни старался к ней со своей стороны ласкаться и как ни приискивал и не употреблял все, что мог, чем бы ее забавить, увеселить и к себе теснее прилепить можно

было, но успех имел в том очень малый. Она казалась иметь характер самый хладнокровнейший и ко всему тому нимало не чувствительною...» Несмотря на эти неприятности и огорчения, супруги прожили в браке долгую жизнь, родили и воспитали детей. А подлинным счастьем личной жизни Болотова стала его теща. Именно она оказалась тем товарищем, о котором он мечтал и которого искал, «через самое то не совсем лишился тех душевных удовольствий, каких получения домогался» он через женитьбу. В мемуарах содержится своеобразный гимн теще: она и умна, и понятлива, и душевна, и увлекалась садами и всем тем, чем увлекался Болотов. Теща прожила всю жизнь в доме Болотова. Его подробное описание сватовства и женитьбы (а более к своим личным вопросам в дальнейшем он не возвращается) заканчивается своеобразным подведением итогов (уже в 1805 г., т. е. более сорока лет спустя): «А как жизнь ее, по особливому счастью для меня, для жены и самых детей моих, продлилась до самого вечера дней моих и продолжается, к удовольствию нашему, и поныне, то и причина быть мне женитьбою своею довольным и благодарить Бога...»³⁴

Было бы ошибкой считать, что браки в России заключались вопреки воле молодых или что было принято непременно выдавать девушек замуж за незнакомых людей. В крестьянской среде нравы были посвободнее, молодые люди знакомились друг с другом на посиделках, во время совместных работ, на общедеревенских праздниках. Многие из крестьянских традиций восходили еще к языческим временам. Да и у дворян, начиная с Петра I, встречи происходили на разного рода балах, танцах, званых вечерах. Отец Керн не зря волновался, когда его дочь часто приглашали на танец, это уже было ухаживание, а в сочетании с визитами в дом и вообще расценивалось как грядущее сватовство.

И в литературе, и в воспоминаниях приводится немало примеров, когда брак заключался не только по желанию молодых, но и вопреки воле родителей.

Так, родители Натальи из «Тихого Дона» не хотели выдавать ее за Григория Мелихова (и, как показала жизнь, совершенно правильно), подыскивали ей жениха побогаче и породовитее. Но она всех отвергала и настояла, в конце концов, на своем. Шолохов очень тонко рисует отношения в семье: при внешней значимости отцовской воли, не явное, но настойчивое воздействие жены и непокорность, при соблюдении девического смирения, дочери. После отъезда мелиховских сватов покой в доме Натальи был нарушен: «...под крашенной медяной крышей коршуновского куреня горела глухая междоусобица. После отъезда невеста на материн вопрос ответила:

— Люб мне Гришка, а больше ни за кого не пойду!

— Нашла жениха, дуреха, — урезонивал отец, — только и доброго, что черный, как цыган. Да рази я тебе, моя ягодка, такого женишка сыщу?

— Не нужны мне, батенька, другие... — Наталья краснела и роняла слезы. — Не пойду, пушай и не сватают. А то хучь в Усть-Медведицкий монастырь везите...

— Потаскун, бабник, по жалмеркам бегаёт, — козырял отец последним доводом, — слава на весь хутор легла.

— Ну и нехай!

— Тебе нехай, а мне и подавно! С моей руки — куль муки, когда такое дело.

Наталья — старшая дочь — была у отца любимицей, оттого не теснил ее выбором. Еще в прошлый мясоед наезжали сваты издалека, с речки Цуцкана, богатые невпроворот староверы-казаки; прибывались и с Хопра сваты и с Чира, но женихи Наталье не нравились, и пропадала даром сватовская хлеб-соль...

— Работящий паренек и собой с лица красивенький... — нашептывала по ночам ему жена, поглаживая его засеянную веснушками и рыжей щетиной руку, — а Наталья, Григорич, по нем чисто ссохлась вся... Дюже к сердцу пришелся.

Мирон Григорьевич поворачивался спиной к жениной костлявой холодной груди, сердито бурчал:

— Отвяжись, репей! Выдавай хучь за Пашу-дурачка, мне-то что? Тот-то умом бог обнес! “С лица красивенький”... — косноязычил он. — Что, ты с его морды урожай будешь сымать, что ли?..

— Работящая семья и при достатке... — нашептывала жена и, придвигаясь к плотной спине мужа, успокаивающе гладила его руку.

— Э, черт, отодвинься, что ли! Чисто тебе места окромя нету. Что ты меня гладишь-то, как стельную корову? А с Натальей как знаешь. Выдавай хучь за стриженую девку!..

— Дитя своего жалеть надо. Бог с ним — не богатством... — сипела Лукинична в заросшее волосами ухо Мирона Григорьевича.

Тот сучил ногами, влипал в стенку и всхрапывал, будто засыпая».

А вот похожий пример из жизни. Уже упоминавшийся в связи с судьбой А. П. Керн А. В. Никитенко был выходцем из крестьянской семьи. Отец его происходил из зажиточных крестьян, пользовался особым расположением хозяина, был хорошо образован и художественно одарен. Родители прочили ему в жены лучшую невесту деревни, а он выбрал бедную и на первый взгляд невзрачную. Он увидел ее случайно, в толпе женщин, и с этого момента «пленительный образ девушки всецело овладел им». Далее события развивались очень быстро: «Дня три спустя он объявил родителям, что хочет жениться. Моя бабушка пришла в ужас, когда узнала, что избранная ее сына не зажиточная мещанка, а дочь бедного, ничтожного кравца. Важное значение в слободе моего отца, первого, после управляющего, лица, его способности, московское образование делали его настоящим панычем. Все это давало его матери повод рассчитывать на гораздо более выгодный для него брак. Она надеялась назвать невесткою дочь кого-нибудь из первоклассных богачей слободы. Были призваны на помощь всевозможные доводы, просьбы, увещания, чтобы отклонить молодого человека от неравного брака. Все напрасно. Романическая встреча, красота девушки, самая бедность ее заставляли отца упорно стоять на своем».

Не менее были испуганы и даже по-своему недовольны родители молодой: неравный брак, образованность, нарушение порядка — все это с их точки зрения имело много недостатков. Но, конечно, и польщены были по-своему. «Старики оторопели, когда узнали, зачем явился к ним такой знаменитый гость, как старший писарь, мой будущий отец. “Так як же тому буты, — говорила старуха-мать, — щоб наша Катря була тоби жинкою? Чи вона ж тоби пара? Мы люды убоги и прости, а ты бачь письменный, паныч, да такой еще гарный. У Катри ничего нема, окроме якихсь плахтынок, сорочек да хусток”.

Отец мой на это разразился чем-то вроде пламенного дифирамба, из которого старуха, разумеется, ничего не поняла. В заключение, однако, решили позвать Катрю и спросить у нее, согласна ли она идти замуж за старшего писаря, Василья Михайловича. Озадаченная девушка, дрожа и краснея, отвечала, что сделает, как прикажут родители.

Недели через три сыграли свадьбу — к тайному неудовольствию матери жениха и к изумлению Алексеевских аристократов, которые с этих пор окончательно возненавидели отщепенца и укрепились в намерении погубить его»³⁵. Подобного рода ситуация отнюдь не была чем-то из ряда вон выходящим. Мнение и желание детей, как правило, учитывалось, а часто становилось решающим.

Родительское всевластие имело свои пределы и, как всегда и везде, в каждой семье ситуация решалась по-своему. А вот родительскому благословию придавалось огромное, почти сакральное значение. Причем эта традиция, впоследствии перешедшая в своего рода суеверие, сохранялась в русской культуре очень долго.

Всякое важное событие сопровождалось родительским благословением — уход в город на заработки, военный поход, отделение от родительского хозяйства, болезнь. И особенно брак. На эту тему существует обширная этнографическая литература. Отсутствию благословения приписывали все неудачи жизни. Много примеров, относящихся к началу XX в., приводится в книге «Русские народные традиции и современность». Так, крестьянин Городищенского уезда Пензенской губернии рассказывал о многострадальной судьбе своей семьи. Он женился без согласия родителей, после свадьбы они не простили молодых, не благословили, а даже прокляли. После этого у жены был один выкидыш за другим, она даже решила наложить на себя руки. Но родители, узнав об этом несчастье, «помягчали». Далее крестьянин рассказывает: «Пошли мы к ним на прощенное масленое воскресенье и упросили их Христовым именем простить нас и благословить. И что же? Баба моя стала краше солнышка. Веселая хоть куды и через полгода сына хорошего родила. Вот как жить на свете с проклятьем-то родительским»³⁶. Интересно, что и сегодня, потеряв свое религиозное значение, подобное отношение сохранилось. Известны случаи, когда один из родителей не дает согласия на брак. Конечно, сегодня это никого не останавливает, но в случае неудач, прежде всего с деторождением, вина и ответственность часто возлагается на несогласного родителя, более того, ощущается также им самим.

В дворянской среде ситуация была похожей. Даже в то время, когда романтические побегι приобрели популярность, они все равно совершались с надеждой на получение родительского благословения. Убегают, чтобы тайно венчаться, Маша и Владимир из пушкинской «Метели», на последующее прощение рассчитывают Наташа с Анатолом из «Войны и мира» Толстого. Не прощенная родителями умирает в нищете и несчастьи Катерина Ивановна Мармеладова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского.

Разрешение главы семьи на брак было делом обязательным. Курьезная история случилась с А. С. Пушкиным. Формальным главой семьи Гончаровых считался дед Наталья Николаевна, Афанасий Николаевич. Пушкин, достаточно скептически относившийся ко всякого рода формальным традициям, был вынужден отправиться к нему на поклон для получения разрешения и обсуждения приданого. История их знакомства и общения напоминает гоголевские сюжеты. Сначала глава семьи пытался

подсунуть Пушкину заложенную деревню, на которой был большой долг. Он бы, таким образом, выглядел в глазах света щедрым дарителем, а Пушкин был бы вынужден уплачивать долги. Когда это не получилось, Афанасий Николаевич попросил нового зятя продать фамильную статую Екатерины II, получившую прозвание «медная бабушка»³⁷. Это оказалось также безнадежным предприятием, отнявшим силы и время поэта совершенно впустую. Как бы абсурдно ни выглядела ситуация, Пушкин был вынужден участвовать во всем этом балагане, как требовали приличия времени.

Важнейшим фактором, определявшим особенности семейных отношений в России, был религиозный. Брак освящался церковью, и этот обряд был не пустой формальностью, не просто данью традиции. Он действительно имел огромное значение для человека. Особенно это заметно на примере людей образованных, начитанных, более склонных к сомнению, чем остальные. А. Т. Болотов как человек ученый и просвещенный не слишком жаловал все те традиционные, веками отработанные обряды, через которые ему пришлось пройти в день свадьбы. А вот его описание церковного венчания: «... пришел я в такое замешательство мыслей, и кровь во мне взволновалась столь сильно, и я в таком находился беспорядке, что я дрожал тогда так, как бы от лихорадки или от мороза, хотя было тогда в церкви и очень еще жарко. И состояния, в котором находился я во все время, покуда отправлялся сей священный и таинственный обряд, не в силах я никак изобразить словами моими. Я был вне себя и сам себя почти не помнил»³⁸.

Негативно настроен по отношению к разного рода свадебным обрядам Левин, один из героев романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Более того, он практически считает себя атеистом, человеком неверующим, сознательно не ходит в церковь и не соблюдает никаких церковных обрядов. И Толстой, как известно, очень неоднозначно относился ко всему, что было связано с официальной церковью.

Свадьба Левина «происходит» в 1860-е гг., через сто лет после болотовской, совершенно в иную эпоху, когда в быту и повседневной жизни идет заметное вытеснение старого новым, а все старинное становится старомодным. Все утро перед венчанием он проводит в суматохе, недоумевая, зачем все это нужно. Но вот он попадает в церковь и начинается обряд: «Вся суета, рубашки, опоздания, разговор с знакомыми, родными, их неудовольствие, его смешное положение — все вдруг исчезло, и ему стало радостно и страшно». Во время обряда к нему приходит совершенно новое видение жизни: «Левин чувствовал все более и более, что все его мысли о женитьбе, его мечты о том, как он устроит свою жизнь, — что все это было ребячество и что это что-то такое, чего он не понимал до сих пор и теперь еще менее понимает, хотя это и совершается над ним; в

груди его все выше и выше поднимались содрогания, и непокорные слезы выступали ему на глаза».

Но дело было не только в церковном обряде, связывавшем судьбы людей. Еще более важным было то, что брак считался освященным более высокой инстанцией, чем земная церковь. Ему придавалось особое, сакральное значение. «Смерть да жена — Богом суждена», — гласит народная пословица. Отсюда и ключевое для русской культуры понимание брака и семейных отношений как определенных свыше. Одним брак — спасение, другим — наказание, третьим — счастье, а кому-то — испытание. Во всех случаях это то, что дается само по себе и не зависит от человеческой воли. Это судьба. Именно такое своеобразное фаталистическое отношение к браку и семье стало определяющим для русского мира.

Вспомним русские сказки. В них мотив судьбы очень силен. Если тебе ниспослана в жены лягушка — женись, такова твоя судьба. Характерен заговор, который произносят героини, которые даже не видят героя, укравшего их перышки или одежду: «Будь мне суженым», т. е. стань моей судьбой. Эта предопределенность перекликается с пословицами и поговорками: «Всякая невеста для своего жениха родится». Отсюда и удивительное терпение, с которым сохранялись в России неудачные браки. Отсюда и непопулярность разводов вплоть до недавнего времени. Человек не может разорвать то, что было связано на небесах.

Процедура развода, то упрощаясь, то усложняясь в различные исторические эпохи, никогда не была невозможной. Католическая церковь не разрешает развода супругов ни при каких обстоятельствах, православная всегда допускала его, менялся только перечень причин, при которых разрешалось расторжение брака. Но в обществе развод осуждался и большого распространения не получил. В случае невозможности продолжать существовать вместе, супруги расходились и, формально оставаясь мужем и женой, жили каждый своей жизнью.

Отношение к браку в обществе во всей полноте отразилось в романе Толстого «Анна Каренина». Казалось бы, есть страстная любовь, опостылевший муж, неверная обидчица-жена. Проще всего разрубить этот узел разводом, начать новую жизнь — Анна создаст новую семью, ее муж получит свободу и успокоение.

На протяжении всего романа вопрос о разводе постоянно поднимается то одним, то другим героем, о нем думают, его ждут. Но, как будто нарочно, все время откладывают и затягивают. Как только решается одна сторона, немедленно отступает другая. Характерно,

что Каренин, размышляя о разводе, приходит к тому, что, решившись на него, он окончательно погубит Анну. Не измена мужу, не забытый материнский долг, а развод становится главным и окончательным падением женщины. Замечательна и концовка: представив себе самый идеальный вариант, развод с выполнением всех ее условий и последующее замужество с Вронским, Анна, женщина отнюдь не религиозная, понимает, что это все равно не будет для нее выходом и спасением. Она думает о «двух мужьях», которые у нее будут в этом случае, потому что единожды муж — навсегда муж.

Интересно прочтение романа американцами, оно очень ярко отражает те различия в восприятии, а значит и в культуре, которые существуют у русских и представителей англосаксонского мира. Американские студенты совершенно иначе, чем русские, оценивают персонажей романа и ситуацию, в которой те оказались. Самым положительным персонажем, с их точки зрения, является Каренин — деловой человек, честно работающий, в меру верующий, выполняющий все обязательства по отношению к жене, вплоть до прощения и принятия под свою опеку ее незаконной дочери. Самым отрицательным — Стива Облонский, мот, который только тратит деньги, изменяет жене, интересуется исключительно едой, выпивкой, общением, играми и другими развлечениями. Хуже того, он живет не по средствам, совершенно не думая о будущем своем и своей семье. Попытки объяснить, чем этот человек так симпатичен русскому читателю, писателю, другим персонажам романа, несмотря на справедливые обвинения, терпят полный крах.

Любовь Анны и Вронского также понятна американскому читателю: встретились, полюбили, сошлись — это возможно. Дальше полный авторский провал. Из-за чего все страдания и суматоха? Анна любит и любима, муж не строит козней, прощает ее и даже дает согласие на развод. Конечно, жаль сына, которого он не отдает, но, с другой стороны, Анна и так уже живет без него, променяв его на свою любовь. А с отцом он полностью обеспечен всем, чем только можно, за ним смотрят, занимаются его образованием и воспитанием. Очень спорный вопрос, станет ли ему лучше в новой семье матери, не почувствует ли он себя там заброшенным, кто станет уделять внимание его обучению. Так что по сути ситуация далеко не самая плохая для изменившей хорошему мужу женщины. Почему же такой трагический конец? Ничем, кроме нервного заболевания героини, американские студенты рационально объяснить ее самоубийство не могут.

Идею неразрывности семейных связей хорошо выразил персонаж другого романа Толстого Николай Ростов. На вопрос жены, любит ли он ее, он ответил: «Я не люблю, а так, не знаю, как тебе сказать. Без тебя и когда вот так у нас какая-то кошка пробежит, я

как будто пропал и ничего не могу. Ну что, я люблю палец свой? Я не люблю, а попробуй, отрежь его...»

Одним из популярных мифов о русской семейной жизни является представление об отсутствии в ней сексуальности. Интересно, что исторически он сочетался с идеей о распущенности русской женщины. Вот что пишет по этому поводу известный немецкий путешественник XVII в. Олеарий. «Типичная» зарисовка московской жизни, взятая из описания его путешествия: «Женщины не считают для себя стыдом напиваться и падать рядом с мужчинами. В Нарве я из моего места остановки у Нигоффского дома видел много забавного в этом отношении. Несколько русских женщин как-то пришли на пиршество к своим мужьям, присели вместе с ними и здорово вместе выпивали. Когда, достаточно напившись, мужчины захотели идти домой, женщины воспротивились этому, и хотя им и были за это даны пощечины, все-таки не удалось их побудить встать. Когда теперь, наконец, мужчины упали на землю и заснули, то женщины сели верхом на мужчин и до тех пор угощали друг друга водкою, пока и сами не напились мертвецки»³⁹.

А вот мнение англичанина Дж. Флетчера, посетившего Московию на 50 лет раньше Олеария, во второй половине XVI в.: «нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране — жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Все государство преисполнено подобными грехами. И удивительно ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков?»⁴⁰

Одна из современных исследовательниц справедливо заметила, что записки иностранцев свидетельствуют об их близком знакомстве с миром гулящих женщин и что идея русской безнравственности есть только развитие общих стереотипных представлений о варварстве русских: «Повторяемость подобных упреков в распутстве, сформулированных почти всегда в сходных выражениях, заставляет заподозрить в них литературный и идеологический топос, применяемый к «варварским» нравам людей чужой страны и, что немаловажно, иной, хотя и христианской веры, которые не могут быть носителями подлинных моральных ценностей»⁴¹. Автор анализирует англо-русский словарь Ричарда Джеймса, составленный в начале XVII в. оксфордским ученым священником, который год провел в Холмогорах и Москве. Помимо личных наблюдений, он широко использовал данные, полученные при общении с английскими купцами, проживавшими в этих городах. Изучение словарного состава и, самое главное, комментариев к различным словам и выражениям приводит к выводу о близком

знакомстве англичан с публичными женщинами и вообще о не слишком нравственном их образе жизни в России.

Забавно, как тот же Олеарий рассказывает о проведенном им «эксперименте» — тайном посещении русской общественной бани. Конечно, подчеркивает немец, он руководствовался исключительно исследовательскими целями: «В Астрахани я, чтобы видеть лично, как они моются, незамеченным образом отправился в их баню. Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; только некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место. Иные не делали и этого. Женщины иногда выходили без стеснения голые — поговорить со своими мужьями»⁴². Надо отметить, что подобное поведение действительно характерно при посещении бань, отношение к которым было особенное, трепетное, почти сакральное. Сегодня оно сохранилось, например, у финнов, для которых совместные бани являются делом обычным, что отнюдь не свидетельствует об их особой развратности (скорее, наоборот).

Или другой случай, когда «какой-либо немецкий парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то они вовсе не казались столь обиженными, чтобы в гневе, подобно Диане с ее подругами, превратить его водяными брызгами в оленя, — даже если бы это и было в их силах». Можно предположить, что женщины немало удивлялись странностям иностранцев, которые то «незаметно» пробираются в баню и все там внимательно разглядывают вместо того, чтобы мыться, то просто так прыгают в воду в том месте, где люди моются изо дня в день.

Помимо сознательного искажения фактов и близкого знакомства с русскими женщинами определенной профессии, часто имело место и простое непонимание. Показательный эпизод произошел в Москве в 1604 г. во время пребывания там английского посла Томаса Смита, в честь которого торговый агент Дж. Меррик устраивал в своем доме прием. Его жена, хозяйка дома, миссис Меррик принимала и развлекала гостей. Русский пристав, который также был приглашен на вечер, чувствовал себя очень некомфортно и все время порывался уйти, ссылаясь на то, «что ему не приличествует смотреть на подобных особ»⁴³. Добропорядочная супруга английского торговца, с точки зрения русского нарушала все правила благопристойности — общалась с мужчинами, сидела за общим столом, была вызывающе, с его точки зрения, одета, словом, вела себя как женщина легкого поведения, а не как достойная матрона. Подобного рода взаимное

непонимание, обусловленное культурными различиями, было характерно для обеих сторон и для самых разных эпох.

Наряду с этим в записках иностранцев о России красной нитью проходит мысль об исключительной строгости, с которой следили за русской женщиной. Обращаясь все к тому же Олеарию, мы читаем: «Все сколько-нибудь знатные люди воспитывают дочерей своих в закрытых покоях, скрывают их от людей, и жених видит невесту не раньше, как получив ее к себе в брачный покой»; «после свадьбы жен держат взаперти, в комнатах; они редко появляются в гостях и чаще посещаются сами друзьями своими, чем имеют право их посещать»; «из подозрительности их редко выпускают из дому, редко также разрешают ходить в церковь; впрочем, среди простонародья все это соблюдают не очень точно». Получался разительный контраст между строгостью воспитания высших классов и развратностью низших. Проблема в том, что эти самые «низшие» классы, в большинстве своем жившие в деревнях, иностранцы в глаза не видели, большей частью ограничиваясь столичным городом или гораздо реже каким-нибудь крупным торговым.

Однако со временем идея о развратности ушла в небытие, а миф об особой женской скромности и отсутствии сексуальности в русской жизни остался. Причем это не просто мнение внешних наблюдателей, но устойчивое представление самих русских о себе, к тому же распространенное в самые разные исторические эпохи. В разгар перестройки во время телемоста Ленинград — Бостон (1986) прозвучала фраза, ставшая знаменитой: «У нас секса нет!» Ее широкое распространение совершенно неслучайно. С одной стороны, ее использовали для того, чтобы показать косность и отсталость советской эпохи, отказывавшей человеку в обычных житейских радостях. С другой, она свидетельствует о том, что понятие «секс» ассоциируется в русском сознании с чем-то неправильным, ненужным, как связь без любви (по некоторым данным, фраза звучала так: «У нас секса нет, а есть любовь»). Понятие «любовь» включает физическую и духовную близость.

Действительно, русской культуре свойственно определенное целомудрие. Смешны доводы тех, кто пытается «оправдаться» перед окружающим миром и современной молодежью: мол, и раньше все было, и секс, и даже разврат. Конечно, это было во все времена. Более того, целомудрие русской культуры сочетается с не слишком большой популярностью идеи греховности плоти и всего плотского, в отличие от католичества. К потере девственности в деревне, тесно связанной с природой, относились с большим пониманием: да, плохо, позор, стыд, но не конец света. Православным священникам разрешалось иметь семьи (а католическим нет), аскетизм прославлялся не столько телесный, сколько духовный.

Безусловно, молодежь во все времена увлекалась разного рода неприличными вещами: в народе широко были распространены срамные (или, более деликатно, заветные) сказки, полные всяких непристойностей, дворянство, судя по юношеским стихам Пушкина или приписываемым ему, тоже баловалось всякой похабщиной. Интерес к такого рода тематике свойственен натуре человека, особенно в молодости, вне зависимости от национальной принадлежности.

И все-таки стыдливость оставалась важной чертой русской культуры в целом. Особенно это заметно в женском мире. В одном из современных исследований, посвященных женскому вопросу, указывается на то, что в женских мемуарах практически нет упоминания о физической стороне семейной жизни⁴⁴. «Еще одной чертой женских автобиографий в России XVIII — начала XIX в., — отмечает историк в другой статье, — является полное отсутствие в них сексуализированного или эротизированного дискурса. Это резко отличает русские автобиографические женские тексты рассматриваемой эпохи от западноевропейских. Знаменитое замечание крестьянки, няни пушкинской Татьяны Лариной: “И, полно, Таня, в эти леты мы не слыхали про любовь...” — вполне согласуется с тем, что читатель находит, а точнее, не находит в женской автобиографической прозе того времени: удивительную неосведомленность, замалчивание тревог, касающихся интимных переживаний и экспектаций. <...> Даже в современных автобиографических повествованиях женщин интимная информация является наиболее табуированной, сложно вербализуемой. Не удивительно, что два века назад авторы своих жизнеописаний боялись хоть чем-то проявить свое равнодушие к этой сфере мира чувств — будь то догадка или неведение, рефлексия или заблуждение, физиологическая нужда или социальная настоятельность»⁴⁵.

Н. Л. Пушкарева — ведущий современный исследователь мира русской женщины — детально и досконально описала все нюансы женской души и повороты женской судьбы в самые разные периоды русской истории. Однако в вопросах сексуальности с некоторыми ее утверждениями трудно согласиться. Не табу, наложенное современным им обществом, не страх перед мужем или потомками, останавливало мемуаристок, а скорее культурно обусловленное искреннее отсутствие сильного интереса к данной теме, точнее, наличие более важных вещей в жизни, в том числе и семейной.

Согласно многочисленным поучениям, сказаниям и историческим документам, в допетровской Руси блуд даже для неженатого считался грехом. Известный публицист начала XVIII в. И. Посошков советовал своему сыну немедленно жениться, как только тот почувствует желание, чтобы не впасть в грех: «Сыне мой, аще в совершенный возраст еще

и не приспеши, а начнет в тебе возжигаться пламень похотения блудного, то ты немедленно оженись законным браком, дабы тебе в беззаконие не впасти и чистоты бы своей телесной осквернением блуда не погубити...»⁴⁶

Но и в браке преобладала стыдливость, ощущение греховности интимных отношений даже между мужем и женой. Известно, что после близости супругам предписывалось идти в баню, только после этого можно было посещать церковь, да и то предпочтительно стоять с краю. Во время же близости крестьяне часто прикрывали иконы, находившиеся в той же комнате, и снимали кресты (всю эту процедуру с удовольствием описывают иностранцы как доказательство странности русских). То же самое было свойственно и высшим слоям общества, включая царей. Вот что пишет об Алексее Михайловиче перебежчик Котошихин: «А когда случитца быти опичивати им вместе, и в то время царь по царицу посылает, велит быть к себе спать, или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и наутрее ходить в мылню порознь, или водою измыются; а не быв в мыльне, или не измывся водою, в церковь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех, и не токмо царю и царице, но и простым людям запрещено»⁴⁷.

Как уже отмечалось, в России, как и в других православных странах, допускалось три законных брака. Но во все времена особо ценилось единобрачие. Либаний, античный оратор и писатель, говоря, что мать Иоанна Златоуста, будучи сорока лет, вдовствовала еще 20 лет, произнес с восторгом: «Боже Великий! Какие жены в христианстве!»⁴⁸ В России из верности мужу, даже умершему, чуда или подвига никто не делал. Достаточно вспомнить поколение послевоенных лет. Сколько их, вдовствующих осанистых старух, совсем еще недавно доживало свой век в России. Потеряв еще совсем молодыми женщинами мужей на войне, они вдовствовали по 40 и 50 лет, работая, поднимая страну, воспитывая детей, страдая и мучаясь от женского одиночества, но не сгибаясь и не теряя присутствия духа. И как-то невозможно их жалеть за то, что так и не узнали они «радостей секса», широко пропагандируемых сегодня в качестве важнейшей жизненной ценности. Наверное, потому, что познали они нечто большее и более важное. Показательно, что в России повышенный интерес к сексуальной тематике характерен для периодов кризиса (начало XX в., современность), как попытка заполнить духовную пустоту.

Видимо, не случайно знаменитое феодальное «право первой ночи», согласно которому молодая жена зависимого человека должна была провести первую брачную ночь с его господином, практически неизвестно в России. Распространенное в Европе в Средние века, оно как пережиток дожило до позднего времени. Достаточно вспомнить

знаменитую пьесу француза П. Бомарше на испанскую тему «Женитьба Фигаро» (1784), где в центре сюжета находится как раз это самое право феодала, которое граф Альмавива добровольно отменил в своих владениях, о чем потом пожалел. В России семейные устои были святы испокон веков. Отдельные исследователи видят в летописи указание на то, что это право было в начале X в. заменено княгиней Ольгой денежной податью, другие вообще считают, что такой практики не существовало на Руси.

Нравственной чистотой и стыдливостью отличается и русская литература. В ее лучших произведениях трудно найти эротический элемент. Одно из наиболее чувственных описаний семейных отношений в художественной литературе встречаем, как ни странно, у Гоголя в ироническом контексте. Вот что он пишет о семейной жизни Манилова: «<..> они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: “Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек”. Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были, то что говорится, счастливы». Конечно, были еще Бунин и другие, но их эротические сцены — скорее, дань моде, времени, западным влияниям.

Значение чистоты и целомудрия как залога благополучия в семейной жизни, подчеркивал очень долго сохранявшийся в России обряд демонстрации рубашки молодой после первой брачной ночи. С ним боролись даже на государственном уровне (Петр I, например, запретил его специальным указом), но безрезультатно. Известно, что к середине XIX в. этот обычай был все еще довольно широко распространен в деревнях⁴⁹.

Само понятие страсть в русском народе имело значение, отличное от некоторых других европейских языков, в которых оно сохранило свой первоначальный исторический смысл в основном только в религиозном контексте («страсти Христовы»). В остальных случаях «страсть» в них предполагает именно чувственное, физиологическое влечение. В России же оно в большей степени сохранило первичное значение. В словарь В. И. Даля «страсть» трактуется прежде всего как «страданье, муки, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; особенно в значении подвига, сознательное принятие на себя

тяготы, мученичества». Далее следует устаревшее «бездна, пропасть, тьма, множество, сила, ужас что; ужас как, весьма сильно, крайне, страх много или страшно сильно». И наконец только на последнем месте с негативным оттенком «страсть, душевный порыв к чему, нравственная жажда, <...> безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье». И примеры на этот случай приводятся поучительные: «Всякая страсть слепа и безумна, она не видит и не рассуждает. Человек в страсти пуще зверя».

Забавный эпизод приводит в «Путешествии из Москвы в Петербург» А. С. Пушкин: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла замуж? «По страсти, — отвечала она, — я было заупрямилась, да староста пригрозил высечь...» Такая вот она, русская страсть.

Схожий анекдот встречаем в пьесе В. А. Соллогуба «Сотрудники, или Чужим добром не наживешься» (1851). Романтическая помещица разговаривает с приказчиком в своем поместье о деревенских браках и радуется, что они совершаются «по страсти». Приказчик ее поддерживает, да только говорят они, как оказывается, на разных языках: «Известное дело, постращать надо маленько. А то <...> что девку-то баловать. Да вы, сударыня, сумлеваться не извольте. Вот хоша моя хозяйка,- тоже шла за меня по страсти. Отец приневолил, высечь хотел,- а вот-с, слава Богу, живем, как лучше не требуется». Воспитанная на французских романах барыня вкладывает в понятие «страсть», конечно, совсем иное значение.

В XVIII в. европейские более свободные нравы стали проникать на русскую почву. Особенно ими увлекались люди образованные, много путешествовавшие и повидавшие мир, стремившиеся расстаться с надоевшим им всегда немного тяжеловесным российским укладом жизни. Однако это были лишь яркие единицы. Даже среди дворянства, особенно провинциального, нестоличного, их было немного. Они, как правило, плохо уживались с окружавшим их миром. Подобный конфликт раскрывается в своеобразных мемуарах, относящихся ко второй половине XVIII в. Их необычность заключается уже в том, что написаны они не столичной аристократкой, для которой подобное занятие было данью моде, а мелкопоместной провинциальной дворянкой. В них подробно описывается первое неудачное замужество мемуаристки, ее переживания и чувства.

А. Е. Лабзина (1758–1828) была выдана замуж в 13 лет за А. М. Карамышева, который был старше ее на 14 лет. Но проблема была не в возрастной разнице, а в различном мировосприятии, в совершенно разных ценностях, которые были у мужа и

жены. История жизни Лабзиной своеобразна и в то же время и типична для своего времени.

Родилась мемуаристка в семье горного чиновника, детство ее прошло в небольшом родовом именье, где-то между Екатеринбургом и Челябинском. Отца она потеряла рано, его смерть стала тяжелым потрясением для ее матери. Если верить мемуаристке, три года молодая вдова (надо отметить, что разница в возрасте у родителей Лабзиной была гораздо более заметной — 40 лет) пролежала в своей комнате в состоянии помешательства, беседуя с мужем, которого она считала живым. Когда же ее вывели из этого состояния, она ужаснулась греховности того, что сделала, общаясь со «злым духом», «мерзким чудовищем». Во искупление своей вины остаток жизни она посвятила воспитанию детей и деланию благих дел.

Воспитывалась мемуаристка матерью в строгом религиозном духе, ее с детства приучали к аскетизму, отказу от земных благ как высшей добродетели, необходимости помогать ближнему. Высшими ее удовольствиями, как она их описывает, были молитвы, посещение тюрем, больниц, умирающих. Ее поднимали рано утром, кормили самой простой пищей (такого «баловства», как чай, в доме иметь не позволялось), даже в мороз не позволяли тепло одеваться, приучая тело, а через него и дух, к испытаниям, даже промокшие чулки менять ей не разрешали. После молитв и посещения церкви она проводила день, перевязывая раны, обшивая войлоком кандалы, раздавая пищу, ухаживая за тяжелобольными. Когда же мать спрашивали, почему она так строго воспитывает свою дочь, та отвечала: «Я не знаю, в каком она положении будет, может быть, и в бедном, или выйдет замуж за такого, с которым должна будет по дорогам ездить: то не наскучит мужу и не будет знать, что такое прихоть, а всем будет довольна и все вытерпит: и холод, и грязь, и простуды не будет знать. А ежели будет богата, то легко привыкнет к хорошему»⁵⁰.

Перед смертью мать поспешила выдать юную Лабзину за бывшего воспитанника своего мужа. Умирая, дала ей последнее наставление: «Моя власть над тобою кончилась, а осталась одна любовь и дружеские советы. Люби мужа твоего чистой и горячей любовью, повинуйся ему во всем: ты не ему будешь повиноваться, а Богу — он тебе от Него дан и поставлен господином над тобою. Ежели бы он и дурен был против тебя, то ты все сноси терпеливо и угождай ему, и не жалуйся никому: люди тебе не помогут, а только ты откроешь его пороки и через это его и себя в стыд приведешь. Веди себя всегда так, чтоб совесть твоя была всегда чиста. Не предпочитай ему другого мужчину, хотя бы он в короне был; не слушай ласкательств мужчин: они никогда истинны не бывают»⁵¹. Вполне

традиционное и по форме, и по содержанию родительское «наставление» дочери, касающееся семейной жизни.

Далее, согласно описаниям мемуаристки, начались ее долгие мучения и страдания. С самого начала между супругами не возникло никакого понимания. Она все время плакала, страдала и молилась. Он хотел веселья, радости и покоя. Первую брачную ночь, согласно мемуарам, он провел в компании своей племянницы, которая была страшно расстроена его женитьбой. Веселая и обходительная племянница долгое время составляла ему ночную компанию, а юная скорбная жена спала на кушетке в соседней комнате. По ее словам, она, не зная «порочной любви», ничего не понимала и думала, что это просто крепкое родственное чувство.

Отношения и дальше строились не лучшим образом, хотя периоды счастья и спокойствия в семье бывали. Например, на Медвежьем острове в Олонецкой губернии Лабзиной наконец-то удалось реализовать свою жертвенную натуру: она стойко переносила трудности, холод и голод. Или в Петербурге она попала под влияние семьи М. М. Хераскова, известного писателя, общественного и государственного деятеля, которому покровительствовала сама императрица. В мемуаристке явно прослеживается страсть к экзальтированному обожанию: в детстве это была мать, в Петербурге — Херасков и его семья, в Иркутске — губернатор и т. д. Только муж никак не попадал в сферу ее чувств, несмотря на ее непрекращающиеся уверения в готовности его любить.

Главные обвинения в его адрес: он был пристрастен к картам, веселым шумным компаниям и женскому полу. Особенно, естественно, огорчало последнее. Желая уверить ее, что «это» совсем другое, ее он любит по-настоящему, а остальное для радости тела. Его кредо, которое он втолковывал своей жене, заключалось в том, что «нет греха и стыда в том, чтоб в жизни нашей веселиться!» Воспитанной в строгости Лабзиной все это было чуждо. Более того, через какое-то время, по ее уверениям, муж стал предлагать и ей обзавестись любовником, особенно когда стало ясно, что у них не будет детей (Карамышев винил в этом себя, хотя во втором супружестве у Лабзиной детей тоже не было). Он уверял ее, что будет любить и воспитывать ее детей от другого, которого сам ей подберет, как своих собственных. Ее ответ был категоричен: «Я не знаю скотской любви, и Боже мой спаси и знать ее!» Так прошли почти 20 лет совместной жизни, прерванной смертью супруга.

Личность А. М. Карамышева в мемуарах его супруги предстает в крайне неприглядном свете — мучитель, безнравственный злодей, развратник, пьяница,

прожигатель жизни. Практически ни слова о делах и тем более успехах мужа. Вместе с тем он был личностью незаурядной и яркой. Ученый-натуралист, химик, естествоиспытатель, за свою недолгую жизнь (он умер, не дожив до 50 лет) Карамышев успел сделать довольно много. Он учился в Московском университете, защитил диссертацию в университете в Упсале (Швеция), в совете под председательством знаменитого ученого К. Линнея. После возвращения из Швеции большую часть времени проводил в Сибири: собрал все известные в то время сведения о растениях региона, проводил опыты с драгоценными камнями, серебром, много занимался горным делом, работал на заводах, приисках, рудниках, изучал новые месторождения. Его деятельность была признанной, он являлся членом-корреспондентом Петербургской АН, членом Берлинского общества любителей естествознания, членом-корреспондентом Стокгольмской академии наук, преподавал и участвовал в заседаниях Ученого общества при Горном училище, печатался в «Трудах Вольного экономического общества» и многое другое.

Надо полагать, что Карамышев мог считать себя столь же несчастливым в браке, как и его жена, несмотря на ее постоянные уверения в собственном ангельском характере. Возможно, и поиски любви на стороне объяснялись отсутствием ее в его собственной спальне. Его жизнь была интеллектуально насыщена, наполнена работой (чего, кстати, никогда не скажешь о нем по прочтении воспоминаний его супруги), дома он хотел веселья, радости, а находил уныние, молитвы и нравоучения.

Однако главная проблема заключалась, безусловно, в воспитании и мировосприятии. Лабзина была воспитана в традиционно русской семейной культуре: ее основой были терпение, жертвенность, смирение, осуждение плотского чувственного начала в отношениях (признание его суровой необходимостью, которую надо принимать и скрывать, но никак не способом получения удовольствия). Карамышев был человеком нового времени, воспитанным на идеях и идеалах европейской культуры, которые в тот период нередко воспринимались как то, что шло вразрез с привычным укладом. Он был атеистом, причем, как это позже называли, «воинствующий», гедонист, считавший, что от жизни надо получать удовольствие, одним из которых являлась любовь, причем физическая, чувственная, в этом вопросе он также чувствовал себя подчеркнуто свободно. Русские бары нередко грешили со своими служанками, но для Карамышева свободный секс был частью жизненной позиции. Конфликт двух культур перерос в семейную драму. Лабзина в конце концов все-таки обрела семейное счастье во втором браке. А. Ф. Лабзин

был моложе своей жены, масон, занимавшийся религиозно-философской деятельностью, а она стала его активной помощницей, сторонницей и ученицей.

Все вышесказанное — браки по сговору, фатализм, покорность судьбе в браке, отсутствие сексуальности в русской культуре — отнюдь не исключает любви. Но и здесь есть свои особенности. Россия практически не знала культивируемой в Европе много веков куртуазной любви, преклонения и обожания дамы сердца, опять же часто носивших эротический характер. Здесь любовь прежде всего существовала в рамках семейных отношений, остальное же было «от лукавого».

Не надо доказывать наличие глубоких чувств в дворянской среде XIX в., эта история слишком близкая и хорошо задокументированная. Однако и в других слоях общества мы находим подтверждения существования глубоких чувств. Например, в крестьянской. Как было сказано выше, браки здесь часто заключались рано, нередко исходя из хозяйственных соображений. Что отнюдь не исключало любовных отношений в семьях, вопреки устоявшимся стереотипам. Прекрасные примеры приводит М. М. Громько в книге «Мир русской деревни». Крестьянин Западной Сибири Иван Худяков писал своей жене в 1797 г.: «Прелюбезной и предражайшей моей сожительнице и чести нашей хранительнице, и здравия нашего пресугубой покровительнице, и всеизрядной по фамилии общей нашей угодительнице и дома нашего всечестнейшей правительнице Анне Васильевне, посылаю вам свой всенижайший поклон и слезное челобитие и с чистосердечным нашим к вам почтением, желаем вам многолетнего здравия и душевного спасения <...> прошу вас, как можно, писать, всепрелюбезная наша сожительница, о своем здравии». Очевидно, что витиеватое письмо написано для него скорее всего писцом, но глубокие чувства оно все-таки отражает. А его земляк Егор Тропин поступил еще более решительно: его забрали на обязательные горнозаводские работы, а он сбежал оттуда в родное селение, чтобы повидаться с женой, после чего сам сдался властям — на суде же объяснил, что ушел самовольно, «не стерпя необыкновенной тоски»⁵², которая напала на него в разлуке с женой.

Неожиданным источником, дающим представление о семейных отношениях в городской среде купцов и разночинцев, являются правовые акты XVIII в. (в основном речь идет о завещаниях, духовных грамотах, как они назывались). Вот, например, духовная грамота Ивана Григорьева сына Баскакова (сведений об авторе нет), составленная в 1718 г. Сквозь традиционные для завещания деловые инструкции, кому что и как делать после его смерти, прорывается глубокое чувство автора к жене, видимо, молодой: «А жене моей, свету моему Анне Федоровне, отказываю и благословляю за ее ко

мне сердешную любовь и постоянство твердое, что, жив со мною в сем маловременном и не постоянном свете, ничем предо мною не погрешила и закон Отца нашего во всякой чистоте исполнила твердо...» Предчувствуя возможные грядущие конфликты из-за наследства между мачехой и сыном, составитель заранее предупреждает сына Михаила, что если тот будет на что-то претендовать, то будет проклят, все наследство оставляется жене. Ей же супруг позволяет все, не ставя никаких условий: «А в замужестве, и в сиденье вдовою, и в постриженье — ни в чем ей не запрещаю, буди по ее воли: буде лутче найдет — забудет, буде хуже нас будет — помянет. Аминь». Только об одном просит Иван: «И еще завещаю и поттверждаю с прошением, пожалуй, свет моя Анна Федоровна, напаметуй любовь свою ко мне, а мою к себе, учини так, как в сем моем завещании и прошении написано...»⁵³ Скупые строки сухого завещания позволяют увидеть глубокие и нежные супружеские чувства.

Наконец, вопреки популярной в советское время песне в России женились по любви и короли. Романтическая история связана с именем такого, казалось бы, неромантического императора, как Александр III (1845–1894). Великий князь Александр Александрович был вторым сыном Александра II. Его старший брат Николай, наследник престола, согласно установившейся в семье Романовых традиции, весьма основательно готовился к роли будущего императора, самого же Александра готовили в основном к военной службе, что его вполне устраивало.

Невесту будущему императору подобрали вполне подходящую: юную датскую принцессу Дагмар (1847–1928). Брак устраивал всех, и в 1854 г. было объявлено о помолвке. Молодые люди искренне полюбили друг друга. Николай писал отцу Александру II: «Более знакомясь друг с другом, я с каждым днем все более и более ее люблю, сильнее к ней привязываюсь. Конечно, найду в ней свое счастье; прошу Бога, чтобы она привязалась к новому своему отечеству и полюбила его так же горячо, как мы любим нашу милую родину. Когда она узнает Россию, то увидит, что ее нельзя не любить...»⁵⁴ Дагмар действительно удалось не только полюбить Россию, но и стать важной частью ее истории. Но без Николая: через полгода после объявления о помолвке, 12 апреля 1865 г., он скончался в Ницце от внезапной тяжелой болезни на руках императорской семьи и своей невесты.

С этого момента начался совершенно новый, неожиданный и поначалу нежеланный период в жизни теперь уже цесаревича Александра. Он не только унаследовал титул своего горячо любимого и оплакиваемого брата, но и его невесту. Ему предстояло стать российским императором и мужем датской принцессы. Как и положено молодому

человеку в его возрасте, Александр в тот момент был влюблен, и не безответно, в княжну Марию Мещерскую. Но, согласно общей русской традиции, подчинился воле отца и согласился поехать в Данию сватать за себя невесту умершего брата (княжну Мещерскую, чтобы не рисковать, Александр II удалил от двора, она вскоре вышла замуж за П. П. Демидова, богатейшего человека своего времени, и умерла совсем молодой при родах).

Александр сделал предложение, оно было принято, назначена свадьба. В дневнике цесаревич записал: «Я спросил ее: может ли она любить еще после моего милого брата? Она отвечала, что никого, кроме его любимого брата, и снова крепко меня поцеловала. Слезы брызнули и у меня, и у нее»⁵⁵. Вскоре Дагмар отправилась в Россию, где ей предстояло прожить 50 лет. Огромная толпа провожала юную принцессу. Знаменитый сказочник Ханс Кристиан Андерсен был в числе провожавших. Позже он написал: «У меня навернулись слезы. Бедное дитя! Всевышний, будь милостив и милосерден к ней! Говорят, в Петербурге блестящий двор и прекрасная царская семья, но ведь она едет в чужую страну, где другой народ и религия, и с ней не будет никого, кто окружал ее раньше...»⁵⁶ Впереди была сказка, хотя и с печальным концом.

Она приняла православие, Мария-София-Фредерик-Дагмар (полное имя принцессы) стала Марией Федоровной. Ее встретили в России гостеприимно, хотя и не без подозрительности. Министр внутренних дел П. А. Валуев писал: «Мария-Дагмар — неразгаданная загадка. Ее осанка и все приемы во время обряда были безукоризненны. Но вместе с тем мне казалось, что она вполне сознавала, что совершается только необходимый обряд. Не чувства, а мысль царила в ее чертах»⁵⁷. Как бы отвергая эти подозрения, много лет спустя Мария Федоровна опишет в письме к мужу протестантскую свадьбу своей родни в Германии, как бы сравнивая ее со своей собственной: «Я бы пришла в отчаяние, если бы мне пришлось выходить замуж таким образом. У меня не возникло никаких религиозных чувств в этом зале. Да, клятва была красивой, но никаких молитв, больше ничего. После такой церемонии я бы не почувствовала и не поверила бы, что вышла замуж»⁵⁸. Похоже, принцесса датская была достаточно искренней в своих чувствах: она полюбила свою новую родину, всей душой приняла православие и нашла свое счастье в семейной жизни. Удивительно, но немецкие, датские, вообще европейские жены часто становились более русскими по своему мировосприятию, приверженности вере и традициям, чем сами русские (так же, как и муж Лабзиной Карамышев был более европейцем, чем любой рядовой европеец).

Семейная жизнь сложна всегда и везде, даже, а может быть особенно, в императорском дворце. Но источники со всей очевидностью свидетельствуют о взаимной любви супругов. Александр писал в дневнике: «...часто я думал тоже, как я наследовал от моего милого брата и престол, и такую жену, как Минни, которую он любил, еще не зная ее, и о которой я тогда не думал и уж в голову не приходило, что она будет когда-нибудь моей женой. Вот что значит Божья воля! Человек думает одно, а Бог совершенно иначе располагает нами. Не наше дело рассуждать, лучше то или хуже было прежде и как теперь!.. Через такие перемены, через какие я прошел, я думаю, ни один человек не прошел и не пройдет... Это была борьба между долгом и страстью, и Слава Богу, что так кончилось!»⁵⁹

Родились дети. Первенец — Николай: «Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем. Что за радость была — нельзя представить. Я бросился обнимать мою душку-жену, которая разом повеселела и была счастлива ужасно. Я плакал, как дитя, и так легко было на душе и приятно»⁶⁰. Потом родились еще пятеро. Были болезни, смерти, проблемы и горести, как в любой семье. Старшие выросли, стали рваться из родительского дома. Александр жалуется жене: «Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать — дома невесело родителям, да что делать?»⁶¹ Переписка императора и его супруги трогательная, душевная, это письма людей, которые прекрасно понимают друг друга и через 20 лет получают удовольствие от взаимного общения. Он: «Так скучно и пусто без тебя, моя дорогая душка Минни; давно я не ездил один и совершенно отвык от этого чувства — оставаться одному. Скучно, тоска, отвратительно!» (1889); «Моя милая душка Минни!.. Скучно и пусто без тебя здесь и весь день как-то иначе, все не то; отвратительно оставаться одному и опять быть в разлуке с тобой, милая душка Минни» (1891); «...так пусто и грустно без тебя, моя милая душка Минни, я был в твоих комнатах, был и в спальне, так все тихо, пусто, помолился перед нашими образами у постели и, грустный, вернулся к себе!» (1892). Она: «Мой милый душка, собственный Саша! Сегодня все мои мысли особенно обращены к тебе...» (1884); «Мой дорогой и любимый душка Саша! Вчера вечером я имела огромную радость получить твое второе, более чем бесценное письмо. Я была растрогана до слез... В каждый момент дня я думаю о тебе. Я так хотела бы видеть тебя здесь...», (подпись: «На всю жизнь твой верный друг Минни») (1892)⁶². Наконец, скорбный итог после похорон мужа, умершего в 1894 г., Мария Федоровна подвела в разговоре с сыном и наследником Николаем II: «...добрый Бог отобрал у меня того, которого я лелеяла и любила больше всего на свете и который всем вам был лучшим из отцов»⁶³.

Очень разные, они прожили в согласии почти 30 лет. Сойдясь по воле родителей, прожили на редкость счастливую супружескую жизнь. И это на фоне сложнейшей политической ситуации в России, когда обязанности отнимали много сил и времени у него, вызывали волнения у нее, когда преследования царской семьи не прекращались, и только чудом несколько раз им удавалось избежать верной гибели. В семье же царили спокойствие, дружеские отношения. Датская принцесса потом вынесла тяжелейшие испытания: двое ее сыновей умерли от болезней, двое были расстреляны после революции, так же как и пятеро внуков. Сама она умерла в Дании. В 2006 г. ее останки были перевезены в Россию и похоронены рядом с «душкой Сашей».

Создание семьи — это не только соединение двух людей. Как уже было сказано выше, в русском мире «семья» всегда была широким понятием, эквивалентным понятию «дом», включавшим несколько поколений. Важное место в этой структуре занимали дети. Несколько слов о традициях семейного воспитания детей в России.

Основные принципы воспитания находим на страницах так называемых «поучений» или «наказаний» детям. В них родители делятся со своими подросшими сыновьями, не только как им самим в будущей жизни жить, но и как своих детей вырастить достойными продолжателями рода. Одним из самых древних подобных памятников является «Поучение Владимира Мономаха», появившееся в начале XII в. Великий киевский князь Владимир Мономах (1053–1125) имел многочисленное потомство. К нему в первую очередь, но и к чадам, т. е. людям, над которыми он поставлен правителем, обращены его советы. Самое главное — вера, молитва и благие дела: «Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра». Далее — труд: «Бога ради, не ленитесь, молю вас <...>; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию». Создание семейного очага и праведный образ жизни завершают наставления: «В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте...»; «Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело». Указаны и методы воспитания: «Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе...», т. е. наказывай, но жалей⁶⁴.

Развитие тех же принципов находим и в «Домострое», уже в середине XVI в. Приучение к вере, труду, верности семейным устоям составляют основу воспитательных принципов той эпохи. Добиться этого, по мнению составителя, можно через послушание, которое, в свою очередь, достигается через наказание. При этом «Домострой» строго

обязывал родителей заниматься своими детьми, возлагал полностью на них ответственность за их судьбу как в этой жизни, так и в иной.

«А пошлет Бог кому детей, сыновей и дочерей, то заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в доброй науке: учить страху Божию и вежливости, и всякому порядку... Любить и хранить их, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а не то, разобравшись, и поколотить. Наказывай детей в юности — успокоят тебя в старости твоей». И далее в другом разделе автор вновь возвращается к прежней мысли и развивает ее: «Наказывай сына своего в юности его, и успокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалея младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти». Идея спасения души через наказание тела была, конечно, заимствована из религии.

Послушание остается важнейшим принципом отношений между родителями и детьми и в другие эпохи. Так, при Петре I создается «Юности честное зеркало» (1717) — своеобразный кодекс поведения дворянина в новую эпоху, основы которой закладывались в правление царя-преобразователя. Петр сам лично уделял большое внимание подготовке этой книги, вполне справедливо полагая, что изменение внешних манер и поведения в семье и в обществе совершенно необходимо при создании государства нового типа, о котором он мечтал.

Начинается книга с обновленной азбуки (сохранился вариант с пометками самого Петра), основной целью которой было упрощение написания букв для распространения образования. Такими же общедоступными хотел Петр сделать и хорошие манеры. Основной текст в значительной степени собран из европейских справочников подобного рода, однако выборка и добавления свои, русские. Сборник представляет собой компиляцию европейских хороших манер, но на русский лад.

Прежде всего Петр стремился отказаться от всего старого, традиционного, тащившего Россию, как он полагал, в сторону от общеевропейской дороги. Однако, волей-неволей «Юности честное зеркало» повторяет традиционные принципы воспитания молодежи.

По отношению к родителям на первом месте по-прежнему почтение и послушание: «В первых наипаче всего должны дети отца и матери в великой чести содержать. И когда от родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле их не садиться, и прежде оных не заседать, при них во окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением, не с ними в ряд, но

немного уступи позади оных в стороне стоять, подобно яко паж некоторый или слуга... У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить...» Важно следить за тем даже, каким тоном ты разговариваешь с родителями. Даются конкретные примеры как правильного, так и неправильного обращения: «И потом сказать, что изволите, государь батюшко; или государоня матушка. Или что мне прикажете государь; а не так: что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь. И не дерзностно отвечать: да, так, и ниже вдруг наотказ молвить, нет; но сказать: так государь, слышу, государь: я выразумел, государь, учиню так, как вы, государь приказали. А не смехом делать, яко бы их презирая, и не слушая их повеления и слов. Но исправно примечать все, что им говорено бывает, а многожды назад не бегать и прежняго паки вдругорядь не спрашивать». Чем-то очень современным, с одной стороны, и вечным, уходящим в глубь времен, веет от этих описаний.

Далее излагаются морально-нравственные принципы, не слишком изменившиеся со времен «Домостроя», разве только в силу своей эпохи и благодаря личности автора-составителя в них почти отсутствуют религиозные наставления: «Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и безпокоен, подобно как в часах маетник...»; «От клятвы чужеложства (блуда) игранья и пьянства отрок себя велми удержать и от того бегать. Ибо из того ничто ино вырастает, кроме великой беды и напасти телесныя и душевныя, от тогож раждается и погибель дому его, и разорение пожиткам».

Наконец, далее следуют практические советы, как держать себя в обществе, принципы светского поведения. Вот лишь некоторые «образчики» этих наставлений, предназначенных для светских молодых людей петровской эпохи: «Младые отроки не должны носом храпеть, и глазами моргать и ниже шею и плеча якобы из повадки трести, и руками не шалить, не хватать, или подобное неистовство не чинить»; «Непристойно на свадьбе в сапогах и острогах быть, и тако танцевать, для того что тем одежду дерут у женского полу и великий звон причиняют острогами»; «И сия есть не малая гнусность, когда кто часто сморкает, яко бы в трубу трубит, или громко чхает, будто кричит, и тем в прибытии других людей или в церкви детей малых пужает и устрашает».

Экономист и публицист, автор многих прогрессивных для своего времени концепций И. Т. Посошков (1652–1726) вполне традиционен в своем «Завещании отеческом» (1705), составленном немногим раньше «Юности»: «Вельмо бо, вельмо зло, еже младым детям чинить потачка: всякое бо зло и безумство родится от родительской потачки... И аще обвыкнут твои дети одежды носить грубые, и яди ясти суровые, и пьянственна питья, а паче заморского, пить не будут, а к тому аще обучиши их в

ежедневных трудах пребывати, то вельми будут здравы и долголетны, и в разуме и во всяких своих делах будут тверды»⁶⁵.

Предполагалось, что послушание дети сохраняют по отношению к родителям и будучи уже взрослыми. Писательница первой половины XIX в. Т. П. Пассек в своих воспоминаниях приводит историю о кашинском помещике И. И. Кучине, родственнике мемуаристки. Его сын Александр, конноартиллерийский офицер, гостил дома. Все было хорошо, кроме одного: отец никак не мог добиться от сына более бережного обращения с лошадьми, разъезжая по соседям тот нещадно загонял их, бравируя своим мастерством. Однажды, когда сын вернулся из очередных гостей, отец пригласил его к себе в комнату, попросил снять мундир и сказал: «Пока на тебе жалованные царем кресты и мундир, я уважаю в тебе слугу царского, когда же ты их снял, то вижу только своего сына и нахожу долгом проучить розгами за неуважение к словам отца.

— Помилуйте, батюшка, — завопил молодой человек, — ведь это ни на что не похоже — сечь как ребенка. Я виноват и прошу вас простить меня.

— Ну, брат, — возразил старик, — если не считаешь долгом исполнить волю мою, ты мне не сын, я тебе не отец. Кто не чтит родителей, тот не будет чтить ни Бога, ни царя и не будет признавать никакого нравственного долга. Теперь как знаешь: или я тебя высеку, или мы навсегда чужие друг другу»⁶⁶. Несмотря на нелепость ситуации, великовозрастному сыну ничего не оставалось, как подчиниться. Отец стеганул его, потом расплакался, и они помирились.

Конечно, уже тогда, в первой половине XIX в., эта история относилась к числу курьезов, однако существование ее и незлая, скорее добродушная, насмешка над ситуацией вполне показательны. В ней же отчетливо прослеживается один из важных принципов: взаимосвязь семейного и государственного начала. В России в первую очередь воспитывали гражданина, члена общества, а потом уже личность (например, в Америке приоритетно именно воспитание личности).

Видимо, не случайно в период кризиса, начала перемен в русском обществе, нарастания брожения и революционных настроений все это неизбежно привело к конфликту поколений, к стремлению вырваться из-под родительской опеки, порвать эту зависимость, которая была глубже и органичнее, чем просто декларативные заявления поучений, писаний и домостроев. Разрушение устоев — важная причина и одновременно следствие революционных потрясений в обществе, семья одной из первых попадает под критику тех, кто стремится изменить до основания все в государстве.

Со всей очевидностью это проявилось в эпоху реформаторской деятельности Александра II. В 1860–1870-е гг. С. В. Ковалевская (1850–1891), знаменитый ученый-математик, в своих воспоминаниях писала: «Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х годов, все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье ни спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждениями!” — вот только и всего, но этого “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей — отречься от детей»⁶⁷.

Однако строгости и наказания, заложенные в основу воспитательной системы, не стоит преувеличивать. Физические наказания были в ходу во всей Европе как главный способ воспитания детей. Более того, в России они стали отходить в прошлое раньше, чем в некоторых других странах, например в Англии. Во всяком случае в образовательных и воспитательных учреждениях, если и не в семейных отношениях. В семье они задержались дольше.

Но самое главное — подобные принципы отнюдь не исключали нежной родительской привязанности. Было бы ошибкой считать, что отношения между родителями и детьми строились повсеместно на строгости с одной стороны и страхе с другой. Предполагалось, что наказание — это исключение, мера, применяемая в крайнем случае. Неслучайно «Домострой» советует сначала успокоиться, потом разобраться и только потом, в случае необходимости, наказывать.

Трогательная любовь родителей к детям сквозит в частной переписке, дошедшей до нашего времени из глубины веков. Великий князь Василий Иванович (1479–1533) развелся с бездетной Соломонией Сабуровой и женился на молодой польке Елене Глинской, которая родила ему долгожданного сына (будущего Ивана Грозного). В письмах к жене Василий постоянно просил «отписывать» ему все подробности жизни малыша: «и о кушанье Иванове, что Иван сын коли покушает — чтоб мне то ведомо было».

Жена стольника И. С. Ларионова Дарья в письме к мужу в 1696 г. писала: «У нас только и радости, что Парашенька!»; «...а Парашенька у меня девочка изрядная, дай

Господи тебе, и как станем тебя кликать — и она также кличет, и нам этот ее лепет всего дороже...»

Сохранились и письма известной раскольницы, сестры знаменитой боярыни Ф. П. Морозовой и сподвижницы протопопы Аввакума княгини Е. П. Урусовой к сыну. На знаменитой картине В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1887) изображена и Урусова, спешащая за санями сестры. Ради веры, идей старообрядчества княгиня оставила горячо любимую семью — сына и трех дочерей. Муж вскоре развелся с ней и женился снова, дети оказались в новой семье. Сама Урусова вместе с сестрой была сослана в ссылку, подвергалась пыткам, голодала и умерла в остроге г. Боровска в 1675 г. Ее письма к детям, особенно к любимому сыну Васеньке, полны глубокой материнской любви и тоски от разлуки с ними. Ее учитель, протопоп Аввакум, называл их «оханьем», так печальны и скорбны они были. Она обращается к сыну ласково: «друк ненаглядный», «нинасмотренный», «утроба моя возлюбленная», «утеха и радость моя», «мой радостный». В одном из предсмертных писем изливает свою душу: «Ох, мой любезный Васенька, не видишь ты моего лица плачевного, не слышишь моего рыдания смертного, не слышишь, как рыдает сердце мое а тебе и душа моя сокрушаетца!»⁶⁸ Боярыня Морозова и княгиня Урусова почитаются святыми старообрядческой церковью, а не так давно в Боровске над местом предполагаемой могилы сестер была возведена часовня.

А вот завещание «гостя», т. е. купца, Алексея Остафьева сына Филатова (1731 г.) Все свое состояние он оставляет внуку Петру. Сколько заботы и внимания проглядывает даже в сухом юридическом документе! Очень боялся дед, что богатство не пойдет на пользу любимому внуку, поэтому поспешил составить список запретов, стараясь уберечь его от соблазнов и после смерти: «Невесту... ис купечества, а ис шляхетства не соизволяю тебе и запрещаю» (т. е. из дворянского сословия, неравный брак не одобрялся дедом-купцом); «Еще запрещаю с мотами, и бездельниками, и с зернщиками, и с тунейцами отнюдь не знатся... И от блуда иметь чистоту и воздержание, и от прелесниц бегать...» Мать, невестку завещателя, «содержать и позволять жить только если не выйдет снова замуж». «И жить, постоянно смотря на добрых людей, и дом свой содержать чинно, и людем домовым, також и крестьяном обид и налог не чинить...»⁶⁹

В русской народной традиции отсутствие детей считалось горем. Летопись сохранила восклицание одного бездетного князя, сетовавшего на то, что «Бог не дал своих родити, за мои грехы»⁷⁰. О радости, которую дарят дети, но и об огромной ответственности, которую возлагает на плечи родителей их рождение, говорят и народные пословицы и поговорки: «Дети — благодать Божья»; «Детушек воспитать — не курочек

пересчитать»; «Валяй, дети, отец в ответе»; «Детки маленькие — поест не дадут, детки велики — пожить не дадут»; «Умел дитя родить, умей и научить». Есть и обращенные к детям, чтобы не боялись сильно родительской строгости, ценили ее: «Не съел дед отца, не съест отец и тебя молодца». Есть и подчеркивающие огромную роль матери в воспитании: «Что мать в голову вобьет, того и отец не выбьет».

В крестьянской среде предполагалось безусловное уважение родителей на протяжении всей жизни, подчинение родителям во всех делах до выделения сына в отдельное хозяйство и до замужества дочери. Родители должны были заботиться о детях, содержать их, воспитывать. Того же ждали и от детей по отношению к престарелым родителям. Община внимательно следила за выполнением взаимных обязательств. В случае нарушения правил потерпевшая сторона могла обратиться к общине, и нерадивых детей обязывали следить за стариками. Также родители могли пожаловаться обществу на непослушание взрослых детей, и в этом случае им оказывалась поддержка.

Выше уже отмечалось то огромное значение, которое придавалось родительскому благословию (перед свадьбой, перед отъездом, перед смертью, перед ответственным или опасным делом) или проклятию. Уважение к родителям поддерживалось не только традицией и обществом, но имело своеобразную религиозно-правовую основу.

Согласно крестьянской традиции до 7 лет с детьми обращались мягко, они были в значительной степени предоставлены сами себе. С 2-х лет ребенка сажали за общий стол, приучали к правилам общежития, с этого же времени начинали водить молиться в церковь. Большую часть времени дети проводили на улице, играли в традиционные игры (девочки в семью, мальчики в сражения), помогали при сборе грибов и ягод.

После 7 лет начинался строгий период воспитания, за проступки били, ругали, наказывали. Большое внимание уделяли приучению к труду, причем сыновья были на попечении отца, а девочки — матери. Дети оказывали посильную помощь в работе: девочки нянчили детей, мальчики носили еду в поле, и те, и другие помогали по дому. С 10 лет дети нередко выполняли работы наряду со взрослыми. На десятилетнюю дочь мать могла оставить дом, готовку, маленьких детей.

С 15 лет подросток уже считался взрослым работником. На его долю выпадало уже меньше побоев и ругани, больше работы, его лучше и чище одевали.

В деревнях больше радовались рождению мальчика: это был будущий работник, на него полагался надел земли, он должен был жениться, привести в дом невестку, в свою

очередь увеличить семью. Девочка уходила в дом мужа, поэтому под родительской опекой она находилась только до замужества. К тому же традиционно было принято наделять девочку приданым, пусть даже и символическим. Так что в практическом смысле от девочек были одни только убытки. Что, конечно, не значит, что девочек не любили и не баловали, жизнь всегда полнее и разнообразнее любой схемы.

Сегодня многое изменилось в структуре и традициях семейной жизни. Строгости нравов, за соблюдением которых когда-то следили родители, общество, даже государство (в виде цензуры, например), теперь не существует. Скорее наоборот, разгул порнографии и пропаганда свободных отношений имеют мощную коммерческую и политическую подпитку. По разводам страна уверенно лидирует. Совместная жизнь вне брака теперь стала делом обыденным и естественным. Юные девушки с экранов телевизоров и страниц журналов важно рассуждают о том, что надо сначала «проверить свои чувства» (как будто это спасает от ошибок) или «попробовать разных партнеров, чтобы найти того, единственного» (что тоже редко приводило к желаемым результатам). Конечно, жизнь не стоит на месте, многое меняется, что-то уходит в прошлое, что-то появляется новое. Но как нередко бывало в истории, Россию кинуло в крайность. Период перестройки в вопросе семейных ценностей продолжается и еще неизвестно, чем закончится.

С другой стороны, очевидно сохранение определенных традиционных ценностей. Например, в отношении незамужних женщин и неженатых мужчин, о чем уже говорилось выше. Или в существовании идеала сильного мужчины, главы семьи, опоры и защиты. Конечно, в современных условиях крайне трудно определить, кто глава в семье, если жена зарабатывает больше, карьеру сделала более успешную, дом весь на ней. Но в общении с мужчиной и такая женщина все равно будет стараться сохранять подчеркнуто зависимое положение: спрашивать совета, наливать чай, выполнять пусть и ненужные с логической точки зрения требования. Без этой игры не только у нее есть все шансы потерять мужа, но и, что гораздо важнее, ей самой неинтересно. Женщина в семье по-прежнему любит чувствовать себя женщиной — слабой и нуждающейся в опеке. Даже если она большой и решительный начальник.

Сохранились некоторые отличительные черты русской культуры и в отношениях между детьми и родителями. Связь между поколениями здесь сильнее, чем во многих западных странах. В России неженатый сын и незамужняя дочь сидят на шее родителей до седых волос, причем не только в материальном смысле (хотя бывает и так), но в плане ответственности, предпочитая решения основных жизненно-важных вопросов переваливать на их плечи. В США сын или дочь, достигшие совершеннолетия,

предоставляются сами себе, это не жадность, скупость или равнодушие, а жизненная позиция: молодые люди должны учиться самостоятельно решать свои проблемы. Известны случаи, когда эмигрировавшие русские мамы (и особенно папы) тайком от своих американских супругов все-таки пытаются помогать детям, подсовывая деньги на непредвиденные расходы или выручая из неприятных ситуаций. Обычно у местных жителей это вызывает принципиальное неодобрение.

В начале 1990-х гг. в открывшую свои двери (или окна) Россию устремился поток иностранных студентов, многие из них предпочитали жить в семьях. Для русских семей это тоже была прекрасная возможность заглянуть в мир иной культуры. Конфликтные ситуации возникали на совершенно неожиданной почве. Одной из них была чрезмерная опека, которую оказывали семьи иностранным студентам, считавшим себя уже взрослыми. Старшие члены семьи могли полночи смотреть в окно, не спать, ожидая загулявшего квартиранта, а потом еще и устроить сцену по этому поводу. Он возмущался — его родители так не опекают дома, он свободный человек, полностью предоставленный сам себе. При разборке конфликтов родители в таких семьях говорили, что представляли на его месте своего, пусть и выросшего, ребенка. Нельзя же оставить его на произвол судьбы.

Сегодня в России существует даже отдельная категория, получившая в народе название «сумасшедшие матери». Это относится к тем женщинам, которые чрезмерно опекают своих детей, изливают на них свою любовь, балуют их, но, одновременно с этим, не дают им никакой свободы, контролируя и направляя каждый шаг. Вторят им и бабушки. В большинстве западных стран общение внуков с бабушками — вещь обязательная, но не более чем дань вежливости, светское общение, которое происходит чаще всего по праздникам. Российские бабушки нередко наполняют жизнь ребенка не меньше, чем родители, помогая, опекая, балуя, контролируя.

В России детей любят воспитывать: делать замечания, следить за тем, как они себя ведут, не шумят ли в общественных местах, не мешают ли разговору старших и т. д. Американский исследователь пишет о том, что для Нью-Йорка не удивительна картина, когда толпа взрослых стоит посередине улицы и ждет, пока маленький мальчик соизволит сдвинуться с места: в нем уважают личность и не хотят ее насиловать. В Москве также обычна картина, когда мать или отец буквально тащат за собой сопротивляющегося ребенка, следуя принципу «капризам потакать нельзя».

Историческое значение семейных отношений в русском мире нашло сегодня отражение в поддержании и культивировании различных традиций, связанных со свадебной церемонией. Начать с торжественности и пышности свадеб. Нигде в западной культуре сегодня они не отмечаются с таким размахом, как в России. Приглашается как можно больше гостей, важно никого не обидеть, в том числе и дальних родственников, которых и видят только на свадьбах и похоронах. Считается, что чем богаче и многолюднее свадьба, тем дольше будут жить вместе молодые. Порой размах таких торжеств удивляет, люди отдают последние деньги, чтобы отпраздновать свадьбу своего ребенка «не хуже, чем другие».

Соблюдается множество разных традиций — молодых посыпают зерном, крадут у невесты туфельку, и все ее ищут, встречают хлебом-солью и т. д. Многие сегодня, конечно, не помнят точно, что и зачем, смысл большинства обрядов утерян, однако им предпочитают следовать на всякий случай. В последнее время появились и какие-то новые традиции: например, жених должен пронести невесту по семи мостам. Вот и ездят веселые компании от моста к мосту, носят невесту, везде выпивают и раз от раза веселятся все больше. Или повесить замок на московском мосту для прочности брачных уз — новая проблема для коммунальных служб города. Сохранение исторических традиций поддерживает преемственность поколений, незримой нитью связывает день сегодняшний и вчерашний.

Положение женщины в России — стереотипы и реальность

Тема, связанная с положением женщины в России, традиционно считается сложной и запутанной. Она обильно сдобрена мифами и стереотипами, затемняющими и без того непростую и противоречивую картину. Впрочем, основные проблемы возникают прежде всего в тех случаях, когда авторы либо пытаются оценивать исторические факты, исходя из современной им действительности, либо используют данную тему в публицистических, пропагандистских или политических целях. Замечательно, что больше всего внимания, споров и разоблачений в данном вопросе относится к периодам потрясений, обновлений и переворотов в стране. Петровская эпоха, великие реформы, революция, перестройка

каждый раз с новой силой ставили вопрос о том, каково же все-таки положение женщины в стране, прежде всего в историческом аспекте, но не без оглядки на современность.

Порой представляется, что в общем-то несложная и вполне логичная для общего развития страны картина сознательно, а чаще всего и бессознательно, затемнялась, раскрашивалась мрачными трагическими тонами. Вместе с тем и этот вопрос вполне решаем в рамках общих закономерностей развития русского характера. А противоречия, многоплановость и неоднозначность — явления совершенно нормальные при описании характеров народов.

Главное противоречие проистекает из особенностей семейного строения. Как отмечалось, русская семья строилась на базе иерархичной и патриархальной системы строгого подчинения главе семьи и разделения обязанностей. В этом был залог ее нравственной стабильности и экономической силы, это гармонично вписывало ее в систему общественных отношений и в общую структуру государства.

Согласно подобному устройству главными чертами положения русской женщины должны были быть покорность, смирение, приниженность, угнетенность. В значительной степени это, видимо, соответствовало действительности. Вспомним сказки: героиня никогда не пытается переделать героя, заставить совершать какие-либо поступки. Она покорно следует за ним под венец, потом помогает, чем может, также покорно отправляется к Кашею Бессмертному, когда герой сжигает ее лягушачью шкурку или птичьи перышки. Но в тех же сказках отчетливо прослеживается и другая особенность — героиня покорна, но не угнетена, более того, она активна и деятельна, она мудра и творит чудеса. Она не выпячивает свои заслуги, не кичится ими (такое поведение в сказках моментально наказывается), но составляет важное деятельное начало, которое в союзе с героем приводит к победе. Это особенно заметно в сравнении с западноевропейскими сказками и мифами, в которых героиня прекрасна и пассивна, а активные женщины, да еще и обладающие волшебными дарами, почти всегда олицетворяют разрушение, зло, гибель.

Основная проблема, рождающая путаницу, заключается в скудости источников, освещающих положение женщины. Семейный вопрос при ограниченности информации еще можно более или менее детально проанализировать, но отдельных произведений, посвященных женской теме, практически не встретишь до XVIII в., когда произошел своеобразный информационный взрыв, спровоцированный петровскими реформами и естественным ходом технического прогресса.

Главным источником, на котором основано подавляющее большинство работ о положении женщин в России, являются записки иностранцев XVI–XVII вв. В них этому вопросу уделялось особое место. В целом рисуемая ими картина получается довольно нерадостной. Вот лишь некоторые описания.

Сигизмунд Герберштейн (немецкий дипломат и путешественник, был в Москве в 1517 и 1526 гг.): «Положение женщин самое жалкое. Ибо они ни одну женщину не считают честною, если она не живет заключившись дома, и если ее не стерегут так, что она никогда не показывается на публику. Они почитают, говорю я, мало целомудренною ту женщину, которую видят чужие и посторонние»⁷¹.

Джилль Флетчер (английский писатель и дипломат, в России с 1588 по 1589 гг.): «В обращении со своими женами мужья обнаруживают варварские свойства, обходясь с ними скорее как со своими прислужницами, нежели равными. Исключением пользуются только жены дворян, которых, по крайней мере, по-видимому, мужья более уважают, чем в низшем классе людей. Есть у них также грубый обычай, противный доброму порядку вещей и самому Слову Божию, именно тот, что муж, разлюбивший жену, или по какой-либо другой причине, может идти в монастырь и постричься в монахи под видом благочестия и, таким образом, оставить свою жену, чтобы она заботилась сама о себе, как умеет»⁷².

Самуил Маскевич (польский офицер, участник событий Смутного времени в России): «...мужчины не допускают женщин в свои беседы, не позволяя им даже показываться в люди, кроме одной церкви. Да и тут каждый боярин, живущий в столице домом, имеет для жены церковь не в дальнем расстоянии от своего двора. Если же случится боярыне в торжественный праздник отправиться в большую церковь, она выезжает в колымаге, со всех сторон закрытой, исключая боковых дверец, с окнами из прозрачных, как стекло, камней или из бычачьего пузыря: отсюда она видит каждого; ее же никто разглядеть не может, разве когда садится в колымагу или выходит из нее. Самые знатные боярыни ездят всегда цугом, в две лошади, обыкновенно белые: каждую ведет конюх за поводья; у лошади, запряженной в оглобли, на хомуте висит сорок соболей, а у цуговой шлея и постромки, также узды и поводья бывают иногда красные бархатные; иногда же ременные. Около колымаги идет несколько слуг: число их соразмерно с знатностью господина. <...> Комнаты для женщин строятся в задней части дома, и хотя есть к ним вход с двора по лестнице, но ключ хозяин держит у себя, так что в женскую половину можно пройти только чрез его комнату. Из мужчин не пускают туда никого, не исключая и домашних. Двор же, за комнатами женскими, обгораживается таким высоким палисадником, что разве птица перелетит чрез него. Здесь-то женщины прогуливаются»⁷³.

Адам Олеарий (немецкий путешественник и дипломат, был в Москве в 1630-е гг.): «Женщины среднего роста, в общем красиво сложены, нежны лицом и телом, но в городах они все румянятся и белятся, притом так грубо и заметно, что кажется, будто кто-нибудь пригоршнею муки провел по лицу их и кистью выкрасил щеки в красную краску. Они чернят также, а иногда окрашивают в коричневый цвет брови и ресницы»⁷⁴.

Г. К. Котошихин (подьячий посольского приказа при дворе Алексея Михайловича, бежал за границу, написал свои заметки для шведского короля во второй половине XVII в.): «Сестры ж царские, или и тщери, царевны... А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояре их есть холопи и в челобитье своем пишутца холопами, и то поставлено в вечной позор, ежели за раба выдать госпожа; а иных государств за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной веры, и веры своей отменити не учинят, ставят своей вере в поругание, да и для того что иных государств языка и политики не знают, и от того б им было в стыд...

И те послы будучи у царя посолство свое правили и дары подносили; а к царице посолства править и ее видеть не допустили, а отговорилися тем, назвали царицу болною, а она в то время была здорова; и слушал у послов посолства, и дары за царицу принимал царь сам.

Вопрос. Для чего так творят?

Ответ. Для того: Московского государства женской пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, а породным разумом простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужства своего у отцов своих живут в тайных покоях, и опричь самых ближних родственных, чюжие люди никто их, и они людей видети не могут — и потому мочно дознатца, от чего б им быти гораздо разумным и смелым; такъже как и замуж выдут, и их потомуж люди видають мало. И толко б царь в то время учинил так, что Полским послом велел бы быть у царицы своей на посолстве, а она б выслушав посолства, собою ответу не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд»⁷⁵.

Обращает на себя внимание редкое единодушие и общность взглядов иностранных путешественников по России. Казалось бы, они изображают то, что видели своими глазами или, в крайнем случае, слышали своими ушами. Однако причина сходства мнений не только и не столько в том, что они отражают реальную ситуацию, а скорее в том, что большинство мемуаристов стояли на схожих позициях и преследовали одинаковые цели.

Самой показательной является история об иностранном муже (иногда он немец, иногда голландец, иногда просто приезжий купец), который взял в жены русскую. Все у них было хорошо, но стал он замечать, что жена его грустит. На вопрос, что же не так, она ответила: «Ты меня не бьешь, а значит — не любишь». Муж сначала сопротивлялся, потом стал поколачивать свою русскую жену, потом вошел во вкус и забил ее насмерть. Что характерно, так это то, что практически каждый, кто пересказывал эту историю, свидетельствовал, что знал этого купца, хотя разница между пересказами и сто, и двести лет. Более того, она так полюбилась иностранцам, что и в XIX в. встречаем ее мотивы в записках туристов, приезжавших в Россию, а в XX в. она широко использовалась зарубежными исследователями русской культуры в качестве иллюстрации странности нравов русских.

Очевидно, что мнение иностранных путешественников определялось двумя главнейшими факторами. Первый — политический. Любимые мотивы — варварство русских, азиатский характер их культуры — как нельзя лучше иллюстрировались строгостью и дикостью семейных отношений и местом женщины в обществе. Это было наглядно и всем понятно.

Второй момент связан с общим незнанием и непониманием русских традиций. Знакомство иностранцев, оставивших записки, с русским народом было достаточно ограниченным: столичный город, богатые купцы, знатные бояре и государственные деятели, царский двор. Простые люди иностранного происхождения записок о своей жизни в России не писали, это был удел избранных, чаще всего людей, приезжавших с вполне определенными политическими и даже государственными целями. Так просто по улицам ходить и с кем попало общаться им не очень-то разрешали (большая часть иностранцев жалуется на жесткий контроль со стороны московских властей). Так что они не только видели то, что хотели увидеть, исходя из своих политических целей, но и то, что им хотели показать. На все это накладывался конфликт культур, о котором уже говорилось раньше, разность традиций и особенностей быта, что и приводило к искажению общей картины.

Интересно, что это искаженное понимание русского быта и семейных нравов допетровской Руси было тщательно проанализировано русскими исследователями в XIX в., подхвачено и развито. Пик пришелся на реформаторскую эпоху времен Александра II. О том времени славянофил И. С. Аксаков с горечью писал: «С изумительным бесстыдством, выдаваемым нами за героизм беспристрастия и обличавшим наше внутреннее легкомыслие, пустились мы щеголять обличением общественных ран и

язвин, неумолимо высматривая их с помощью микроскопа и нисколько не постигая нашей коренной болезни. Мы дали у себя простор такой гласности, которой подобную едва знавала и Англия...»⁷⁶ Ветер перемен, свобода, гласность — все эти популярные в то время мотивы нуждались в конкретном материале, женская и семейная темы оказались крайне продуктивными.

Не только публицисты, но и историки оказались в зависимости от общих настроений. Так, Н. И. Костомаров все свое исследование семейного быта русских построил на записках иностранцев; русские женщины, согласно его описанию, жили крайне замкнуто и угнетенно. Схожей, хотя и более мягкой концепции, придерживался и бытописатель И. Е. Забелин. И многие другие в эту и последующие эпохи.

Если внимательно проанализировать и обобщить конкретную информацию о положении женщины в России, отбросив пафос обличения и сетования о ее несчастной участи, то можно выделить две традиции, описанные иностранными путешественниками, на которые опираются русские исследователи. Одна — это затворничество русских женщин, жизнь в тереме. Одни авторы связывают подобный образ жизни с влиянием татар и вообще Востока, что-то вроде гарема, но с одной женой, другие — с аскетизмом византийства, с подобием монашеского уклада жизни.

Конечно, в том случае, если позволяли средства, т. е. речь идет о состоятельных городских жителях, как раз о той категории, с которой сталкивались путешественники, женщинам отводились особые помещения — терема, светлицы. Но и здесь надо разграничить девушек, жен и матерей. Последняя группа, особенно вдовы, ставшие хозяйками при малолетних детях, пользовались практически полной свободой, это общепризнано и подтверждается юридическими и другими документами.

Судя по косвенным свидетельствам, замкнутый и строгий образ жизни жен — тоже скорее миф, чем реальность. В частности, об этом говорится в «Домострое», на который часто ссылаются в подтверждение мнений иностранных путешественников. Очевидно, что составитель «Домостроя» описывал идеальную, с его точки зрения, ситуацию (напомним, что он был лицом духовного звания, состоятельным и приближенным к государю). Реальная же ситуация отчетливо проглядывает в запретах, что не надо делать женам, но что, очевидно, они чаще всего и делали. Вот на что сердится автор: «Да со слугами госпожа бы пустошных речей пересмешных, срамных да нелепых, никогда не говорила, и к ней никогда не ходили бы ни торговки, ни бездельные женки, ни сводни, ни волхвы... Жене же тайком от мужа не есть и не пить, захоронков еды и питья втайне от мужа своего

не держать; у подруг, у родни тайком от мужа своего питья и еды, поделок и подарков никаких не просить и самой не давать и ничего чужого у себя не держать без ведома мужа; во всем советоваться с мужем, а не с холопом и не с рабой... А коли гости зайдут, или сама где будет, сесть за столом — лучшее платье одеть, да всегда беречься жене хмельного: пьяный муж — дурно, а жена пьяна и в миру не пригожа. С гостями же беседовать о рукоделии и о домашнем порядке, как хозяйство вести и какими делами заниматься; <...> а не пересмешничать ни над чем и попусту не болтать ни о ком»⁷⁷.

Мечтает автор об идеальной жене для сына, хочет искоренить пороки своего времени и общества, но в повторении запретов, в конкретизации и зримом описании женских прегрешений видна реальная повседневная жизнь. А в ней праведные идеальные жены, которые во всем себе отказывают, интересуются исключительно хозяйственными вопросами и не имеют от мужа секретов, существуют только в теоретическом своде правил.

Кстати, и Олеарий, отвлекаясь от традиционного для иностранных заметок описания забитого положения женщины, пишет вскользь о семейных ссорах москвитов: «Если [между мужем и женою] у них часто возникают недовольство и драки, то причиною являются иногда непристойные и бранные слова, с которыми жена обращается к мужу: ведь они очень скоры на такие слова. Иногда же причиною является то, что жены напиваются чаще мужей или же навлекают на себя подозрительность мужа чрезмерною любезностью к чужим мужьям и парням. Очень часто все эти три причины встречаются у русских женщин одновременно»⁷⁸. Как мало увязывается это описание с тем, что он же пишет о строгости содержания женщин. Зато хорошо увязывается с недовольством автора «Домостроя».

Конечно, жен скрывали от чужих людей, особенно иностранцев: на всякий случай, от сглазу, кто-то от стеснительности. В тот период в России не существовало общих балов и торжеств, танцы осуждались и запрещались, но это было единым для всех, в том числе и для женщин. В разрешенных же развлечениях, например гуляньях, катаниях с горки, качелях, участвовали все, и иностранцы это описывают. Так же как и в купаниях в бане, которые так интересовали приезжих.

Вот кого действительно стремились держать в строгости, так это дочерей. Их целомудрие и хорошее воспитание были залогом успешного брака, что имело большое значение для всей семьи. Конечно, терем, полная замкнутость, особый девичий мир были привилегией только очень знатных и состоятельных дюдей. Например, когда речь шла о

царских дочерях или сестрах. В целом участь их была достаточно незавидной: женихов им подбирали особенно тщательно, царского рода, предпочтительно православной веры, а таких в Европе были единицы. Нередко свои дни они заканчивали в монастыре, попадая из терема в монашескую келью.

Известно, например, как тщательно воспитывалась дочь Бориса Годунова Ксения. Она получила прекрасное воспитание, неплохое образование, была красива, умна, известна хорошими манерами и обращением. Современник пишет: «Прежде, в твердыне высота царства, при родителях ее и солнце видело ее в тереме лишь иногда в щель, ибо, согласно Писанию, “слава царевой дочери сокрыта”»⁷⁹. Судьба оказалась к ней сурова: отец дважды неудачно пытался выдать ее замуж — за шведского принца и за датского герцога. Последний скорострительно скончался сразу после прибытия в Москву к невесте. После смерти отца, гибели матери и брата Ксения осталась одна на милость победителей — сначала Лжедмитрия I, который сделал ее своей наложницей, а потом отправил в монастырь, затем Лжедмитрия II и польских войск. Но это уже конкретная участь, девическое же воспитание Ксении характерно для женщины ее круга. Именно оно вполне соответствует тем описаниям, которые давали иностранцы. С той только разницей, что это было не признаком угнетения, а особого почетного положения.

Незавидная участь незамужних девушек на Руси уже описывалась выше. Чаще всего они оставались незаметными и незамечаемыми членами семьи, доживали свои дни, не привлекая внимания. Запирать в терема их не было смысла, они и так были исключены из нормальной жизни.

Наконец, основная масса населения, сельские жители, не могла себе позволить затворничества. Совместный труд, общие праздники, вся жизнь в деревне были на виду и протекали сообща. Девушек и здесь старались беречь, девичий грех становился позором для всей семьи. Хорошие родители держали дочерей в строгости, следили, где и с кем ходит, однако о том, чтобы запереть, спрятать от людских глаз, как это описывают иностранцы, а вслед за ними русские исследователи, речи идти не могло. Следовательно, в целом замкнутый, «теремной» образ жизни мог относиться исключительно к узкому кругу сестер и дочерей царя, богатых и знатных людей, главным образом горожан.

В народном сознании сохранилось романтическое отношение к терему как к месту, где живет прекрасная красная девица. В сказках в теремах обитают принцессы и королевны. В известной песне поется: «Живет моя отрада / В высоком терему, / А в терем

тот высокий / Нет входа никому». Правда, там же отмечается: «Ничто не загородит / Дорогу молодцу!» И из терема можно было убежать...

Еще один довод в пользу вывода о варварском отношении к женщине в XVI–XVII вв. — многократно описанные пиры, когда мужчины веселились отдельно, а женщины угощались в своих комнатах. Вот как описывает это офицер польской армии С. Маскевич: «Случалось мне бывать на свадьбах Московских, у многих людей знатных. Обычай там такие: в одной комнате сидят мужчины, в другой, особой, женщины. Тут угощают их множеством яств, приготовленных в виде похлебки, подавая их в блюдах, с обеих сторон выбеленных и поставленных на сковороды, для удобнейшего подогревания на углях. Кушанья ставят на стол не все вместе, а сперва едят одно, потом другое, третье, до последнего; между тем принесенные блюда держат в руках. Никакой музыки на вечеринках не бывает; над танцами нашими смеются, считая неприличным плясать честному человеку. Зато есть у них так называемые *шуты*, которые тешат их Русскими плясками, кривляясь как скоморохи на канате, и песнями, большею частью весьма бесстыдными»⁸⁰. О отдельных празднествах писали многие путешественники, подтверждали это и некоторые русские (хотя на сохранившихся изображениях свадеб мужчины и женщины сидят за одним столом, но на разных концах).

С традицией отдельных пиров связан и существовавший в России обычай чествования гостей хозяйкой дома. В определенный момент хозяйка, а часто жены сыновей и замужние дочери, выходила к гостям и с поклоном потчевала их вином, они, в свою очередь, кланялись ей, выпивали вино и целовали хозяйку. Обычай этот нравился иностранцам. Вот что пишет Олеарий о приеме, оказанном ему графом Львом Александровичем Шляховским в 1643 г., во время последнего посещения Москвы: «После великолепного угощения он отозвал меня от стола в сторону от других гостей, повел в другую комнату и сказал: “Величайшие честь и благодеяние, которые кому-либо могут быть оказаны в России, заключаются в том, чтобы хозяйка дома вышла почтить и хозяина и гостя...” Поэтому к нам вышла его жена, очень красивая лицом, и к тому же нарумяненная, в прежнем своем брачном наряде <...> и в сопровождении прислужницы, несшей бутылку водки и чарку. При входе она сначала склонила голову перед мужем своим, а затем передо мной, велела налить чарку, пригубила ее и затем поднесла ее мне, и так до трех раз. После этого граф пожелал, чтобы я поцеловал ее. Не будучи привычен к подобной чести, я поцеловал ей только руку. Он, однако, захотел, чтобы я поцеловал ее и в уста. Поэтому я, в уважение к более высокой персоне, должен был принять эту согласную с их обычаями честь»⁸¹.

Обычай этот, безусловно, древний, связан, видимо, с особым значением, которое имела хозяйка в доме. Именно ее приветствие было ключевым в приеме гостей: гости должны были почтить домоправительницу, она же оказать им свою милость. А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» с добродушной насмешкой вспомнил об этом обряде, который был приятен, видимо, не только иностранцам: «Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднос, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпил свою, жалея, что поцелуй, получаемый в старину при таком случае, вышел уж из обыкновения».

Возвращаясь к традиции отдельных пиров, хотелось бы подчеркнуть, что ни о чем особенном, кроме исторически сложившейся манеры поведения, она не говорит. Да и сложилась традиция эта, вероятно, не случайно. Дошедшие до нас описания таких встреч (правда, тоже в основном в передаче иностранцев) говорят о том, что на них неумеренно ели, много пили и, судя по всему, крепко выражались. Можно, конечно, посетовать на некультурность нравов и пьянство, но такова была реальность времени, и, кстати говоря, не только в России. В этой ситуации отсутствие женщин на таких сходках было мерой, направленной на то, чтобы уберечь их от неприятных впечатлений. Да и что им делать среди пьяных мужиков! Кстати говоря, любовь к мальчишкам и девичникам, т. е. к отдельным дружественным встречам, сохранилась в русской культуре и отнюдь не свидетельствовала об униженном положении женщины, скорее наоборот. Да и сегодня, собираясь для просмотра футбола или после долгой разлуки, мужчины предпочитают встречаться без женщин, чтобы свободно поговорить, выпить (необязательно «напиться»), пообщаться. У женщин свои встречи и темы, с женским коллективом можно посидеть и обсудить тех же самых мужей и домашнее хозяйство (как мечтал когда-то автор «Домостроя»).

Безусловно, положение русской женщины в полной мере соответствовало времени и месту. Идеалы, выраженные в трепетном отношении к браку, уважении к главе семьи и подчинении ему, почитании родителей, накладывали ограничения на уровень свободы женщины (и мужчины тоже). Но дело было не просто в каких-то запретах и строгостях. Смирение и подчинение главе семьи уживались бок о бок с определенной долей свободы и независимости. Время накладывало свой отпечаток: телесное наказание, власть мужа — все это было естественно для описываемой эпохи. Другое дело, что в случае с Россией тирания и деспотизм мужа по отношению к жене нагнетались и преувеличивались, хотя они ни в коей мере не выходили за рамки принятого в Европе.

Сравним, например, положение замужней женщины в Англии XIX в., которое ярко иллюстрируется художественной литературой, например, произведениями У. Коллинза, Э. Бронте (сестрой известной писательницы) и др. Они показывают полное, до отчаяния, бесправие жены. Она, конечно, может посещать светские балы, танцевать и веселиться, даже жаловаться и просить о помощи, но не имеет никакой возможности вырваться из-под власти мужа, пока он жив (именно его спасительной смертью и заканчиваются часто вышеозначенные произведения, иного выхода нет). И ведь речь идет о XIX в., более того, об Англии, свободной стране, извечном российском идеале. Но там как-то этот вопрос затушевывается, замалчивается, а у нас сразу становится свидетельством национального варварства и деспотизма.

По сравнению со многими европейскими странами русская женщина в семейной жизни была достаточно свободна. Тому были и внешние, формальные свидетельства: так, например, в Англии жена брала не только фамилию, но и имя мужа (становилась миссис Джон Коллинз), т. е. полностью растворялась в нем. В Европе супруги всегда имели общую визитную карточку, в России же у каждого была своя (у женщины указывалась и девичья фамилия, «урожденная такая-то»), во время визитов они передавали обе⁸².

Двойственный характер положения женщины в России нашел косвенное отражение в самых разных источниках и сохранялся в разные исторические эпохи. Народные пословицы и поговорки свидетельствуют скорее о чрезмерной женской активности и о мужской снисходительности к ней: «С бабой семь пятниц на неделе»; «у бабы семьдесят две увертки в день, с бабой не сговоришь»; «бабу не переговоришь»; «за бабой покидай последнее словцо»; «собака умнее бабы: на хозяина не лает»; «куда черт не поспеет, туда бабу пошлет»; «лучше раздражить собаку, нежели бабу»; «волос долог, а язык длинней»; «волос долог, да ум короток»; «волос долго, а язык длинный»; «курица не птица, а баба не человек»; «курице не быть петухом, а бабе мужиком». И даже звучат сочувствующие интонации: «Лучше раз в год родить, чем день-деньской бороду брить».

Косвенно говорят о большой власти жены в доме и древнерусские источники. Например, Владимир Мономах в духовном завещании детям призывает их: «Жену свою любите, но не давайте ей над собою власти». Значи, была угроза оказаться «под каблуком» жены. Еще более категоричен другой автор того же времени, Даниил Заточник. «Ни муж в мужах, если над ним жена властвует», — говорит он. И добавляет, видимо, для большей убедительности: «Нет на земле ничего лютее женской злобы».

Русские мемуары рисуют чудесные женские образы, кроткие, нежные и сильные одновременно. За свой дом, за семью, за счастье они готовы бороться. Даже приученная к

покорности и очень юная Лабзина не боится выгнать собутыльника своего мужа, хотя он является его начальником и вообще лицо в обществе заметное. Бывали и такие пары, как дядя А. П. Керн по материнской линии и его жена: «Николай Иванович Вульф женился на Прасковье Александровне Вындомской. Это была замечательная пара. Муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала Римскую историю...»⁸³ Но это все-таки было скорее исключение, большинство женщин занималось семьей и детьми.

Более того, надо помнить, что одним из главных женских талантов многих русских женщин является умение искренне, полно и до конца раствориться в жизни и интересах мужа. Не оттого ли они пользуются таким огромным спросом среди западных мужей, отвыкших от того, что им смотрят в рот и радуются их немудреным мужским шуткам. Это не просто глупость или пустота, скорее женский ум, умение прощать ошибки и принимать человека таким, какой он есть, не замечать промахов, а видеть в любимом что-то очень важное и значительное (даже если этого ничего и нет).

А. П. Чехов высмеял этот тип русской женщины в знаменитом рассказе «Душечка». Его героиня всегда кого-то любит и всегда растворяется в любимом без остатка, живя только его интересами. Образ получился, скорее печальный, ее возлюбленные умирают или уходят, но вполне симпатичный, несмотря на откровенную иронию автора. Вот какой предстает она перед читателями в начале рассказа: «Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нее на глазах. В конце концов несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Он был мал ростом, тощ, с желтым лицом, с зачесанными височками, говорил жидким тенорком, и когда говорил, то кривил рот; и на лице у него всегда было написано отчаяние, но все же он возбудил в ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тетю, которая иногда, раз в два года, приезжала из Брянска; а еще раньше, когда училась в прогимназии, любила своего учителя французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на ее полные розовые щеки, на мягкую белую шею с темной родинкой, на добрую наивную улыбку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины думали: “Да, ничего себе...” и тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

— Душечка!»

Русские мужчины пока еще не стесняются признаться, что мечтают о встрече со своей «душечкой». А многие, даже самые современные, деловые и модные русские женщины так чем-то на нее похожи.

Многочисленные мемуары и воспоминания, относящиеся преимущественно к XIX в., дают замечательные образчики преданных жен, заботливых матерей и сильных женщин. Такова и Е. П. Янькова (1768–1861), чьи воспоминания были записаны ее внуком Д. Д. Благово и названы «Рассказы бабушки». Елизавета Петровна происходила из знатного рода, урожденная Римская-Корсакова, правнучка историка В. Н. Татищева, она гордилась своим происхождением: «... мы были ведь не Чумичкины какие-нибудь или Доримедонтовы, а Римские-Корсаковы, одного племени с Милославскими, из рода которых была первая супруга царя Алексея Михайловича; матушка была Щербатова, а бабушка Мещерская, не Лаптевым чета». При этом, судя по тону воспоминаний, она была лишена гонора и чванливости, просто с большим уважением и гордостью относилась к своей родословной.

Ее рассказы о жизни своей и окружающих являются прекрасной возможностью заглянуть в повседневность той поры, увидеть быт и нравы ушедших лет. Янькова не была тем, что называют выдающейся личностью, но в ее «обыкновенности» есть величие. Ее судьба типична для своего времени и круга. В ней отразились все особенности традиций русской жизни, в первую очередь касающиеся семейной жизни. Как и любой пожилой человек, она с грустью вспоминает старые времена, осуждает современные нравы (рассказывалось все это внуку, а его и повоспитывать было не грех), однако это ни в коей мере не умаляет значения ее воспоминаний.

Мать героини умерла рано, воспитывалась она отцом и родственниками. Отца любила и уважала всю жизнь. О строгости отношений в семье вспоминала с удовольствием: «Мы наших родителей боялись, любили и почитали. Теперь дети отца и матери не боятся, а больше ли от этого любят их — не знаю. В наше время никогда никому и в мысль не приходило, чтобы можно было ослушаться отца или мать и беспрекословно не исполнить, что приказано. Как это возможно?.. Да, такого панибратства, как теперь, не было; и, право, лучше было, больше чтить старших, было больше порядку в семействах и благочестия». О подобных переменах скорбел еще и автор «Домостроя». А рассказ Яньковой о том, как разговаривали с родителями («мы не смели сказать: за что вы на меня сердитесь, а говорили: за что вы изволите гневаться»), просто кажется выдержкой из «Юности честное зерцало».

Любопытной была история сватовства ее мужа. Три раза отец отказывал под предлогом молодости невесты. На самом деле ему не нравилась сестра жениха, бывшая

хозяйкой в его доме, он боялся, что она подомнет под себя молодую невестку. Как плохо он представлял себе силу характера своей дочери! Но жених был настойчив и приехал в четвертый. Тут уж отцовское сердце не выдержало. Тем более что и дочь его была явно не против выйти замуж за красивого поклонника, ей к этому моменту уже исполнилось 25 лет. Отец увидел в этой настойчивости перст судьбы. Вот как описывала Янькова сватовство: «Вошла я в гостиную; батюшка сидит на диване превеселый, рядом с ним Дмитрий Александрович, весь раскраснелся и глаза заплаканы...

— Ведь вот какой упрямец, четвертый раз сватается и добился-таки своего! Ну, Елизавета, верно, было тебе написано на роду, что тебе быть за Яньковым...»

Отцовские пожелания и наставления были вполне в духе народной традиции: «Вот, друг мой, — сказал он, — отдаю тебе руку моей дочери, люби ее, жалуй, береги и в обиду не давай; ее счастье от тебя теперь зависит». А мне батюшка примолвил: «А тебе, Елизавета, скажу одно: чти, уважай и люби мужа и будь ему покорна; помни, что он глава в доме, а не ты, и во всем его слушайся». Судя по всему, о послушании было неплохо лишний раз и напомнить. Характер невесты был вполне твердый и решительный.

Семья Яньковых была похожа на многие другие со своими радостями и горестями. Рождались дети, некоторые потом умирали: из одного сына и шести дочерей до взрослого возраста дожили только три дочери, одна из которых так и не вышла замуж и умерла еще при жизни матери. Единственный сын старшей дочери Аграфены, одной растившей его по причине раннего вдовства, Дмитрий Благово (1827–1897), и стал автором, записавшим бабушкины рассказы. Он был личностью незаурядной, знаком со многими выдающимися деятелями культуры своего времени. Выпускник Московского университета, юрист, он в зрелые годы постригся в монахи и умер в Риме, где был настоятелем русской посольской церкви.

Семейную жизнь Яньковых можно назвать счастливой. Они жили то в Москве, то в любимом ими подмосковном имении Горки, растили детей, сообща решали все основные вопросы. Судя по запискам, муж был мягче жены, у нее проглядывает сильный характер. Характерный пример, описанный самой Яньковой: однажды, зайдя в комнату мужа, она увидела, что при виде ее он прикрыл письмо бумагой. «Меня это очень удивило, думаю, вот еще какая диковинка: “Муж от меня секретничает”. Вопрос сразу и разрешился — муж продал одно из имений и хотел сделать ей сюрприз, уладить долги, а остаток положить на ее имя. Очевидно, что мужу не слишком позволялось вольничать. Однако они прекрасно приспособились друг к другу, в семье царил мир и согласие.

Яньков умер довольно рано, в 1816 г. Вместе они прожили 23 года, ей суждено было прожить одной еще почти 50 лет. О смерти мужа Елизавета Петровна рассказывала

мало, говорила, что «про это время трудно и тяжело вспоминать». Но оставшись одна с юными дочерьми на руках, она вполне решительно занялась хозяйством. Поначалу было трудно. «В важных делах Дмитрий Александрович всегда со мною советовался, — рассказывала бабушка, — и мы с ним сообща решали, но я никогда не входила во все подробности хозяйства, <...> а теперь мне приходилось самой все решать»⁸⁴. И она справлялась: выдавала замуж дочерей, растила внуков (особенно Дмитрия, так как старшая дочь-вдова большую часть времени жила с матерью), управляла имениями, занималась садом в Горках, отстроила церковь. Жизнь прожила долгую, а после смерти, благодаря стараниям внука, оказалась автором ценнейшего источника по бытописанию эпохи.

Русская литература, чутко откликавшаяся на интересы своего времени, в отличие от публицистики, увлекавшейся политикой требованиями, может быть, невольно изображала культурные особенности и традиции русского мира. Она со всей полнотой отразила неоднозначность положения женщины — покорность воле мужчины, с одной стороны, причем добровольную, силу и деятельное начало, с другой. Очень часто в произведениях лучших авторов противопоставлены женщина с идеальными качествами и слабый, безвольный мужчина. Известный британский литературовед Рональд Хингли как-то иронично заметил, что русская литература наводит на мысли о жизненном цикле пауков⁸⁵ (напомним, что в паучьем мире большая и агрессивная самка съедает маленького самца сразу после того, как он выполняет функции, необходимые для продолжения рода).

Татьяна Ларина, в отличие от своего избранника, твердо знает, что она хочет и чего не хочет, кого она любит, а кому хранит верность. Онегин в общем-то пытается подтолкнуть ее на путь измены мужу, но ее отказ ему окончателен и бесповоротен: «Я другому отдана и буду век ему верна». Схожим образом поступает и Маша из пушкинского «Дубровского». Практически насильно выданная замуж не просто за нелюбимого, а за крайне несимпатичного ей человека, она, тем не менее, говорит возлюбленному, что он опоздал: спасение пришло после обряда венчания, она уже дала клятву верности. Лиза из «Дворянского гнезда», юная, кроткая, решительно отказывается от перспективы жизни во грехе и не достается никому: не имея возможности законно соединиться с любимым, уходит в монастырь. Соня Мармеладова, воплощенное смирение, такая робкая и беспомощная, сначала кормит семью единственным возможным для нее способом, который хотя и страшнее смерти, но дает возможность выжить ее близким. Потом она же спасает Раскольникову, давая ему силы для обновления и возрождения. Крестьянки в произведениях Некрасова знакомы с покорностью мужу, но

именно эта самая крестьянская женщина «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

В самой консервативной среде — купеческой — схожая картина. В знаменитой пьесе А. Н. Островского «Гроза», как и в других произведениях автора, в центре повествования сильные, волевые женщины: Кабаниха, Катерина, Варвара. Очень разные, они обладают твердым характером (видимо, потому и не ладят между собой), волей и всегда поступают сообразно своим желаниям. Катерина, как и многие другие героини русской литературы, не может жить с грехом измены на душе и находит в себе силы уйти из жизни.

Мужчины же рядом слабые, вялые. Самый грозный, Дикой, больше шумит, да и то, когда выпьет (неслучайно служанка Глаша уверенно говорит, что Кабаниха, будь она его женой, с ним быстро бы справилась). Кудряш всю силу и удаль пустил на беготню за девками. Два «соперника» — Тихон и Борис — один другого краше: и того, и другого Катерина просит взять с собой (и ведь поехала бы!), но оба отказывают. Одному хочется свободы и кабака, другому — покоя и дядюшкиных денег. Интересно, что именно мужские персонажи пьесы вызывают жалость и сочувствие: жаль слабого и одинокого Тихона, ясно, что сопьется в ближайшее время, жаль и Бориса, так и будет он до седых волос плясать под чужую дудку.

Яркие, сильные женские образы даны в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Так, Аксинья и побои мужа без звука стерпит (знает, что за дело), и за Григорием побежит на край света, покорно снося любые его прихоти. Но силы и смелости ей не занимать. И отцу Григория, который пытается отвадить ее от сына, спуску не дает:

— Ты что ж это?.. А? Не остыл мужьин след, а ты уж хвост набок! Гришке я кровь спущу за это самое, а Степану твоему пропишу!.. Пушай знает!.. Ишь ты, курва, мало тебя били... Чтоб с нонешнего дня и ноги твоей на моем базу не ступало. Шашлы заводить с парнем, а Степан придет да мне же...

Аксинья, сузив глаза, слушала. И вдруг бесстыдно мотнула подолом, обдала Пантелея Прокофьевича запахом бабьих юбок и грудью пошла на него, кривляясь и скаля зубы.

— Ты что мне, свекор? А? Свекор?.. Ты что меня учишь! Иди свою толстозадую учи! На своем базу распорядься!.. Я тебя, дьявола хромого, кульпятого, в упор не вижу!.. Иди отсель, не спужаешь!

— Погоди, дура!

— Нечего годить, тебе не родить!.. Ступай, откель пришел! А Гришку твоего, захочу — с костями съем и ответа держать не буду!.. Вот на! Выкуси! Ну, люб мне

Гришка. Ну? Вдаришь, что ль?.. Мужу пропишешь?.. Пиши хучь наказному атаману, а Гришка мой! Мой! Мой! Владаю им и буду владать!..

Аксинья напирала на оробевшего Пантелея Прокофьевича грудью (билась она под узкой кофточкой, как стрепет в силке), жгла его полымем черных глаз, сыпала слова — одно другого страшней и бесстыжей. Пантелей Прокофьевич, подрагивая бровями, отступал к выходу, нащупал поставленный в углу костыль и, махая рукой, задом отворил дверь. Аксинья вытесняла его из сенцев, задыхаясь, выкрикивала, бесновалась:

— За всю жизнь за горькую отлюблю!.. А там хучь убейте! Мой Гришка! Мой!

Подчиненность всех интересов семейным делам, преданность мужу и детям в сочетании с сильным и цельным характером нередко оборачивались тиранией и всевластием жены (по крайней мере, в домашних вопросах). Причем чаще всего такая ситуация устраивала всех. Грибоедов иронизировал: «Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей — / Высокий идеал московских всех мужей».

Просто и гениально обрисовал А. С. Пушкин типичную русскую семью капитана Миронова, коменданта крепости из «Капитанской дочки»: «Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком».

А когда пришла беда в лице Пугачева, просто и без тени сомнения жена отказалась бежать: «Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать». И она действительно разделила участь своего мужа. Увидев его на виселице, не побоялась бросить в лицо самому Пугачеву: «“Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!” — “Унять старую ведьму!” — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблею по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним». Удивительно лаконично и ясно рисует Пушкин судьбу простой русской семьи, такую необычную, все-таки не каждый день Пугачев нападает на крепость, и вместе с тем такую же, как многие другие: решительная жена-командирша в мирное время и преданная до последнего вздоха в минуты испытаний.

Не мог обойти тему женской власти и Л. Н. Толстой. Под влиянием жены оказался в конце романа Пьер. Наташа, посвятившая себя всю без остатка любимому мужу и семье, оказалась женой и жертвенной, и требовательной одновременно: «Подвластность Пьера заключалась в том, что он не смел не только ухаживать, но не смел с улыбкой говорить с

другой женщиной, не смел ездить в клубы на обеды *так*, для того чтобы провести время, не смел расходовать деньги для прихоти, не смел уезжать на долгие сроки, исключая как по делам, в число которых жена включала и его занятия науками, в которых она ничего не понимала, но которым она приписывала большую важность. Взамен этого Пьер имел полное право у себя в доме располагать не только самим собой, как он хотел, но и всей семьей. Наташа у себя в доме ставила себя на ногу рабы мужа; и весь дом ходил на цыпочках, когда Пьер занимался — читал или писал в своем кабинете. Стоило Пьеру показать какое-нибудь пристрастие, чтобы то, что он любил, постоянно исполнялось. Стоило ему выразить желание, чтобы Наташа вскакивала и бежала исполнять его. Весь дом руководился только мнимыми повелениями мужа, то есть пожеланиями Пьера, которые Наташа старалась угадывать».

К XVIII в. активность русских женщин заметили и иностранцы. Знаменитый итальянский авантюрист и любовник Дж. Казанова отмечал в мемуарах: «Кажется, что Россия есть страна, где полы перепутались; женщины управляют, женщины председательствуют в ученых обществах, женщины участвуют в администрации и в дипломатии. Не достаёт лишь одного этой стране, одной лишь привилегии этим красавицам: быть во главе войска»⁸⁶. А французский дипломат Ш. Массон писал о стремлении русских женщин к превосходству, к желанию «во всем и всегда играть первую роль, быть активной партией, даже в делах любви»⁸⁷. Галантным итальянцам и французам претила женская активность так же как когда-то деловых немцев и англичан раздражала женская пассивность.

Одного только не поняли ни те, ни другие, что активность и пассивность — две грани одного и того же явления. Женская сила и деятельный образ жизни не должны рассматриваться сами по себе, они были неотделимы от семейного начала и от мужчины. Как и в сказках, в которых героиня оказывалась способной творить чудеса будучи *замужем*, так и в жизни женская сила чаще находилась в прямой зависимости от наличия мужа и семьи. Сильные женщины и слабые мужчины русской литературы были необходимы, чтобы показать тенденцию, особенности русской культуры, оттенить друг друга. В жизни же все, безусловно, оказывалось более взвешенным и, в каком-то смысле, гармоничным. Культурную тенденцию не стоит приравнивать к повседневной жизни.

Исторически в России сложился культ женщины. Но речь не идет о поклонении, обожании и воспевании женской красоты и любви к женщине, как это было в Европе с ее трубадурами, менестрелями и рыцарями. Там имело место открытое, а в некоторые периоды и обязательное для приличного человека из высшего общества преклонение

перед дамой сердца, носившее эротический характер. В России же на первом плане материнское начало: мать-сыра-земля, Родина-мать, Киев — мать городов русских (хотя, казалось бы, он мужского рода), даже Одесса-мама. В религиозном плане главный культ — культ Богородицы, именно она считается защитницей и покровительницей русской земли.

Причем это не просто уважение и почитание матери, как в восточных культурах, материнство здесь понимается более отвлеченно, в высоком смысле, как первооснова всего сущего, начало рода человеческого. Что-то очень древнее проглядывает через почитание материнства, освященное последующими эпохами: и христианством, и даже социализмом (неслучайно на самом знаменитом плакате времен Великой отечественной войны изображена немолодая женщина со строгим лицом и написано: «Родина-мать зовёт!»). Даже в супружеской жизни материнская основа превалировала, жена была прежде всего матерью.

Безусловно, долгое время женщина была почти исключена из государственной и общественной жизни страны. Но она всегда играла огромную роль в жизни мужа, была своеобразной опорой для него и его деятельности, участвовала в воспитании детей, а следовательно, опосредованно в жизни общества и государства. Как правило, исследователи обращают внимание на XIX в.: мемуары известных людей того времени прямо указывают на то огромное духовное, культурное и образовательное влияние, которое оказали матери на своих детей. По выражению известного исследователя Ю. М. Лотмана, именно «читающая мать», появление которой он относит к концу XVIII — началу XIX вв., вводила в круг чтения детей: «Женский мир был неотделим от детского, и женщина-читательница породила ребенка-читателя»⁸⁸.

Более того, в XIX в. сложилось удивительное явление — русская семья, не менее замечательное, хотя и менее известное, чем литература и культура той эпохи. Со своими традициями, укладом, особым миром. Огромное значение придавалось в ней образованию детей, еще большее — гражданскому воспитанию. Здесь были и серьезные беседы, и шуточные спектакли-постановки, и сочинение стихов, и чтения вслух. Последнее как явление широко распространенное сохранялось в семейной традиции русских вплоть до середины XX в.: с большой теплотой вспоминают пожилые врачи и учителя, как их отец-рабочий или отец-крестьянин читал им вслух любимого Гоголя или Пушкина. Этот удивительно глубокий духовный семейный мир, сформированный прежде всего матерями, породил богатую и знаменитую русскую культуру XIX в.

Однако было бы неверно относить материнское влияние только к позднему периоду, оно всегда было важно. Согласно традиции, полностью на попечении матери

находились дочери. Но и сыновья находились под ее неусыпным вниманием и заботой. К тому же в силу различных обстоятельств, в том числе из-за частых войн, мужчины женились нередко уже в годах и умирали раньше, да и вообще женский организм от природы более вынослив, женщины часто вдовели, тогда дети оказывались на их попечении. Мать-вдова — образ, часто встречающийся в сказаниях, былинах, исторических биографиях.

Вот новгородские былины о Василии Буслаеве. Прославился он удачью богатырской, много пил, много дрался, собрал свою дружину и решил сразиться со всеми новгородцами сразу, чтобы выяснить, кто кого побьет. Завязалась драка, много людей погибло, еще больше покалечилось. Никак не могут новгородцы справиться с Василием. И тогда решились они на последнее средство. Отправили стариков к матери Василия с просьбой: «Матера-вдова Амелфа Тимофеева! Прими у нас дороги подарочки, уйми свое чадо милоя, Василья Буславича!» В некоторых вариантах она смогла унять сына словом, в других — хитростью, но всегда он ее слушался. В былине же рассказывается, как в детстве она учила сына разным наукам и вообще уму-разуму.

В другой былине Василий отправляется со своей дружиной в далекое плавание и просит материнского благословения: «Ко своей сударыне-матушке, Матерои-вдове Амелфе Тимофеевне, как выюн, около ея убиваетца, просит благословение великое». Она дает, но ставит условие: «Гои еси ты, мое чадо милая, молоды Василеи Буслаевичь! То коли ты пойдешь на добрыя дела, тебе дам бласловение великое, то коли ты, дитя, на розбои пойдешь, и не дам бласловение великова, ай не носи Василья, сыра земля!»

Интересно, что в другой былине об Иване Гостином сыне мать продает свое единственное любимое чадо купцам. Сюжет странный, особенно в свете обозначенного выше культа материнского начала в русском мире. Но на самом деле вполне закономерный — любовь материнская строгая и требовательная. Мать несет ответственность за проступки сына, и лучше смерть, чем позор. Иван не послушался матери-вдовы, пошел в кабак, пил «зелено вино», знался с «голями кабацкими» и связался «со женками со курвами». Отыскала «честна вдова» в кабаке «в непотребном виде свое чадо милое, дитя любимое», взяла «за желты кудри да за белы руки», отвела к купцам, уходившим в плаванье, и продала за 500 рублей.

Совершенно иная эпоха. 1960 г. Ожидание завершения строительства коммунизма. Страну после войны подняли из руин, разоблачили культ личности, появилось ощущение, что вот теперь-то и начнется настоящая жизнь. На экраны выходит фильм «Шумный день». Большая и дружная семья живет под одной крышей, ссорится, мирится, приходят и уходят люди, словом, идет обычная жизнь. Глава семьи — мать (прекрасная актриса

В. А. Сперантова, правда, по возрасту скорее похожа на бабушку, но это, видимо, для большей солидности). Она вдова, вырастила трех сыновей и дочь. За кадром остаются трудности и беды, в семье царит достаток и благополучие. Все получилось: старший сын — ученый, младший — учится в школе, сочиняет стихи (самый симпатичный персонаж, его играет совсем юный О. П. Табаков), дочь — студентка.

Мать всю себя без остатка посвятила детям: «О чем я думаю, когда варю обед, мою пол, стираю белье, пришиваю пуговицы? Я думаю о вас. Чтобы вы стали тем, кем я хотела бы стать сама». И она действительно все время что-то готовит, накрывает, убирает. И вот в этой семейной идиллии назревает конфликт: жена старшего сына вносит в семью разлад и смуту. В чем ее вина? В стремлении к материальному благополучию, вещизму, «тихому уюту», как с презрением называют это другие члены семьи. Она хочет увести мужа из-под влияния матери, от ее осуждающих глаз (талант и хороший дорогой письменный стол, согласно морали тех лет, — вещи несовместные).

Далее следует разговор матери и сына. Оказывается, когда-то в юности, оставшись без мужского надзора, сын уже сходил с пути истинного, начал гулять и пьянствовать. Положение было отчаянное, и тогда, признается мать, она захотела лучше видеть его умершим, чем продолжающим безнравственный образ жизни. Тогда она смогла его спасти. Но теперь мещанство затягивает его, и мать вновь не словами, а молчанием подтверждает свою позицию — лучше смерть любимого сына, чем позор и духовное разложение среди дорогой заграничной мебели. Сюжет получается вполне в духе Ивана Гостиного сына и Василия Буслаева.

Сильные жертвенные матери встречаются во многих воспоминаниях и мемуарах. Союз решительной яркой образованной женщины и мягкого доброго недалекого мужчины составляет основу повести С. Т. Аксакова («Детские годы Багрова-внука») о своем детстве и предыстории появления на свет. Отец — столбовой дворянин, предки которого гордились древностью рода, не бедный, но выросший в деревне, по привычкам и манерам человек простой, без особого образования и стремлений (кстати, очень симпатичный образ). Мать — красивая горожанка, совершенно без средств, но с положением в обществе, острого ума, самостоятельная, прекрасно образованная и чувствительная. Он влюбился в нее без памяти и настоял на браке, которому противились многие. Понять друг друга, судя по всему, родители так и не смогли. Отец остался приверженцем простой деревенской жизни, интересовался исключительно рыбалкой (страсть к которой передал своему знаменитому сыну, составившему увесистый труд «Записки об ужении рыбы»), охотой и сельским хозяйством, не любил экзальтации и истерик. Мать же отдала

страстную любовь, весь огонь чувствительной души, томившейся в деревне, среди необразованных и темных людей, своим детям, прежде всего первенцу Сереже.

Дед рассказчика, личность яркая и запоминающаяся, был против брака сына именно из-за сильного характера невесты. Первоначально он своего благословения не дал: «Взять жену умнее себя — беда: будет командирша над мужем; а притом, ты так ее любишь, что на первых порах непременно избалуешь. Ну, так вот тебе мое отцовское приказание: выкинь эту любовь из головы». Но уступив мольбам сына, принял невестку всей душой. Единственное, в самом начале высказал ей простую житейскую мудрость, в которой изложил основы понимания брака по-русски: «Послушай, милая моя невестушка, — сказал он, подумавши, без гнева, но с важностью, — ты такая умница, что я скажу тебе правду без обиняков. Я не люблю ничего держать на душе. Послушаешь — ладно, не слушаешь — как хочешь: ты мне не родная дочь. Мне не по нутру, что ты называешь мужа Алексей; у него есть отчество. Ты ему не мать, не отец. Ведь ты и слугу стала бы звать Алексей. Жена должна обходиться с мужем с уважением; тогда и другие станут его уважать. Не понравилось мне тоже, что ты вчера за подарками его посылала и что он стоял с подносом, как лакей. Вот и сейчас ты сказала, что велела ему соснуть. Повелевать жене не приходится, а то будет худо. Может, это у вас так в городе ведется; но по-нашему, по-старинному, по-деревенскому, — все это никуда не годится». Со всей страстностью согласилась с этим молодая жена и, как могла, следовала советам свекра.

Очевидной удачей этого союза были дети. С бесконечной благодарностью и любовью вспоминает старший из них, Сергей, о своей матери. В детстве он долго болел и лишь ее жертвенность помогла ему выкарабкаться (и дала русской литературе яркого автора, а общественной мысли — целую плеяду славянофилов Аксаковых, его детей).

И знакомые, и врачи уговаривали мать отступить, не «мучить ребенка», дать ему спокойно умереть, все признавали, что он «не жилец». «Но с гневом встречала такие речи моя мать, — пишет Аксаков, — и отвечала, что, покуда искра жизни тлеется во мне, она не перестанет делать все, что может, для моего спасенья, — и снова клала меня, бесчувственного, в крепительную ванну, вливала в рот рейнвейну или бульону, целые часы растирала мне грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкие мои своим дыханьем — и я, после глубокого вздоха, начинал дышать сильнее, как будто просыпался к жизни, получал сознание, начинал принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на некоторое время. Так бывало не один раз... Моя мать не давала потухнуть во мне догоравшему светильнику жизни: едва он начинал угасать, она питала его магнетическим изливанием собственной жизни, собственного дыханья». Но не только в экстремальной ситуации проявлялась ее любовь и забота: она строго воспитывала сына,

прививала ему любовь и вкус к чтению, занималась его образованием, отправила учиться в одно из лучших по тому времени учебных заведений, хотя разлука с обожаемым сыном была для нее большой жертвой.

С не меньшим чувством благодарности и уважения вспоминает свою мать К. Г. Левыкин в своих воспоминаниях, относящихся уже к XX в. Сильная, волевая мать несла на своих плечах груз домашнего хозяйства и воспитания детей в крайне непростое время между революцией и войной. Отец, как это было принято, уехал в город, на заработки, работал там (в конце концов и вся семья перебралась к нему). На ее попечении в деревне остались маленький сын и дочь, а также старая, немощная, почти столетняя свекровь, которая в конце концов умерла на ее руках. Автор вспоминает: «Чтобы все мы были сыты, одеты, обуты и были в тепле, Маме каждую весну и осень надо было пахать, сеять хлеб, сажать картошку, потом убирать урожай, заготавливать корм и дрова, ездить на базар, солить, мочить и квасить всякие припасы на зиму, стирать, гладить, шить и еще следить за нашим здоровьем. На все эти занятия и заботы в доме была она одна». Именно мать была хранительницей семьи и дома: «В сложных переплетях жизни семья наша уцелела благодаря нашей Маме, благодаря ее мудрости, твердости и решительности ее характера. Конечно, и Отец наш никогда не оставлял семью в своих заботах. Но Маме принадлежал бесспорный приоритет в сохранении нашего семейного единства, в обеспечении моральных условий наших общих успехов и в преодолении всех невзгод. Она была настоящей русской женщиной — и красивой, и умной, и деловой, и доброй, и строгой»⁸⁹.

Супружество для русской женщины было прежде всего первым шагом к материнству. Даже самые юные и неопытные инстинктивно чувствовали и знали это. Л. Н. Толстой описывает первые дни семейной жизни Левина, счастливого в браке с любимой женой, но не избежавшего разнообразных конфликтов и трудностей, сопровождавших начало семейной жизни. В частности, он осуждал жену за бездействие, легкомыслие, нежелание думать и заниматься чем-то серьезным. Толстой, сам многодетный отец к моменту написания романа, понимал Кити гораздо лучше: «Левин в душе осуждал это и не понимал еще, что она готовилась к тому периоду деятельности, который должен был наступить для нее, когда она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей. Он не подумал, что она чутьем знала это и, готовясь к этому страшному труду, не упрекала себя в минутах беззаботности и счастья любви, которыми она пользовалась теперь, весело свивая свое будущее гнездо».

Видим, не случайно бытописатель русского народа А. В. Терещенко в своем труде пришел к выводу: «Каждый народ имеет свой особый дух и такие качества, которые только ему свойственны. Женский пол отличается во всем свете чувствительностью и нежностью сердца, но при этом он обнаруживает свои наклонности. Немки хорошие хозяйки, голландки постоянные, англичанки верные, испанки пламенные, португалки страстные, швейцарки патриотки, француженки любезные, итальянки ревнивые, польки увлекательные собеседницы, а русские нежные матери»⁹⁰.

С женщиной в русской культуре связано духовное начало. В античной, т. е., в конечном счете, европейской, традиции женщина олицетворяла начало физическое, телесное, плотское. Поэты и художники воспевали женское тело. Католическая церковь всячески подчеркивала греховность женского естества, посланного на землю для испытания мужчины. В России грубое физическое начало относили скорее к мужскому полу, женщина же воплощала духовность и чистоту.

Подтверждение этому находим в разных сферах жизни. Женщины были опорой церкви, часто более тщательно, чем мужчины, следуя ее обрядам и традициям, сохраняя и поддерживая их даже тогда, когда мужчины увлекались новыми веяниями. В народной среде женщины сохраняли культурное наследие — в песнях, частушках, сказаниях, сказках (известно, что мастерами-сказочниками были чаще мужчины, но каждая мать, нянька, бабушка всегда огла рассказать сказку). И неслучайно в XIX в. именно русские женщины столь часто стояли во главе интеллектуальных салонов.

Женские салоны возникли сначала в Италии, потом во Франции, где они получили особое значение в XVII–XVIII вв. В Россию они пришли позже, после войны 1812 г., первоначально копировали французскую модель. Главное отличие французских образцов и русских итогов заключалось в том, что в центре практически всех европейских салонов находились политические и любовные интриги. Во Франции салон чаще всего собирал оппозиционеров режиму. В нем царила незаурядная женщина, знаменитая, как правило, любовными интригами с известными политическими деятелями. Литературные и философские дискуссии в таких салонах прикрывали собой противоправительственные настроения. В России также были подобного рода кружки, но в основном мужские.

Салоны, которые собирала женщина в России, имели гораздо более спокойную и высокодуховную окраску. Женщины здесь были музами, собирательницами и хранительницами талантов. Многие из известных деятелей культуры начинали свой творческий путь в женском салоне. Именно мягкость и задушевность женщины была нужна для того, чтобы преодолеть пылкость А. С. Пушкина (салон Е. А. Карамзиной), трудный характер Н. В. Гоголя (салон Смирновой-Россет), юношеский максимализм

М. Ю. Лермонтова (салон Олениной), болезненную застенчивость Ф. М. Достоевского (салон Панаевой). Эти женщины вполне по-матерински, терпеливо и заботливо пестовали российские таланты. Нужны были удивительная душевность, чуткость и хороший вкус, чтобы справиться со всеми сложностями проявления творческих натур. Каждая из этих женщин — талантливая, одаренная личность, каждая прожила яркую, незаурядную жизнь.

Одним из самых известных салонов первой половины XIX в. был салон Карамзиных — вдовы Екатерины Андреевны и дочери от первого брака Софьи Николаевны известного писателя и историка. «Салон Екатерины Андреевны Карамзиной,— писала в своих воспоминаниях А. Ф. Тютчева, старшая дочь поэта Ф. И. Тютчева,— в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света». И далее: «Трудно объяснить, откуда исходило то обаяние, благодаря которому, как только вы переступали порог салона Карамзиных, вы чувствовали себя свободнее и оживленнее, мысли становились смелей, разговор живей и остроумней. Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали...» Тютчева же дает и характеристику дочери Карамзина, падчерицы Екатерины Андреевны: «... она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У нее в этом отношении был совершенно организаторский гений»⁹¹.

В доме Карамзиных гостей принимали ежевечерне. Здесь царил уютная семейная атмосфера и существовали свои незыблемые правила: говорили только по-русски (что было удивительно в эпоху засилья французского языка в высшем обществе), никогда не играли в карты, разливали чай из самовара. Салон посещали в разные годы все известные литераторы того времени. И. И. Панаев говорил, что для того, чтобы пробиться в литераторы в России, надо получить одобрение Карамзиных. А. С. Пушкин, умирая, просил Е. А. Карамзину благословить его и поцеловал ей руку (так делали только по отношению к матери), она и после смерти оставалась верна памяти поэта. М. Ю. Лермонтов слагал шутливые стихи Софье. С глубоким уважением отзывался о дамах Карамзиных Ф. И. Тютчев. Весь цвет русской литературы первой половины XIX в. прошел через заботливое внимание Карамзиных.

Особенности положения женщины в России сформировали и некоторые важнейшие отличительные черты ее характера. Огромное значение для женского мира в

России имело понятие долга. Долг, который важнее чувства, заставляет Татьяну Ларину отказать Онегину, а Лизу — Лаврецкому, отправляет на панель Соню Мармеладову и под колеса поезда Анну Каренину. Что-то очень важное, высокое, почти религиозное скрывается за понятием «женский долг» в России. И совершаемые женщинами подвиги часто связаны именно этим чувством, а не с каким-нибудь другим.

Иллюстрацией этого положения является очень яркий, очень русский и очень женский подвиг декабристок. Само восстание декабристов 1825 г. в разные исторические периоды оценивалось по-разному: как противоправительственный бунт, как преждевременное выступление, как начало освободительного движения. Нет сомнения, что после того, как оно было подавлено и участники оказались под судом, общество тоже не имело единой точки зрения на это событие. С одной стороны, цвет российской аристократии, многие из них участники войны 1812 г., которая была еще свежа в памяти и вызывала восхищение, с другой — бунт против государя с непонятными и неопределенными целями. Надо полагать, что большинство считало этот поступок просто неразумным.

А вот решение жен декабристов поехать в сибирскую ссылку за мужьями было воспринято однозначно как подвиг. Они мало что знали о целях и задачах политического общества, они просто хотели разделить участь своих мужей, быть с ними не только в богатстве и радости, но в горести и нищете. Это были не только жены аристократов, но в большинстве случаев и дочери аристократов, выросшие в богатстве и роскоши, для которых Сибирь была страшным, холодным, темным пятном, таким далеким от их столичных балов и роскошных поместий. Николай I не зря пытался сделать все возможное, чтобы их остановить, он прекрасно понимал, что бунтовщиков в конце концов осудят и забудут, а женский подвиг всколыхнет русское общество и вызовет ненужное сочувствие и интерес к государственным преступникам.

Из 121 декабриста, признанных виновными, только 23 были женаты, почти к половине из них приехали жены (или невесты). Это не так и много, если бы не громкие имена приехавших и их многочисленные связи в российском высшем обществе: одно дело потерять сына из-за его собственного неразумного поступка, другое — дочь, отправившуюся в неизвестность из-за чужого проступка.

Чаще всего, обращаясь к судьбам декабристок, вспоминают М. Н. Волконскую. Это не случайно. Именно она оставила наиболее полные воспоминания о своей сибирской эпопее, именно о ней (и Е. Трубецкой) написал Н. А. Некрасов знаменитую поэму «Русские женщины», а уже в советское время сняли популярный долгое время фильм

«Звезда пленительного счастья», почти дословно воспроизводящий отрывки из мемуаров Волконской.

Интересна ее судьба и с точки зрения темы женского подвига — она показывает, сколь велико было чувство супружеского долга в русской женщине. Поехать в ссылку за страстно любимым человеком, с которым прожил долгую счастливую жизнь, это понятно всем и всегда вненационально. Но история жизни Марии Волконской несколько иная. Огромную роль в ее жизни играла семья, особенно отец, знаменитый герой войны 1812 г. генерал Н. Н. Раевский. Именно по его настоянию юная Мария вышла замуж за его боевого товарища генерала С. Г. Волконского. Она сама очень сдержанно пишет об этом в воспоминаниях, обращаясь к своим детям: «Я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, вашего отца, достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сквозь подвенечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба»⁹². По другим документам известно, что дочь пыталась отговориться молодостью и незнанием жениха, но отец был тверд, считая Волконского самой лучшей и надежной партией для любимой дочери.

Очевидно, что о чувствах, кроме дочернего послушания, в этом браке речь не шла. Мария и Сергей поженились в январе 1825 г. и большую часть времени жили порознь. Он был занят военной службой и, как оказалось позже, активно участвовал в деятельности политической организации, она болела, жила с матерью и сестрой на море и в родительском имении (по ее собственным словам, после свадьбы вместе они прожили не больше трех месяцев). Крайне сомнительно, что за это время успело родиться большое чувство не только любви, но и простой привязанности, судя по всему, юная жена весьма охотно жила с родителями в привычной ей обстановке. И вот случилось несчастье — восстание, арест, суд. Мария долго не знала о восстании, у нее были трудные роды, тяжелая болезнь и родные берегли ее, как умели. Но как только она узнала о случившемся, решение было принято — следовать за мужем.

Чтобы понять и оценить то, что сделали Волконская и многие другие женщины, надо попытаться представить реальную ситуацию, в которой оказалась молодая, неопытная женщина. С одной стороны был почти незнакомый ей муж, Сибирь и лишения. С другой — знакомый и удобный мир, друзья и знакомые, любимая семья. Раевские были очень дружны, братья и сестры любили друг друга и безмерно уважали своего отца. По воспоминаниям современников, в их семье была та самая удивительная, дружеская, доверительная, веселая обстановка, которая характеризовала лучшие русские семьи того

времени, они были прекрасно образованы и не стеснены в средствах. Наконец, родился сын, которого запрещалось взять с собой в Сибирь.

Как уже отмечалось, правительство делало все, чтобы остановить женщин. В бумаге, которую они подписывали, отмечалось, что они не могут иметь денежных сумм, теряют права на крепостных, а родившиеся дети будут считаться казенными крестьянами (правило, которое, кстати, исполнено не было). Кроме того, в ней содержались и откровенные угрозы: «Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, делается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, то есть будет признаваема не иначе, как женою ссыльнокааторжного, и с тем вместе примет на себя переносить все, что состояние может иметь тягостного, ибо даже и начальство не в состоянии будет защищать ее от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развратного, презрительного класса, которые найдут в том как будто некоторое право считать жену государственного преступника, несущего равную с ним участь, себе подобною; оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания»⁹³. Женщинам были разрешены свидания только два раза в неделю, да и то в присутствии солдата. Стоило ли это их жертвы? Видимо, да.

Более того, Волконская не только не получила поддержки родных, они всеми силами сопротивлялись ее решению. Брат перехватывал письма. Отец, считавший себя виноватым в несчастье дочери, сказал, что проклянет ее, если она через год не вернется. Никто и не подумал снабдить ее деньгами, свекровь выделила лишь незначительную сумму. И все-таки она решается ехать. Ибо все перевешивает одно — ее «место около мужа», как она пишет в одном из писем отцу. Не любовь толкают ее на этот поступок, не страсть, а прежде всего чувство долга, она — жена перед Богом и людьми и должна быть рядом с мужем. Волконская была воспитана в идее верности семье и мужу, этим можно объяснить ее поступок.

Тяжелым был отъезд («с отцом мы расстались молча, он меня благословил и отвернулся, не будучи в силах выговорить ни слова»⁹⁴), еще тяжелей дорога и уж совсем сурова жизнь около острога. Семья так и не простила Волконскую. Отец вскоре умер, и именно ее считали ответственной за его скорую смерть. Он один простил любимую дочь и перед смертью, показав на ее портрет, сказал: «Вот самая замечательная Женщина из всех, которых я когда-либо знал...» Мать и братья так и не общались с ней. Оставшийся на попечении родных сын умер двух лет от роду. Супруги же Волконские дожили до освобождения. Взошедший на престол после смерти отца Александр II помиловал оставшихся в живых декабристов. Интересно, что Волконский с большим уважением

относился к сославшему его Николаю I, после его смерти три дня плакал, и никто не мог его утешить.

Мнения исследователей и вообще тех, кто писал о Волконской, расходятся: одни пишут о ее удивительной любви к мужу (это объясняет как-то ее поступок), другие считают, что они были слишком разные люди, чтобы понимать друг друга и даже ее двух выживших детей приписывают другим отцам. Трудно судить о чувствах людей и чужая семейная жизнь — потемки даже для близких. Тем более трудно сказать об этом что-либо по коротким сдержанным запискам (Волконская была слишком хорошо воспитана, чтобы распространяться об отношениях с мужем) или воспоминаниям современников: кто-то восхищался ею, кто-то недолюбливал, это естественно. Очевидны лишь две вещи. Первое — вряд ли между супругами была любовь до Сибири, ей просто некогда было возникнуть и ничто на это не указывает. Ну а второе — Волконская поехала в Сибирь за мужем, хотя это было очень не просто. Именно долг толкнул ее на этот решительный поступок.

Идеал женщины не менялся на протяжении многих веков. «Домострой» пишет об идеальной жене: «Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая». А главным для нее, как и для мужчины, считает веру, труд и верность семье.

В начале XVIII в. публицист И. Т. Посошков советует сыну, как выбирать жену: «...егда невесту будеши себе избирати, то и красоты преизлишней не ищи, да не введеши женнею красотою иных человеков в соблазн, и да не будеши чужим грехам виновен. А аще же искать будеши красоты духовной, а не телесной, то есть смирения и страха Божия, и по той духовной красоте аще получиши и телесную красоту»⁹⁵. Не просто отдается предпочтение внутренней красоте перед внешней, но и рекомендуется подыскать жену некрасивую. Красоты даже боялись, до греха довести может. Важный принцип — лучше, как в сказках, «плохенький, но свой». Кстати, далее Посошков особо подчеркивает: «А без совета, наипаче без женного, отнюдь ничего не твори...»

Уже не раз упоминавшийся памятник петровской эпохи «Юности честное зеркало», свод правил поведения дворянина новой эпохи, выделял 20 женских добродетелей: охота и любовь к слову и службе Божией; истинное познание Бога; страх Божий; смирение; молитва и призывание Бога; благодарение Богу; исповедание веры; почитание родителей; трудолюбие; благочиние и постоянство («сдерживание злых желаний, похоти и прельщения...»); приветливость; кротость, терпение, обходительность; милосердие; стыдливость; чистота телесная; воздержание и трезвость; целомудрие; бережливость; щедрость, благотворительность; правосердие, верность и правда; молчаливость.

Многие из них повторяют друг друга, по сути их гораздо меньше и сводятся они все к тому же — вере, трудолюбию, целомудрию и молчаливости. Идеалы «новой эпохи» сильно напоминают традиционные. Для наглядности автор рисует и живые картины, как не надо себя вести (как и автор «Домостроя» в свое время): «Непорядочная девица со всяким смеется и разговаривает, бегаёт по причинным местам и улицам, разиня пазуху, садится к молодцам и мужчинам, толкает локтями, а смиренно не сидит. Поёт блудные песни, веселится и напивается пьяна, скачет по столам и скамьям, позволяет себя по всем углам таскать и волочить, яко стерва. Ибо где нет стыда, там и смирение не является»⁹⁶.

В крестьянской среде, согласно материалам Этнографического бюро князя Тенишева, больше всего в невесте ценились способность к работе, ловкость в работе, сила, здоровье, девственность, прилежание, красота, дородность, приданое. Кстати, в женихах, в свою очередь, — трезвость («пьет, но как все»), богатство («родство»), трудолюбие, кроткий нрав. Здесь подход более прагматичный, трудолюбие выходит на первое место, но по другим источникам ясно, что и вера имела большое значение, т. к. поддерживала и сохраняла, в частности, семейные узы. Просто для крестьянина вопрос сохранения веры стоял не так остро, там вольнодумские тенденции не слишком приживались, особенно в женской среде. Что же касается молчаливости, то на это надежды было мало: вспомним поговорки, большая часть их посвящена женской болтливости, к тому же в большинстве мест женщина формально имела право голоса и участия в жизни общины и семьи.

Важные изменения как в положении женщины, так и в развитии женского идеала связаны с петровской эпохой. Во всяком случае на первый взгляд. Хорошо известно, что Петр I стал приучать женщину к тому, что позже получило название светской жизни. Если до этого знатные женщины развлекались главным образом в кругу друзей и близких, в своем или их доме, то теперь они стали привлекаться к общим сборам, получившим название ассамблей. Это событие повлекло за собой много последствий.

Зимой 1699 г. в Москве состоялся пир по случаю отъезда бранденбургского посла. В нем приняли участие и женщины. Секретарь австрийского посольства Иоганн Корб отмечал: «Этот день сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиршества; теперь же некоторым было позволено принять участие не только в пиршестве, но и в последовавших затем танцах»⁹⁷.

Через 20 лет особый указ устанавливал правила поведения на ассамблеях, которые не только становились делом обычным, но и даже обязательным, сам государь строго следил за тем, чтобы его подданные не пытались увильнуть от своих новых обязанностей. Согласно этому указу на ассамблеях «хозяин не обязан ни встречать, ни провожать гостей или по чему-либо для них беспокоиться; но должен иметь на чем их посадить, чем их подчевать и чем осветить комнаты»⁹⁸. Угощение на ассамблеях состояло из чая, кофе, миндального молока, меда и варенья. Мужчинам предлагалось пиво и вино. Пить хозяин не принуждал, а просто извещал гостей о том, что есть. Это, конечно, мало было похоже на принятый в то время в России и обросший ритуалами старинный обряд потчевания гостей, когда хозяин должен был непременно угощать тех, кто пришел к нему.

Далеко не всегда процесс вовлечения женщин в общественную жизнь носил мирный характер. Петр, человек страстный и увлекающийся, требовал обязательного выполнения предписанных им правил и ни для кого не делал исключения. Камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц (1699–1765), состоявший в свите герцога Голштинского, в своем дневнике, относящемся к 1721–1725 гг., привел следующий печальный эпизод: «Добрая маршальша Олсуфьева, родом немка (супруга Василия Дмитриевича Олсуфьева была урожденная Голендер. Ее звали Евою.), женщина очень милая и кроткая, до того приняла все это к сердцу, что сегодня утром преждевременно разрешилась от бремени. Когда ей накануне объявили приказание императора, она тотчас отправилась ко двору и всеподданнейше просила императрицу избавить ее от обязанности ехать в Сенат, но ее величество отвечала, что это не от нее зависит, что на то воля государя, от которой он ни за что не отступит. Маршальша, обливаясь горькими слезами, начала представлять, что она не из каприза оставалась в прошедшее воскресенье дома, что уже более недели не выходит со двора, что беременна в последнем периоде и что ей крайне вредно пить и подвергаться дурным от того последствиям». И все-таки Петр отказал ей, «и бедная маршальша так терзалась во всю ночь, что на другое утро разрешилась мертвым младенцем»⁹⁹.

В целом же молодой человек был петровскими ассамблеями доволен и даже приятно поражен. Он приехал в варварскую страну, а тут его ждал приятный сюрприз: «Я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен»¹⁰⁰.

Запоминающееся, хотя и отделенное от современного ему времени сотней лет описание петровских ассамблей приводит А. С. Пушкин в своем «Арапе Петра Великого»: «В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках

табачного дыму, вельможи с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед при непрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на их робах; из пышных фижм возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимую стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием, присутствовали на сих нововведенных игрищах и с досадою косились на жен и дочерей голландских шкиперов...»

Итак, вольно или невольно женщина вовлекалась в круг светской жизни. Это не могло не повлечь за собой и другие перемены. Например, стремления одеваться лучше и заметней других. Изменять и украшать свою внешность. Наконец, это вызвало к жизни необходимость определенного поведения женщины в общественном месте, т. е. привело к созданию правил хорошего тона.

Одновременно с изменением уклада общественной жизни Петр решительно занялся нововведениями в одежде и внешнем облике россиян. Именно самоличным энергичным и бескомпромиссным бритьем бород и укорачиванием длинных одеяний великий реформатор многим и запомнился, настолько необычным и ярким был этот эпизод в его биографии. Вполне естественно, подобного рода перемены вызвали наибольшее сопротивление.

Одно дело реформы государственного устройства, армии, образования и т. д. Это все, конечно, важно, но далеко от многих. Другое дело — быт, повседневность, тут уже затронуты непосредственные интересы всех и каждого. Борода, например, не только считалась естественным украшением мужчины, но ей придавалось сакральное значение, ее уничтожение воспринималось не только как уродство, но и кощунство. Длинные, вальяжные старинные одежды раздражали энергичного царя. Ему нравилась удобная практичная одежда голландских моряков или немецких дворян. Длинные полы и рукава русских боярских одеяний заведомо не предполагали физической работы. И вот в 1700 г. выходит указ «О ношении всякого чина людям немецкого платья...» (конечно, речь не шла о людях духовного звания и крестьянах, на это даже Петр I не мог замахнуться). Вводилось одеяние по иностранному образцу. «А буде кто с сего Его Величества государя

указу станут носить платье, штаны, и башмаки, и шапки русские <...>, — говорилось в нем, — с тех людей в воротах целовальника имать пошлина»¹⁰¹. Такого рода изменения вызывали наибольшее сопротивление.

Кстати, именно с этого момента начинается заметный внешний разрыв между разными слоями русского общества. Крестьянству было позволено сохранить традиционный уклад жизни. Дворянству — запрещено. Если раньше быт, нравы, одежда разных слоев отличалась прежде всего уровнем богатства, крой, стиль, манера ношения одежды оставались более или менее одинаковыми для всех, то теперь дворянство стало стремительно удаляться от низших многочисленных слоев, в скором времени трудно было по одежде определить их национальную идентичность. В этом вопросе Петр, можно сказать, уничтожил в каком-то смысле единство русского народа. Но это же и вызвало взрыв национальной культуры в дворянской среде, так что последствия любых такого рода глобальных перемен всегда неоднозначны, а категоричность суждений здесь недопустима.

Петр неслучайно большое внимание уделял внешнему облику и поведению своих подданных. Это было не просто прихотью человека, увлекшегося чужыми нарядами. Он прекрасно понимал, что изменения внешние неизбежно повлекут за собой и внутренние перемены, перемены в облики вызовут к жизни новые нравы и манеру поведения.

И он не ошибся. Уже о дворе Анны Иоанновны, т. е. через несколько лет после смерти Петра, английский посланник писал: «Вы не можете себе вообразить, как великолепен здешний двор с новым царствованием, хотя в казначействе нет ни одного шиллинга. При всеобщем безденежье куртизаны входят в неоплатные долги, чтобы делать великолепные наряды к маскарадам»¹⁰².

Но в это время перемены еще не затронули внутренний уклад жизни. Жена британского консула леди Рондо, посетившая Россию в 1730-е гг., оставила интереснейшее эпистолярное наследие. В своих письмах она очень живо передавала поразившие ее эпизоды жизни русского двора. Вот один из них, свидетельствующий о том, что если европейские одежды и прижились уже на русской почве, то нравы еще оставались прежними и шокировали европейцев. Письмо 1732 г.: «Я жажду рассказать Вам одну историю... Действующее лицо — светский молодой человек, побывавший во Франции и пр. После своего возвращения он в доме своих друзей попал в компанию трех или четырех хорошеньких дам; танцевал, пел, смеялся, очень вольно обращался с дамами — одним словом, вел себя совершенно по-парижски, как он с важностью уверял

присутствующих, взиравших на него с изумлением. Затем он начал похвастаться чувствами и страстью, которую якобы возбудил в каждой из дам, и все это он повторял в самом разном обществе, так что в конце концов это достигло ушей господ мужей (а все дамы были замужем); последние какое-то время хранили мрачное молчание и наконец в очень резких выражениях объяснили [женам] причину своего дурного настроения. Дамы пожелали свести молодого человека напрямую со своими мужьями. Все три любящие пары согласились, чтобы одна из нимф пригласила его к себе на ужин, не говоря ему, кто будет еще присутствовать. На крыльях любви полетел он на свидание и был встречен с веселостью; но посреди его восторгов она стала выговаривать ему за те речи, что он произносил. Он все отрицал. Тогда вошли все дамы со своими мужьями, свидетелями его виновности, и он был честно осужден. Мужья произнесли свой приговор, заключающийся в том, чтобы дамы собственноручно выпороли его кнутом. Кое-кто говорит, что они и впрямь проделали это; другие говорят, что они приказали сделать это своим горничным; во всяком случае, наказание было исполнено с такой жестокостью, что ему пришлось несколько дней провести в постели. Не ясно только, были ли дамы только наблюдательницами или сами производили наказание. По этому примеру судите о любовных интригах в здешнем северном климате»¹⁰³.

Итак, первый результат петровских реформ — стремление внешне изменить облик, приблизиться к типу западноевропейской светской женщины. Меняются одежда, прически, манера поведения. Петр стремился к рациональности, но Россию, как это нередко бывало в истории, бросило в крайность. Все, как в Европе, и гораздо больше — вот общий принцип подражаний того времени. В огромных париках, пышных юбках, в которых нельзя было пройти по улицам, так велики они были, вряд ли бы великий реформатор узнал следы своих преобразований.

Ежемесячное издание «Трудолюбивая пчела» сообщало в 1759 г.у в «Письме к смотрителю»: «...красавицы совсем исшалились. Их юбки, которые пучиться и расширяться начали перед вашим отъездом, делают теперь преужасную окружность, которая день ото дня увеличивается... Многие рассмотнительные особы думают, что с некоторого времени наш пол сделался весьма смелым и что сии китовыми обручами обложенные юбки введены в употребление для того, чтоб нас не близко к себе подпускать...» А сатирический журнал «И то и сё» в 1769 году писал: «До сих пор завивали волосы и ставили кудри наподобие заливных труб и винных бочонков; я ныне упражняюсь в изобретении новой манеры. Выдумка моя состоит в том, чтобы ставить кудри наподобие цветка розы и припудривать волосы красною с некоторой белизною пудрой...»¹⁰⁴ В «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева бабка Лаврецкого вспоминала

былые годы: «Поставят тебе, рассказывала она в старости, войлочный шлык на голову, волосы все зачешут кверху, салом вымажут, мукой посыплют, железных булавок натыкают — не отмоешься потом; а в гости без пудры нельзя — обидятся, — мука!»

В моду вошла искусственность, стремление изменить внешность, уйти как можно дальше от естественного состояния. Вспомним, что эта традиция имела давнюю историю. Все без исключения иностранцы жаловались на чрезмерное употребление русскими женщинами белил и румян, портивших, по их единодушному мнению, природную красоту россиянок. Теперь же подобное стремление получило «обоснование». Купчихи чернили зубы (А. Н. Радищев описывает купеческую свадьбу и черные зубы красавицы-невесты). Женщины высшего общества налепляли на лицо искусственные мушки, сделанные из ткани, иногда в большом количестве. Возник даже целый «язык» мушек, когда место, где она была прилеплена, имело определенное значение («я вами интересуюсь», «я стремлюсь к одиночеству», «я от вас устала» и т. д.).

Нередко подражание Европе превращалось в пародию на европейскую моду. Контакты между странами в то время были ограничены и сводились в основном к деловым поездкам мужчин. Вернувшись, отвечая на расспросы своих женщин, они пытались пересказать, что видели. По их рассказам шили платья и украшались. Можно представить, к каким плачевным результатам это приводило. По словам француза Белькура, посетившего Петербург, некоторые барышни «как ни стараются... хорошо одеться, у них все выходит нескладно. Три, четыре косынки, одетые без вкуса, делают их похожими на кормилиц, нарядившихся в детские пеленки. А те, что открывают грудь, переступают пределы приличия, так что парижанин принял бы их за женщин на содержании...» Путеводитель конца XVIII в. «Ручной дорожник для употребления по пути между императорскими столицами» рассказывал, что «нет ничего смешнее, как видеть наших деревенских щеголих, одетых не по рисунку или описанию знающей свет барыни, а по рассказам своей бабушки, которая увидела городскую модницу в лавке и, приехав домой, рассказала все до последней булавки своей внучке...»¹⁰⁵

Во второй половине XVIII в. в женский мир в России врывается совершенно новое, но уже лежащее на подготовленную почву понятие «мода». Допетровская Русь этого понятия не знала, она знала понятие «богатство», которое отличало высшие слои от низших. Известный исследователь русского быта М. И. Пыляев писал о традициях старины: «Русские женщины не заботились ни об изяществе формы, ни о вкусе, ни о согласии цветов в одежде — лишь бы блестело и пестрело. В их одеждах не было талии, они были мешки. О том чтобы платье сидело хорошо, не имели понятия. По мнению

русских, красота женщины состояла в толстоте и дородности; женщина стройного стана не считалась красавицею; напротив, ей предпочитали мясистую и тучную»¹⁰⁶.

Более того, в то время внимание к своей внешности осуждалось. Церковь долгое время запрещала даже зеркала как средство самолюбования и самообольщения. Теперь же наступает разгул моды. Предполагается, что дама из высшего общества непременно следует всем изменениям в этом вопросе. С 1779 г. в России начинает выходить первый модный журнал. Теперь русские женщины могут следить за европейскими тенденциями не только по рассказам своих отцов и мужей.

Мода распространяется не только на одежду. В XVIII в. приходит мода на кокетство, на кормилиц (женщины-дворянки перестают кормить своих детей, им теперь некогда), даже на любовников. В это время становится модно иметь поклонников, причем открытых, чтобы в обществе о них знали. Правда, эта мода оказывается недолговечной. Уже в последней четверти XVIII в. под влиянием идей, как принято считать, француза Ж. Ж. Руссо, а скорее просто из национальной склонности, эта «неестественная» мода проходит. Теперь все стремятся к природе, естественности. Женщины-дворянки опять начинают кормить своих детей (см. у Пушкина: «согласно моде и Руссо, купались в море детских кружев»). Из Европы приходит мода на томную античность. Известный русский мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786–1856) писал по этому поводу: «Что касается до женщин, то все они хотели казаться древними статуями, с пьедестала сошедшими: которая оделась Корнелией, которая Аспазией. Итак, французы одеваются, как думают; но зачем же другим нациям, особливо же нашей отдаленной России, не понимая значения их нарядов, бессмысленно подражать им, носить на себе их бредни и, так сказать, их ливрею? Как бы то ни было, но костюмы, коих память одно ваяние сохранило на берегах Егейского моря и Тибра, возобновлены на Сене и переняты на Неве. Если бы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядеть как на древние барельефы и на этрусские вазы. И право, было недурно: на молодых женщинах и девицах все было бы так чисто, просто и свежо; собранные в виде диадемы волосы так украшали их молодое чело. Не страшась ужасов зимы¹⁰⁷, они были в полупрозрачных платьях, кои плотно обхватывали гибкий стан и верно обрисовывали прелестные формы; поистине казалось, что легкокрылые Психеи порхают на паркете. Но каково же было пожилым и дородным женщинам? Им не так выгодно было выказывать формы; ну, что ж, и они также из русских Матрен перешли в римские матроны»¹⁰⁸. Опять смешно и чрезмерно.

Но страсть к роскоши в русском обществе осталась, впрочем, она искони была присуща русской культуре. Только теперь она приняла вполне конкретные формы.

Несколько известных исторических анекдотов прекрасно иллюстрируют эту особенность русского мира. Один из них об известном щеголе XVIII в. Андрее Разумовском, сыне известного государственного деятеля Разумовского. Однажды отец, возмущенный безумными тратами сына, привел его к себе в комнату и показал простую одежду, хранившуюся в шкафу, в которой ходил в детстве: «“Вот что носил я, когда был молод, не стыдно ли тебе так безумно тратить деньги на платье”, — сказал гетман. “Вы другого платья и носить не могли, — хладнокровно отвечал сын. — Вспомните, что между нами огромная разница: вы — сын простого казака, а я — сын российского фельдмаршала”».

Гетман, любивший и сам отпустить острое словцо, был обезоружен ответом сына»¹⁰⁹.

Их родственница, графиня М. Г. Разумовская, была также известна своей страстью к дорогим нарядам. Однажды она, нигде не останавливаясь, одним духом проехала в карете из Петербурга в Париж, чтобы заказать себе платье к торжественному случаю. Она приехала туда поздно вечером, а на следующий день, как ни в чем не бывало, утром уже ходила по магазинам. Ей было тогда 84 года. В другой раз, когда она уезжала домой из Вены, она попросила своего приятеля, служившего по таможенному ведомству в Петербурге, помочь ей с провозом туалетов. «“Да сколько же намерены вы провезти с собою?” — спросил он. “Безделицу, — отвечала она. — Триста платьев!”»¹¹⁰

Надолго, навсегда сохранилась в России мода на все иностранное. Известный поэт К. Н. Батюшков иронизировал в начале XIX века: «Зайдем отсюда в конфетный магазин, где Жид или Гасконец Гоа продает мороженое и всякие сласти. Здесь мы видим большое стечение Московских франтов в лакированных сапогах, в широких Английских фраках, и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных. Этот, конечно, — Англичанин: он, разиня рот, смотрит на восковую куклу. Нет! он Русак и родился в Суздале. Ну, так этот — Француз: он картавит и говорит с хозяйкой о знакомом ей чревовещателе, который в прошлом годе забавлял весельчаков Парижских. Нет, это старый франт, который не ездил далее Макарья и, промотав родовое имение, наживает новое картами. Ну, так это — Немец, этот бледный высокий мужчина, который вошел с прекрасною дамою? Ошибся! И он Русской, а только молодость провел в Германии. По крайней мере, жена его иностранка: она насилу говорит по-русски. Еще раз ошибся! Она Русская, любезный друг, родилась в приходе Неопалимой Купины и кончит жизнь свою на святой Руси. Отчего же они все хотят прослыть иностранцами, картавят и кривляются? — отчего?..»¹¹¹ Впрочем, об этой черте русского характера уже очень много сказано в других разделах.

Менялись эпохи, а вместе с ними и сиюминутные моды. Во второй половине XIX в. уже осуждали роскошь и пышность. И не только интеллектуалки и революционерки, которые даже ношение шелковых платьев считали уступкой режиму. Но аристократки и потомственные дворянки. Так, интересен отзыв Анны Ахматовой о постановке «Анны Карениной» во МХАТе. Автор воспоминаний, Л. К. Чуковская, заметила как-то, что люди ходят на спектакль, чтобы посмотреть «роскошную жизнь высшего света»: «Исторически это совершенно неверно, — сказала Анна Ахматова. — Именно роскошь высшего света никогда не существовала. Светские люди одевались весьма скромно: черные перчатки, черный закрытый воротник... Никогда не одевались по моде: отставание по крайней мере на пять лет было обязательно. Если все носили вот такие шляпы, то светские дамы надевали маленькие, скромные. Я много их видела в Царском: роскошные ландо с гербами, кучер в мехах — а на сиденье дама, вся в черном, в митенках и с кислым выражением лица... Это и есть аристократка. А роскошно одевались, по последней моде, и ходили в золотых туфлях жены знаменитых адвокатов, артистки, кокотки»¹¹².

Время от времени возвращались и традиционные русские костюмы. Особенно это было характерно для периодов, поворотных в истории России. Но теперь уже они навсегда оставались искусственными для дворянской среды, своеобразным маскарадом, хотя и всегда имевшим стремление вернуться к корням, истокам, отдать дань предкам. Так было после 1812 г., когда многие из патриотических чувств отказывались от французских туалетов. Ф. Ф. Вигель иронизировал: «Всю осень, по крайней мере у нас в Пензе, в самых мелочах старались выказывать патриотизм. Дамы отказались от французского языка. Многие из них почти все оделись в сарафаны, надели кокошники и повязки; поглядевшись в зеркало, нашли, что наряд сей к ним очень пристал, и не скоро с ним расстались»¹¹³. Так же было и в начале XX в. На 300-летие дома Романовых в 1913 г. был устроен знаменитый бал в Зимнем дворце, где весь цвет русской аристократии того времени был наряжен в костюмы допетровской Руси.

«Русский костюм» дворянства тоже был данью моде, ничем больше. Восстановить разрыв с народом он уже не мог. Наоборот, скорее еще больше отдалял от него. Показательна реакция крестьянина, персонажа пьесы В. А. Соллогуба (Сотрудники, или Чужим добром не наживешься), на такого рода переодевания. Увидев хозяйского гостя, журналиста, одетого в «красную рубашку, старинный полукафтан и мурмолку», он восклицает: «Вишь, как одет чудно! Должно быть, из немцев».

Итак, в России сложилось своеобразное отношение к моде. Формировалось оно веками. Долгое время оно просто отсутствовало. Европа уже давно увлекалась новыми

веяниями в одежде, убранстве домов, манере поведения, а Россия еще жила преимущественно старыми традициями, из года в год, из века в век нося схожие для всех слоев общества наряды и живя в одинаковой обстановке. Ситуация начинает меняться с петровскими преобразованиями в начале XVIII в., которые привносят в страну европейскую моду, подчас преувеличенную и доведенную до абсурда. В советское же время всех одели в усредненные цвета и фасоны.

В целом же по стране, за исключением узкой модной прослойки столичных городов, в России и по сей день предпочитают строгую, консервативную одежду. В деревнях же на нее по-прежнему обращают мало внимания, ходят в серых, бесцветных одеждах, которые очень практичны и удобны в стирке.

Также и пожилые люди до сих пор предпочитают темные цвета. Яркие одежды европейских и американских старушек в России вызывают недоумение. Здесь считается, что каждый должен одеваться в соответствии со своим возрастом: ярко и даже вызывающе, когда молод, строго в зрелом возрасте, мрачно в старости. Правда, на праздники и по торжественным случаям любят наряжаться. Это обязательно. Белая кофточка до сих пор является главным атрибутом праздника.

В одной большой американской семье появилась русская жена. На ежегодных сборах всех представителей большого клана она всегда выделялась. Все дочери и американские невестки приезжали к родителям за город в практичной повседневной одежде: джинсы, футболки, кроссовки. Русская жена сына всегда наряжалась и удивляла окружающих: туфли на высоком каблуке, меховой воротник, выходное платье, драгоценности, маникюр. Для нее это был выход в гости, значит, надо было выглядеть нарядно. Ее муж очень ею гордился.

Сегодня русский рынок заполнили зарубежные товары. По большей части это дешевые синтетические китайские наряды. Многие с грустью вспоминают старые времена, когда простая и неяркая одежда отечественного производства была дешевой и из натуральных тканей. Хлопок и шерсть долгое время были дешевле искусственных тканей. Часто русским женщинам не хватает чувства вкуса. Темные простые одежды были привычны и понятны. Сегодня, когда выбор огромен, многие покупают, исходя из цены, доступности и яркости одежды. Сочетания иногда получаются самые разные, порой нелепые. Надо подчеркнуть, что одновременно с этим существует категория городских модниц, которые опережают европейских в своих самых модных и современных нарядах.

Возвращаясь к положению женщины в России. XX в. усилил общую тенденцию и противоречивость ситуации. С одной стороны, женщина после революции была провозглашена равноправной по отношению к мужчине. Все, что касалось прав и обязанностей, было оговорено. Равенство полов стало своеобразным «коньком» нового государства. Женщине предлагалось отказаться от устоев старой жизни, в том числе готовки и воспитания детей. Все это предполагалось предоставить государственным учреждениям. Выше уже говорилось о крахе подобного рода мечтаний: каждый муж хотел иметь домашний обед, далеко не каждая мать была готова расстаться со своим ребенком.

В результате сложилась двойственная ситуация. Женщины были допущены до мужских работ, но не были освобождены от женских. Эта проблема характерна и для последующих эпох. С одной стороны, женщины были допущены в самые разные сферы деятельности, включая и традиционные мужские. Женщины в роли строителя, воина, водителя автомашины, укладчицы дорог и т. д. перестала удивлять население страны. С другой, сами по себе женские обязанности сохранялись и культивировались советским государством, освободившимся от уз первоначального нигилизма. Об этом свидетельствуют, в частности, фильмы советского времени, где наряду с женщинами-учеными, женщинами-монтажниками, женщинами — строителями коммунизма женщина непременно предстает домашней хозяйкой, устраивающей быт семьи.

В известном фильме «Белое солнце пустыни» (1969) диалог между русским красноармейцем и мусульманской женщиной раскрывает все радости и горести существования русской женщины:

«Сухов. Нам полагается только одна жена. Одну тебя муж любит, одной тебе презенты дарит, заботится, бережет... Плохо?

Гюльчатай. Хорошо...

Сухов. Ну вот.

Гюльчатай. Одна жена любит, одна одежду шьет, одна пищу варит, одна детей кормит. И все одна?

Сухов. Ничего не попишешь.

Гюльчатай. Тяжело!»

А кто говорил, что будет легко? Двойное бремя (по сути мужских и женских обязанностей) навалилось на плечи советской женщины как своеобразная плата за эмансипацию.

Усугубила ситуацию и военная пора. В годы Великой Отечественной войны вся тяжесть мирного труда выпала на долю русских женщин. Исследователи, подводя итоги войны, любят приводить данные участия женщин в войне — сколько они сбили самолетов, сколько орденов получили, во скольких операциях участвовали. Все это впечатляет. Но все-таки главный подвиг совершен женщинами в тылу и не был в достаточной степени оценен. Это подвиг матерей, кормивших своих детей в землянках крапивой и снытью, крестьянок, в одиночку пахавших, сеявших и кормивших армию, юных девушек, работавших на военных заводах, в госпиталях, школах. Трудно перечислить все сферы жизни, в которых в годы войны отличилась женщина. Это окончательно уравнило ее с мужчинами в глазах общества.

При этом женское, материнское начало не было уничтожено. Наоборот, оно приобрело особое значение. Женщина в годы войны не только выполняла свой гражданский долг, но и хранила устои семьи. Именно это восхвалялось обществом. Материнский, женский и гражданский подвиг одинаково приветствовались и стимулировались идеологией советского государства.

В конце 1970-х гг. было провозглашено: «В Советском Союзе успешно решена задача огромной исторической значимости — на деле обеспечено подлинное равноправие женщин. Быть может, это одно из наиболее ярких свидетельств истинной демократичности социалистического общества»¹¹⁴. Действительно, ситуация в стране во многих «женских» вопросах обогнала другие страны: долгие годы после падения режима, когда в Россию хлынули различные идеи, женщины не могли понять, за что им предлагают бороться. Зарплаты на работе зависели от фиксированной ставки, а не половой принадлежности, беременную женщину или молодую маму уволить с работы было невозможно, на руководящих должностях (кроме самых высших партийных) женщин было предостаточно. Проблемы борьбы за признание равноправия женщины были и остаются чуждыми подавляющему большинству женского населения страны.

Несколько слов о проблеме феминизма в России. Впервые с темой борьбы женщин за свои права русское общество столкнулось в конце 1850-х гг. Надо отметить, что идеи эти были занесены из Европы и тесно связаны с революционным движением, которое в то время набирало силу. Как справедливо отмечает одна из исследовательниц проблемы

Э. А. Павлюченко, в книге которой «Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер» собран интереснейший фактический материал, лидеры освободительного движения (все мужчины) считали женский вопрос одним из важных политических факторов. Она отмечает, что «А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев органично связывали женскую эмансипацию с борьбой против самодержавно-крепостнической системы в целом и тем самым делали значительный шаг вперед в сравнении с западноевропейскими социалистами-утопистами, не предлагавшими реальных путей решения проблемы»¹¹⁵. Как часто бывает в России, теории здесь стали активно претворять в жизнь.

Побочным эффектом этой деятельности было появление нового типа женщины. Даже внешний вид ее отличался от прежнего: стремясь к новому, к разрыву с прежней жизнью, женщины-революционерки сознательно подражали мужчинам. Они отказывались от длинных волос, носили самые простые темные платья, мужские шляпы, много курили. Нигилистки, синие чулки, «эмансипе» — эти новые героини вызывали мало симпатии у общества. Их клеймили, подобно нижегородскому губернатору, который в 1866 г. выпустил распоряжение, что «все женщины, носящие круглые шляпы, синие очки, башлыки, коротко остриженные волосы и не носящие кринолинов, признаются нигилистками, забираются в полицию, где им приказывают скинуть все эти наряды и надеть кринолины; а если они не послушаются, то высылать их из губернии»¹¹⁶. Но больше смеялись, как И. С. Тургенев, который в «Отцах и детях» вывел малопривлекательный образ такой эмансипированной женщины. О его Кукшиной много спорили, борцы за свободу были ей недовольны.

Изменения коснулись не только внешности, но и внутреннего мира женщин. Свободная любовь, отрицание традиционной семьи, фиктивные браки, которые потом осложняли жизнь всем участникам таких союзов¹¹⁷ — все это разрушало моральные устои общества, а значит, вызывало негативное отношение окружающих. Известный революционер 1860-х годов, впоследствии журналист и книгоиздатель, Л. Ф. Пантелеев (1840–1919), вернувшийся в Петербург из ссылки в 1874 г., был поражен изменениями в семейном строе интеллигенции: «Мой товарищ разошелся с своей первой женой и сожительствовал с особой, которая в свою очередь покинула своего прежнего мужа. За обедом, однако, присутствовала и прежняя жена моего товарища вместе со своим новым мужем... Это, конечно, было утешительно видеть; но, прислушиваясь к говору детей... я не мог уяснить себе — кто из них и от какой комбинации происходит... Мне эти дети потом

часто вспоминались. Какая будет их судьба? Тем более что и новые семейные комбинации их родителей по недолгому времени оказались неустойчивыми, их сменили другие»¹¹⁸.

Здесь важно не путать политическую борьбу и естественные процессы развития общества. К сожалению, эти явления часто смешивают вполне сознательно. Говоря о борьбе за права женщин, имеют в виду прежде всего ее вовлеченность в революционный процесс, а иллюстрируют достижениями в области женского образования. Процесс расширения прав и возможностей женщин в области образования и карьеры был совершенно закономерным и медленно, но верно набирал силу, причем развивался параллельно с общей системой образования еще с XVIII в. Женское движение второй половины XIX в. имело к этому мало отношения и сыграло свою роль скорее в расшатывании традиционной системы, что в конечном счете привело к революциям.

Женский вопрос был вновь поставлен в стране на волне перестройки в конце XX в. Эпоха, во многом схожая со временем правления Александра II. Не случайно даже терминология в прессе и публицистике использовалась в обе эпохи одна и та же — «гласность», «ветер перемен», «воздух свободы» и т. д. И вновь вопрос этот стал фактором политической борьбы. Изначально никакой поддержки идеи феминизма в народе не получили. Они долгое время оставались уделом избранных, вовлеченных в политику. Надо помнить, что в конце 1980-х — начале 1990-х гг. подобные направления неплохо финансировались, в определенных узких кругах интерес к проблеме был. Однако постепенно люди стали привыкать к мысли, что и в этом вопросе у нас что-то не так. Недостаточно внимания уделяется женским нуждам, слишком большой акцент делается на семейную жизнь, игнорируется интеллектуальный потенциал женщины. Особенно распространились подобные идеи среди молодежи, прежде всего среди образованной ее части.

Защитницы «прав» женщин все время доказывают, что женщина тоже человек. Для большинства населения страны это и так очевидно. А то, что женщина больше занимается домом, чем мужчина, рождает детей, меньше «играет» в войны и большую политику, не считается неравенством. В целом и на сегодняшний день термин «феминизм» не находит поддержки в обществе. Как и когда-то, он ассоциируется с женщинами, не устроившими личную жизнь, отказавшимися от женской природы, любви, привлекательности.

Вот только два отрывка из интервью с современными деловыми женщинами. Одна — известная в свое время телеведущая (ее хорошо помнит старшее и среднее поколение по телнпередаче «Спокойной ночи, малыши», где она очень обаятельно общалась с Хрюшей и Степашкой) Татьяна Веденеева. Позже она вышла замуж за

швейцарца и основала компанию по производству соусов, поставляемых на российский рынок. В интервью «Аргументам и фактам» она всячески подчеркивает важность женского начала, семейных отношений, наличия рядом «большого и сильного» мужчины. «Вообще все женщины делятся на две категории, — мыслит эта деловая дама. — Одни действительно висят, как гири на ногах. И бросить жалко, потому что дети уже пошли, но и взлететь они не дают. А других бросить никак невозможно, потому что они дают своим мужьям крылья. Часто за очень знаменитыми и успешными мужчинами стоят маленькие, но сильные женщины. Таких женщин никогда не оставляют. В Японии вместо “Я тебя люблю” говорят: “Я хочу стирать твоё бельё”. Мне кажется, это очень верно»¹¹⁹.

А вот отрывок из интервью с предпринимательницей, президентом международного женского клуба «ЛЕДИ-ЛИДЕР» М. В. Коростелевой. Она подчеркивает, что женственность должна непременно сохраняться и у деловой женщины: «Многие представляют, что деловые женщины жестки, решительны, бескомпромиссны, считают, что им должно быть свойственно мужское начало в поведении. Но я думаю, что женственность, мягкость, нежность всегда остаются при нас». На вопрос корреспондента, не феминистки ли члены ее женского клуба, категорически и с испугом отвечает: «Ни в коем случае! Мы приглашаем в наш клуб мужчин. Иногда собираемся с мужьями, с друзьями-мужчинами. Как без этого? Ну, а с кем же мы кокетничать будем? <...> Хотя мы считаем, что женщины играют в нашем обществе все большую роль, и уверены, что развитие нашего общества возможно благодаря подъему деловой активности женщин, это не феминизм. Мы считаем, что женщины при этом не должны забывать о своей сути. Мы подчеркиваем у самих себя понятие «леди» в делах, в одежде, в общении...»¹²⁰

На сегодняшний день в стране соседствуют бок о бок, с одной стороны, некоторая консервативность и традиционность (с точки зрения многих западных обозревателей) в отношении к женщине и семейным ценностям. С другой, все больше проникают идеи о необходимости изменения ситуации. Опять, согласно русской традиции, появилось стремление воплотить в жизнь чужие теории. Но процесс этот пока еще на стадии становления, и трудно предсказать его перспективы.

Интересны результаты опроса, проведенного в конце 1980-х — начале 1990-х гг.¹²¹ Опрос проводился очень широко и всесторонне, с научным подходом и серьезной подготовительной работой. К сожалению, более поздние «опросы общественного мнения» не имеют научной значимости, т. к. никто не представляет, где, когда и как они проводятся, просто приводятся сомнительные данные. Так что придется прибегнуть к этим несколько устаревшим данным.

Согласно результатам проведенного исследования, женщины считают, что в них главное — хозяйственность и трудолюбие, привлекательность и веселый характер, на последнем месте — профессионализм (целеустремленность, преданность делу). Мужчины в женщине одинаково ценят хозяйственность, целеустремленность, преданность делу, привлекательность и хороший характер. В семьях, где больше зарабатывает жена, семейные отношения, согласно опросу, оцениваются женщинами лишь как удовлетворительные или неудовлетворительные. Идеал мужской и женский — когда семейные вопросы решаются сообща. В целом у женщин нет ощущения неравенства, бесправия, есть стремление к четкому распределению обязанностей по половому признаку. Характерен ответ: «Зачем он мне на кухне нужен, мешать только». Причинами разводов называют плохие жилищные условия, нехватку денег, вмешательство родителей, реже пьянство, лишь иногда — ревность, отсутствие внимания, практически никогда — несхожесть характеров.

А вот итоги опроса, проводившегося на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова в 2005–2007 гг. (участвовали около 400 студентов, возраст 17–19 лет). Главные особенности аудитории — молодость, относительная материальная обеспеченность, количественное преобладание девушек над юношами, последних было не более 20% от общего числа.

На вопрос, что для вас главное в жизни, подавляющее большинство ответили — семья, на втором месте — счастье и здоровье свое и близких, затем любовь и только потом профессия и карьера. Благополучие (материальное) заняло 7-е место. Большинство считает нормальной совместную жизнь вне брака, однако больше трети к этому вопросу высказали отрицательное отношение. Обязанности членов семьи выглядят следующим образом: муж материально обеспечивает семью (это положение победило с большим отрывом), воспитывает детей и помогает по хозяйству. В обязанности жены входит в первую очередь воспитание детей, она также названа «хранительницей очага» (второе место) и ответственной за домашнее хозяйство. Идеальная женщина — умная, добрая, заботливая; идеальный мужчина — умный, с сильным характером, заботливый. Наконец, названные причины развода отражают в значительной мере юный возраст опрашиваемых: измена здесь на первом месте, затем непонимание и неуважение.

В вопросах воспитания детей также заметно единодушие. Все ответы, занявшие первые места, в общем-то повторяют друг друга. Самым важным в вопросах воспитания детей опрашиваемые считают понимание, любовь, умение и желание вникать в их проблемы, развитие лучших качеств. Дети, в свою очередь, должны помогать родителям,

уважать их и слушаться, а также радовать родителей успехами. Идеальным количеством детей почти все опрошенные считают 2–3 ребенка. Традиционные идеалы заметно проглядывают через ответы юных респондентов.

На Западе исследователи русской жизни с сочувствием относились и относятся к положению русской женщины в XX — начале XXI вв. В советское время, признавая реально существующее равенство полов, авторы писали о тяжести женского труда, который не награждался, по их мнению, должным образом. Именно женщину считали в значительной мере опорой социалистической системы, важнейшим фактором ее сохранения и развития.

Сегодня западные обозреватели отмечают двойное бремя на женских плечах — дом и работу. Обращают внимание на целомудренность и скромность русской женщины (в качестве иллюстрации приводят тот факт, что она никогда не спросит у мужчины дорогу в туалет). Отмечают, что феминизм в России не распространен, но существует потрясающая взаимовыручка и женская солидарность. У женщины всегда существуют подруги, с которыми она делится всем, которые помогают друг другу и всегда придут на помощь в кризисных ситуациях. Этот факт, столь естественный для россиян, вызывает удивление и одобрение иностранцев¹²². На Западе, прежде всего в США, существует разветвленная сеть организаций, оказывающих психологическую помощь женщинам. В России такой необходимости нет, т. к. существуют тесные дружеские и семейные связи. Чтобы высказаться и рассказать о бедах, не надо звонить на горячую линию, для этого есть родные и близкие.

Особые волнения вызывает тема ведения бизнеса в России. Западные путеводители предупреждают, что русские мужчины несерьезно относятся к деловым женщинам, в том числе к иностранкам. Надо быть готовой к тому, что в России мужчины будут оказывать знаки внимания, ухаживать, говорить комплименты и вообще порой вести себя игриво. Совет, который дается чаще всего, не обращать на это внимание, сделать себе солидную визитную карточку, строго одеваться, предъявить рекомендательные письма, подчеркнуть наличие титулов и званий. С трудом представляется, что эти меры могут иметь какой-либо заметный успех в глазах русских партнеров. Скорее здесь важно не путать форму и содержание.

Как было сказано выше, в России сегодня женщины, вовлеченные в бизнес, вещь совершенно обычная, в некоторых сферах (например, образование, торговля) они даже преобладают. Но определенные внешние ритуалы по-прежнему соблюдаются. Особое

внимание к «слабому» полу, как до сих пор называют женщин в обществе, сохраняется. При знакомстве могут поцеловать руку, пропускают (пока еще) вперед в дверях, произносят тосты «за прекрасных дам» во время банкетов, в том числе и деловых. Ухаживания, знаки внимания, легкий флирт вполне допустимы в России во время деловых встреч. Такое галантное поведение считается хорошим тоном, но отношение к деловым женщинам при этом совершенно серьезное.

В современном российском обществе скорее играют в сильных мужчин и слабых женщин, но правила игры усердно выполняются обеими сторонами. Можно представить, как нелепо почувствовал себя приехавший в Америку преподаватель из России, когда хрупкая женщина, встречавшая его в аэропорту, схватила его огромный чемодан. В ответ на возмущенное восклицание: «Я же мужчина!», она ответила: «А я же женщина!» и продолжала тащить чемодан. Хотя во многом уходящие в прошлое, но все-таки определенные традиции и сегодня сильны в российском обществе. На улице и в общественных местах это проявляется в стремлении проявить уважение и оказать покровительство: открыть и поддержать дверь, пропустить вперед, подать руку при выходе из общественного транспорта, уступить место, подать пальто и т. д.

Семейные ценности все еще сохраняют свое значение в русском обществе. Заканчивая семейную тему, хотелось бы привести высказывание Н. В. Гоголя, закоренелого холостяка, не понаслышке знавшего о тяготах одинокой жизни, из поэмы «Мертвые души»: «Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!»

---

¹ Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 397.

² Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 64.

³ Здесь и далее цит. по: Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.

⁴ Домострой. Литературные памятники. СПб., 1994. С. 318.

⁵ Там же. С. 314.

-
- ⁶ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 51, 227.
- ⁷ Там же. С. 302.
- ⁸ История русской литературы. В 10 т. Т. 2. М.–Л., 1941–1956. Ч. 1. 1945. С. 445.
- ⁹ *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 170.
- ¹⁰ Русские / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2005. С. 419.
- ¹¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993. С. 138.
- ¹² *Тереженко А.* Быт русского народа. М., 1999. С. 226, 209.
- ¹³ Песня эта была услышана С. Г. Тер-Минасовой во время студенческой экспедиции в Архангельскую область в конце 1950-х гг. За последние десятилетия она стала популярной — ее содержат основные собрания народных песен различных регионов Сибири (например, Томской и Омской областей), она неоднократно звучала в художественных фильмах («Команда 33», «Не могу сказать прощай»), ее популяризировал О. Митяев.
- ¹⁴ *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. В 2 т. М., 1997.
- ¹⁵ *Кузьмин В.* О рабочем жилищном строительстве // Совр. архитектура. 1928, № 3. С. 83. Цит. по: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 142.
- ¹⁶ *Залкинд А. Б.* Революция и молодежь. М., 1924.
- ¹⁷ *Троцкий Л. Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? М., 1991. С. 189.
- ¹⁸ <http://www.rhr.ru/index/midday/5434,0.html>. Интервью деловых женщин Екатеринбурга 07.03.2003. Журнал «Человеческие ресурсы России».
- ¹⁹ Журнал «Финансы». № 9 (195), 5–11 марта 2007.
- ²⁰ С результатами отчета можно ознакомиться на сайте <http://www.ism-m.ru/2006.htm>
- ²¹ Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. ред. К. В. Чистов. М., 1987. С. 363.
- ²² Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М., 2006. С. 94–107.
- ²³ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 181.
- ²⁴ Там же. С. 178.
- ²⁵ Моя Москва. 2006. № 12.
- ²⁶ Быт великорусских крестьян-землепашцев. С. 239.
- ²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М., 1985. С. 278.
- ²⁸ *Керн А. П.* Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1989. С. 125.
- ²⁹ Там же. С. 150.
- ³⁰ *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 1. М., 2004. С. 222–227.
- ³¹ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 16 т. Т. 13. М.–Л., 1937. С. 538–539.
- ³² *Керн А. П.* Указ. соч. С. 363.
- ³³ Там же. С. 13.
- ³⁴ *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Т. 2. М., 1993. Подробное описание сватовства см. на с. 248–306.
- ³⁵ *Никитенко А. В.* Указ. соч. С. 15.
- ³⁶ Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 126.
- ³⁷ *Филин М. Д.* Люди императорской России. М., 2000. С. 69.
- ³⁸ *Болотов А. Т.* Указ. соч. Т. 2. С. 296.
- ³⁹ *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 179.
- ⁴⁰ *Флетчер Дж.* О государстве русском. М., 2002. С. 163.
- ⁴¹ *Дмитриева О. В.* Затворницы или искусительницы. Московитки глазами англичан XVI века // Судьбы и образы женщин средневековья. СПб., 2001. С. 195.

-
- ⁴² *Олеарий Адам*. Указ. соч. С. 191.
- ⁴³ *Дмитриева О. В.* Указ. соч. С. 193.
- ⁴⁴ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 91.
- ⁴⁵ *Пушкарева Н. Л.* У истоков женской автобиографии в России // Филологические науки. 2000. № 3. С. 68.
- ⁴⁶ Там же. С. 65.
- ⁴⁷ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 36.
- ⁴⁸ *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. 2, 3. М., 1999. С. 19.
- ⁴⁹ См., например: *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. 2, 3. М., 1999. С. 12.
- ⁵⁰ *Лабзина А. Е.* Воспоминания // История благородной женщины. М., 1996. С. 15.
- ⁵¹ Там же. С. 28.
- ⁵² *Громыко М. М.* Мир русской деревни. С. 169, 170.
- ⁵³ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002. С. 252–254.
- ⁵⁴ *Барковец О. И., Крылов-Толстикович А. Н.* Неизвестный император Александр III. М., 2003. С. 28.
- ⁵⁵ Там же. С. 32.
- ⁵⁶ Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. М., 2001. С. 44.
- ⁵⁷ *Барковец О. И., Крылов-Толстикович А. Н.* Указ. соч. С. 33.
- ⁵⁸ Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. С. 180.
- ⁵⁹ *Барковец О. И., Крылов-Толстикович А. Н.* Указ. соч. С. 34.
- ⁶⁰ Там же. С. 36.
- ⁶¹ Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. С. 127.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Барковец О. И., Крылов-Толстикович А. Н.* Указ. соч. С. 229.
- ⁶⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. С. 393.
- ⁶⁵ Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 67.
- ⁶⁶ *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1999. С. 148–149.
- ⁶⁷ *Ковалевская С. В.* Воспоминания. Повести. М., 1974. С. 57.
- ⁶⁸ *Пушкарева Н. Л.* Мать и материнство на Руси (X–XVII вв.) // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 314, 317, 320.
- ⁶⁹ Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002. С. 125.
- ⁷⁰ *Пушкарева Н. Л.* Указ. соч. С. 310.
- ⁷¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866. С. 75.
- ⁷² *Флетчер Дж.* О государстве русском. М., 2002. С. 147.
- ⁷³ Сказание современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб., 1859. С. 52–53.
- ⁷⁴ *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 164.
- ⁷⁵ *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 36, 79.
- ⁷⁶ *Аксаков И. С.* Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 389.
- ⁷⁷ Домострой. М., 1990. С. 149, 153, 152.
- ⁷⁸ *Олеарий Адам.* Указ. соч. С. 199.
- ⁷⁹ Из «Временника» Ивана Тимофеева // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 309.
- ⁸⁰ Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Т. 1. СПб., 1859. С. 52.
- ⁸¹ *Олеарий Адам.* Указ. соч. С. 189.

---

⁸² *Курсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М., 2000. С. 103.

⁸³ *Керн А. П.* Указ. соч. С. 104.

⁸⁴ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 112, 49, 191.

⁸⁵ *Hingley R.* Russian Writers and Society, 1825–1904. L., 1967.

⁸⁶ Мемуары Казановы. М., 1991. С. 328.

⁸⁷ Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени. М., 2000. С. 105.

⁸⁸ *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 83.

⁸⁹ *Левыкин К. Г.* Деревня Левыкино и ее обитатели. М., 2002. С. 241, 239.

⁹⁰ *Терещенко А.* Быт русского народа. Ч. 1. М., 1997. С. 230.

⁹¹ *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. М., 1990. С. 34.

⁹² Записки М. Н. Волконской. М., 1977. С. 15.

⁹³ Там же. С. 33–34.

⁹⁴ Там же. С. 24.

⁹⁵ *Посошков И. Т.* Завещание отеческое // Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985. С. 65.

⁹⁶ Юности честное зерцало. Калининград, 2001. С. 72.

⁹⁷ *Захарова О. Ю.* Русские балы и конные карусели. М., 2000. С. 9–10.

⁹⁸ Там же. С. 11–12.

⁹⁹ *Фоккеродт И., Берхгольц Ф.* Неистовый реформатор. М. 2000. Берхгольц. С. 239.

¹⁰⁰ Там же. С. 138.

¹⁰¹ *Рябцев Ю. С.* Хрестоматия по истории русской культуры XVIII–XIX вв. М., 1998. С. 126.

¹⁰² *Захарова О. Ю.* Указ. соч. С. 18.

¹⁰³ Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы). Л. 1991. С. 207.

Она же приводит диалог между императрицей и китайским посланником, наглядно демонстрирующий конфликт культур, характерный для любой эпохи: «Когда он начался, китайцев вместе с переводчиком ввели в залу; казалось, они наблюдают за всем с видом любознательных, а не несведущих людей. Ее величество спросила первого из них (а их трое), какую из присутствующих здесь женщин он считает самой хорошенькой. Он сказал: “В звездную ночь трудно было бы сказать, какая звезда самая яркая”, но заметив, что она ожидает от него определенного ответа, поклонился принцессе Елизавете: среди такого множества прекрасных женщин он считает самой красивой ее, и если бы у нее не были такие большие глаза, никто не мог бы остаться в живых, увидев ее. Следовательно, в каждой стране свои представления о красоте; по нашим понятиям, у принцессы удивительно прекрасные глаза. Ее величество попросила китайца назвать все, что они видели отличного от обычаев их страны, что им показалось самым непривычным. Китаец ответил: “Женщина на троне”. Вскоре затем их пригласили на придворный маскарад и спросили, не кажется ли им маскарад странным. Они ответили: “Нет, поскольку для нас всё — маскарад”».

¹⁰⁴ *Суслина Е.* Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003. С. 179–180, 212.

¹⁰⁵ Там же. С. 182, 189.

¹⁰⁶ *Пыляев М. И.* Старое житье. СПб, 2000. С. 88.

¹⁰⁷ Многие сделались тогда жертвами несогласия климата с одеждой. Между прочим прелестная княгиня Тюфякина погибла в цвете лет и красоты. — комментарий автора.

-
- ¹⁰⁸ *Вигель Ф. Ф.* Записки. В 2 т. Т. 1. М., 1928. С. 96.
- ¹⁰⁹ *Пыляев М. И.* Старое житье. СПб., 2000. С. 116.
- ¹¹⁰ Там же. С. 117.
- ¹¹¹ *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.–Л., 1934. С. 300.
- ¹¹² *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941 // Нева. 1989. № 7. С. 108.
- ¹¹³ *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч. С. 186.
- ¹¹⁴ *Николаева-Терешкова В. Н.* Женщина и социализм // Женщина и социализм. М., 1979. С. 15.
- ¹¹⁵ *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 50.
- ¹¹⁶ *Никитенко А. В.* Дневники. В 3 т. Т. 3. М., 1956. С. 55.
- ¹¹⁷ Достаточно вспомнить только самый удачный из подобных примеров — брак Софьи Ковалевской, заключенный ради того, чтобы она получила возможность продолжить учебу. Она не только ее успешно продолжила, но и стала известным математиком с мировым именем. Но в личной жизни была несчастна — через много лет фиктивный брак стал фактическим, даже родилась дочка, но годы метаний, фальшь в отношениях, сомнения и отказы привели к тому, что муж ее покончил жизнь самоубийством, а сама Ковалевская довольно одиноко и печально закончила свои дни. Но в этом случае подобный брак хотя бы дал миру ученого, а чаще всего в других случаях только коверкал судьбы.
- ¹¹⁸ *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 374.
- ¹¹⁹ АиФ Суперзвёзды. 2002 г. 16 дек. № 6.
- ¹²⁰ Моя Москва. 2006. № 1.
- ¹²¹ Результаты см. в: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.
- ¹²² *Richmond Y.* From Nyet to Da: Understanding the Russia. Intercultural Press, 1992.

Глава 6